ВЪ ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

К. Арсеньева,
М. Бикермана,
П. Боборыкина,
Вл. Боцяновскаго,
Н. Валентинова,
Н. Геккера,
И. Игнатова,
Ник. Іорданскаго,
Д. Левина,
Ф. Мускатблита,
Проф. Петрова.

Изд. „Заря“

1909.

1

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр. 9, строка 6 сверху вмѣсто „**спеціально**-психологическаго слѣдуетъ: „**соціально**-психологическаго“.

Тамъ же, строка 14 сверху вмѣсто „**начальниковъ**“ слѣдуетъ „**печальниковъ**“.

На стр. 10, строка 17 сверху вмѣсто „**франка**“ слѣдуетъ „**Франка**“.

На стр. 13, строка 34 сверху вмѣсто „**возваній**“ слѣдуетъ: „**воззваній**“.

ВЪ ЗАЩИТУ
ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

Сборникъ статей:

К. Арсеньева
М. Бикермана
П. Боборыкина
Вл. Боцяновскаго
Н. Валентинова
Н. Геккера
И. Игнатова
Ник. Іорданскаго
Д. Левина
Ф. Мускатблита
Григ. Петрова.

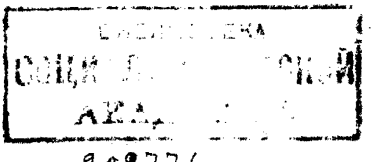
ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отчеты:

I. Засѣданія Исторической коммиссіи О. Р. Т. З. (Москва) о сборникѣ **„Вѣхи“**.

II. Засѣданія рел.-фил. О-ва (Петербургъ) съ докладами **Д. С. Мережковскаго и Д. В. Философова** о томъ же.

Изд. „Заря“.
1909.


209776

Типографія **«Общественная Польза»**. Бол. Тверская-Ямская, д. 26.

... Подъ давленіемъ историческихъ судебъ въ русскомъ сознаніи совершился таинственный процессъ трансформаціи одной силы (центростремительной) въ другую (центробѣжную): русская личность стала радіоактивной, начала излучивать отъ себя къ народу, отъ себя къ обществу, отъ себя къ человѣчеству грустную, блѣдно-свѣтящуюся, всепроникающую нѣжность. Вмѣсто вожделѣнія, хотя бы эстетическаго, вмѣсто вражды, хотя бы и священной, вмѣсто мстительности, хотя бы и справедливой, въ русскомъ сознаніи зажглось новое, еще невѣдомое донынѣ, можетъ быть, жемчужно-болѣзненное, въ болѣзни выстраданное, съ темнаго дна исторіи вынесенное на свѣтъ чувство соціалъ-гуманитарное, чувство всечеловѣческой любви.

Минскій.

„Мертвая зыбь".

(Вмѣсто предисловія).

Всѣ признаки такъ-называемой сенсаціи...

Въ Петербургѣ—засѣданіе религіозно-философскаго общества о „Вѣхахъ" [1]).

Въ Москвѣ, въ исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній —бесѣда по поводу „Вѣхъ" [2]).

Въ женскомъ клубѣ—рефератъ г. Штамма съ преніями: „Вѣхи" [3]).

Глубоко убѣжденъ, что съ такимъ же жаромъ отнесется къ нимъ и провинція, въ углахъ которой не одна лампа, не одинъ огарокъ погаснутъ прежде, чѣмъ сбившійся для обсужденія „Вѣхъ" клокъ распыленной нынѣ интеллигенціи разсыплется по домамъ.

Вѣдь россіянинъ отъ „ума недозрѣлаго" школьника до колоритнѣйшаго представителя славянъ, совмѣщавшаго въ себѣ точное знаніе съ полетомъ въ „туманную даль", отвлеченность метафизики съ душистымъ „букетомъ гражданской скорби" и то, что несомнѣнно сродни „вѣчно-женственному" съ окрашеннымъ милитаризмомъ представленіемъ о „желтой

---

[1]) 21 апрѣля.

[2]) 14 апрѣля.

[3]) 19 апрѣля.

опасности",—до Вл. Соловьева,—этотъ россіянинъ, въ студенческой ли мансардѣ или барскихъ хоромахъ, всегда пытался вытянуть и наколоть на булавку корень жизни.

Теперь онъ дѣлаетъ это съ особымъ рвеніемъ.

Раньше просилъ. Сейчасъ требуетъ:

— На проклятые вопросы дай отвѣты мнѣ прямые!

Это не Гейне сказалъ. Сказалъ въ свое время россіянинъ, взыскующій „Града". Не уѣднаго, которымъ онъ уже сейчасъ, къ вящшему удовлетворенію иного, располагаетъ. „Божія".

Въ „Рѣчи", „Словѣ" и покойной „Нашей Газетѣ"—полемика на почвѣ „Вѣхъ".

Въ „Голосѣ Москвы"—сладкозвучная кантилена:

— Сборникъ попалъ въ цѣль... Особенно не понравилось... Польза отъ этого будетъ несомнѣнная, если авторы продолжатъ свое дѣло... [1]).

Въ „Новомъ Времени"—дифирамбъ А. Столыпина:

— Безпощадное и суровое зеркало интеллигентской сущности осталось на-лицо. Оно отшлифовано терпѣливыми и мастерскими руками людей правдивыхъ и безстрашныхъ, а въ такое зеркало всегда тянетъ заглянуть хотя бы тайкомъ и урывкомъ. Бѣдная интеллигенція,—у ней нѣтъ спссобовъ изъять „вредную" книгу изъ обращенія! [2])

„Правдивые и безстрашные" это—Струве, Бердяевъ, Булгаковъ, Гершензонъ, Франкъ, Кистяковскій и Изгоевъ, сдѣлавшій, впрочемъ, опредѣленную оговорку:

— Я всецѣло принимаю изложенный тамъ основной тезисъ, но расхожусь съ остальными авторами въ его принципіальной мотивировкѣ [3]).

Послѣ такого аттестата совершенно очевидно, что

---

[1]) № 85.

[2]) № 11894.

[3]) „*Вѣхи*" стр. 209.

все остальное отъ интеллигенціи, за вычетомъ этихъ семи, ихъ точку зрѣнія не раздѣляющее, лживо и трусливо.

На кого идеалистическіе боги, на того и октябристскіе люди.

Ни на мгновеніе не сомнѣваюсь, что вы съ негодованіемъ отвергнете ироническую скорбь о томъ, что у нашей интеллигенціи:

— Нѣтъ способовъ изъять „вредную“ книгу изъ обращенія!

Эта улыбка, это остроуміе,—это:

— Поклепъ!

Каковъ бы символъ общественно-политической вѣры нашей интеллигенціи ни былъ, тоски по „способамъ изъятія“ даже самаго непріятнаго для нея слова, — такой тоски въ немъ не значилось.

Не значится.

И не будетъ значиться.

Ибо это противорѣчитъ всей ея сущности.

Всему внутреннему содержанію *подлинной* интеллигенціи.

Не той, которая драпируется въ ея облаченіе, не имѣя на то никакого права.

И уважаетъ неприкосновенность реченія лишь тогда, когда оно выходитъ изъ ея устъ или изъ-подъ ея пера и только.

За похвалой слѣдуетъ рекомендація:

— Сборникъ ревизіонныхъ матеріаловъ подъ заглавіемъ „Вѣхи“ обязательно прочитать для каждаго интересующагося судьбами Россіи [1]).

Отъ всей души присоединяюсь:

— *Обязательно прочитать!*

Нельзя, заткнувши на манеръ Фамусова уши, неукоснительно твердить:

---

[1]) „Новое Время“ № 11894.

— Не слушаю, подъ судъ!

Пришелъ не какой-нибудь, тамъ, Скалозубъ.

А группа лицъ съ пытливымъ умомъ.

Знаніемъ.

И любовью къ родинѣ.

Всѣмъ, преломленнымъ въ призмѣ своего жизнечувствія.

Можно сказать:

— Назови мнѣ, кто тебя одобряетъ. И я опредѣлю тебѣ, что ты утверждаешь.

Это—безусловная истина.

Но сдѣлайте надъ собой необходимое усиліе.

Отбросьте доказательство „со стороны".

Не считайтесь съ тѣмъ, что произведеніе встрѣчено рукоплесканіями въ газетѣ А. С. Суворина.

И, безспорно, встрѣтитъ такой-же пріемъ въ „Русскомъ Знамени".

Въ „Почаевскихъ Извѣстіяхъ".

И другихъ органахъ правѣе здраваго смысла.

Нѣтъ!

Памятуйте, что:

— Для наилучшаго изображенія значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самые предѣлы и переходы ихъ создавали рисунокъ [1]).

И поэтому примите „Вѣхи", какъ если бы вокругъ васъ никого и ничего кромѣ нихъ не было.

Представьте себѣ на мигъ, что вы живете на днѣ Тихаго океана, въ томъ мѣстѣ его у Курильскихъ острововъ, гдѣ глубина достигаетъ 14 верстъ.

Что на поверхности прошелъ русскій пароходъ „Достоевскій", названный такъ по имени того, кто четверть вѣка тому назадъ бросилъ нашей интеллигенціи незабываемое:

---

[1]) *Ницше* Menschliches, Allzumenschliches. I. Aphor. 205.

— Смирись, гордый человѣкъ! Смирись, праздный человѣкъ!

Что нѣкій пассажиръ нечаянно обронилъ „Вѣхи“ за бортъ.

И они опустились къ вамъ.

Такое „самовнушеніе“ произвелъ надъ собой пишущій это.

Каково же оставшееся отъ этой книги впечатлѣніе?

Прежде всего — о своевременности или несвоевременности ея опубликованія.

Объ этомъ усиленно спорятъ.

И есть о чемъ.

Формально двухъ мнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ и не должно быть: если нѣкто считаетъ нѣчто правдой, то для него и его культурныхъ окружающихъ вопросъ о своевременности или несвоевременности ея опубликованія—будь противъ этого даже весь остальной міръ — отпадаетъ, такъ какъ всякое координированіе своего высказыванія съ внѣшними условіями есть насиліе въ отношеніи своего „я“.

Протестуя противъ него, „семь смиренныхъ“ и изрекли свое слово.

По существу же такая позиція вызываетъ двоякое возраженіе различной силы.

Одно изъ нихъ сдѣлано Мережковскимъ.

Исходя, очевидно, изъ того совершенно правильнаго положенія, что правда въ состояніи убить больного, онъ далъ слѣдующее сравненіе:

— Пусть правда все, что говорятъ о нашей интеллигенціи „Вѣхи“; идущему по узенькой дощечкѣ надъ пропастью сказать: „убьешься“, — тоже правда; но правда не любви [1]).

Возраженіе, по моему крайнему разумѣнію строгой критики не выдерживающее.

---

[1]) „Рѣчь“, № 112.

Оно покоится на преуменьшеніи духовной силы нашей интеллигенціи, которая свыше 100 лѣтъ шла „по узенькой дощечкѣ надъ пропастью“ и, обильно засыпая ее своими тѣлами, прошла „сквозь строй“ любого типа до 17 октября 1905 года и далѣе.

И на преувеличеніи авторитета „семи смиренныхъ“, въ подобной мѣрѣ далеко имъ не присущаго.

Гораздо важнѣе другое, пока — насколько мнѣ извѣстно — не выдвинутое.

Дѣло не въ любви „семи смиренныхъ“, безъ которой наша интеллигенція какъ-нибудь обойдется, а въ ихъ, выражась возможно мягче, политическомъ тактѣ.

Если они не обуяны гордыней „splendide isolation“ въ конецъ, то не могутъ не сознавать, что исчерпывающій отвѣтъ на „Вѣхи“ при данномъ положеніи вещей безъ риска „принудительнаго отчужденія“ по ст. 129 невозможенъ.

Когда три года тому назадъ авторъ этихъ строкъ въ качествѣ завѣдующаго редакціей нѣкоего изданія печатно выразилъ свое принципіальное несогласіе съ помѣщенной безъ его вѣдома односторонней статьей по адресу нашей интеллигенціи, эта петитная замѣтка едва не стоила ему „выѣзда“ — на все время военнаго положенія — изъ „предѣловъ“ генералъ-губернаторства.

Утвержденіе о сугубой съ тѣхъ поръ перемѣнѣ звучало бы болѣе чѣмъ ироніей.

Вотъ почему, когда обвиняющій нашу интеллигенцію въ „политическомъ импрессіонизмѣ“ бывшій редакторъ „Освобожденія“ заднимъ числомъ выноситъ свой вердиктъ:

— Революцію дѣлали плохо [1]).

Я съ величайшимъ вниманіемъ выслушиваю его напутствіе:

---

[1]) „*Вѣхи*“, стр. 141.

— Суть дѣла не въ томъ, что революцію дѣлали плохо, а что ее вообще дѣлали [1]).

И на нюансъ № 1 готовъ ему послать, что отчасти и:

— De te fabula narratur.

А на тоже № 2—замѣтить, что въ самой возможности для Струве напечатать такія три слова, какъ:

— Революцію дѣлали плохо.

Въ этомъ отражена наличность огромнаго спеціально-психологическаго сдвига, слѣдъ котораго, конечно, можетъ быть заметенъ, но существовать отъ этого не перестанетъ „и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“,— основанія, на которыхъ мнѣ не понятенъ главный импульсъ для разрѣшенія нашихъ начальниковъ отъ моральнаго бремени само- и ино-оплевательными „Вѣхами“.

Но при попыткѣ — будь у меня таковая—исчерпывающе возразить на его отрицательный приговоръ положительнымъ, явственно слышу указующій на „восхваленіе“ гласъ „независящихъ обстоятельствъ:

— Журналистъ, помни о „временныхъ правилахъ“!

И то, что „семь смиренныхъ“ этого обстоятельства не учли и, повторивъ: „Смирись, гордый человѣкъ! Смирись, праздный человѣкъ!“ другимъ, не примѣнили обязательнаго въ этомъ случаѣ того же „категорическаго императива“ къ самимъ себѣ, свидѣтельствуетъ, что голый фактъ появленія „декларацiи“ объ обязательности внутренняго самоусовершенствованія личности заключаетъ въ себѣ извѣстный признакъ аморальности...

Много ли въ ней правды?

Для предполагаемаго, но точно (обстрѣлъ—„массированный“!) отнюдь *не* обозначеннаго адресата—много.

Не скажу—жестокой.

---

[1]) „Слово“, № 788.

По той простой причинѣ, что правда — не коверъ, не стекло и не баранка.

И, слѣдовательно, не можетъ быть ни шершавой, ни гладкой, ни съ изюмомъ, ни на горчичномъ маслѣ.

Земная правда,—на Марсѣ я не былъ, не знаю, — это такое свойство сужденія, которое дѣлаетъ его обязательнымъ—по своей непреложности—для всѣхъ.

Человѣкъ дышитъ.

Это—правда.

Такой правды, повторяю, въ книгѣ — много.

Объективной.

Отдѣльные образцы ея во множествѣ приведены въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Но на ряду съ ней благодаря опредѣленнаго цвѣта стекламъ, которыя у однихъ авторовъ вросли предъ умственнымъ взоромъ издавна, а у другихъ, какъ напримѣръ, у Струве неоднократно смѣнялись,—на-ряду съ ней выставлена иная.

Субъективная.

И пусть Гершензонъ сколько угодно провозглашаетъ самоуничижительное:

— Не для того, чтобы съ высоты познанной истины доктринерски судить нашу интеллигенцію...

„Высота познанной истины“ смотритъ на васъ изъза каждой страницы „Вѣхъ“ съ ровно такимъ же апломбомъ своей непогрѣшимости, осужденіе котораго, но у своихъ противниковъ, они поставили своей задачей.

И „въ головѣ все звенитъ и звенитъ“:

— Сначала сознаніе, а потомъ бытіе!

Съ неумолимой догматичностью сектантства vice versa:

— Сначала бытіе, а потомъ сознаніе!

Набившій оскомину дубликатъ схоластическаго диспута „въ замкѣ города Толедо“ между папой и раввиномъ, о которыхъ столь ѣдко отозвался безпощадный поэтъ:

— Beide stinken.

Если что-либо и можетъ быть вмѣнено въ активъ дѣйствительно, а не мнимо „новаго сознанія“, то это— именно безповоротный отказъ его отъ признанія „безусловнаго примата“ какъ „внутренней жизни личности“, такъ и „общественныхъ формъ“.

Отъ обоихъ „сначала“ и обоихъ „потомъ“.

Право же, „объясненіе“ 9-й симфоніи Бетховена его „буржуазностью“, какъ и „аргументація“ его изрытаго оспой лица 9-й симфоніей, достаточно чтобы проходить подъ флагомъ 1909 года, „устарѣли“...

Но было бы заблужденіемъ видѣть „высоту познанной истины“ только въ „Вѣхахъ“.

Участники блещутъ ею же по поводу книги и внѣ ея.

Такъ, Струве поучаетъ:

— Вообще основное въ „Вѣхахъ“ шире всякой политики, какъ таковой. Что этого не понимаютъ тѣ, кто ничего кромѣ и т. д. [1]).

И въ частности:

— Онъ (К. К. Арсеньевъ) понимаетъ смыслъ сборника, „какъ призывъ къ покаянію“. Для меня, долженъ сказать, вовсе не въ этомъ его смыслъ [2]).

Франкъ высокоторжественно шествуетъ въ этомъ направленіи еще далѣе и удваиваетъ невѣжество „тѣхъ, кто ничего кромѣ“ и т. д.

— Упрекая насъ въ „реакціонности“, въ движеніи направо, насъ не понимаютъ вдвойнѣ [3]).

Тройное хамство „тѣхъ, кто ничего кромѣ“ и т. д., пока еще не констатировано, но по изначальному рвенію къ каѳедральности болѣе чѣмъ ясно, что это — дѣло весьма близкаго будущаго.

---

[1]) „Слово“, № 771.
[2]) „Слово“, № 788.
[3]) „Слово“, № 779.

И что въ концѣ концовъ съ „высоты познанной истины“ прогремитъ безапелляціонный приговоръ всего синклита изъ „Вѣхъ“ о семикратномъ (по числу проповѣдниковъ) тупоуміи его аудиторіи.

Иначе и быть не можетъ.

Ибо что такое наша интеллигенція?

По составленному Мережковскимъ на основаніи „Вѣхъ“ конспекту,—это:

1. „Бездонное легкомысліе“ (Струве).
2. „Сектантское изувѣрство“ (Франкъ).
3. „Убожество правосознанія“ (Кистяковскій).
4. „Народническое мракобѣсіе“ (Бердяевъ).
5. „Общественная истерика“ (Булгаковъ).
6. „Онанизмъ“ (Изгоевъ).
7. „Подлинная мерзость запустѣнія“ (Гершензонъ)[1].

Семь тощихъ фараоновыхъ коровъ.

Въ общей сложности — по діагнозу Франка — трансформировавшихся въ единаго:

— Загипнотизированнаго мѣловой чертой справа налѣво пѣтуха [2].

Въ единаго, такъ какъ ни къ какой иной логической пристани по „Вѣхамъ“, очевидно, у „Россіи“ позаимствовавшимъ пріемъ свалки всей пестротканной нашей интеллигенціи въ ящикъ подъ вывѣской „радикальствующая кружковщина“, придти нельзя.

Вполнѣ естественно поэтому, что такому своеобразному творенію—не говоря уже о Западѣ—совершенно чужды и Пушкинъ, и Левитанъ, и Чеховъ, и Чайковскій, и Антокольскій, и Мечниковъ и Толстой...

И что оно поразительно похоже на... „бывшаго“ Струве, такъ любовно накалывавшаго нѣкогда на булавку столь мелкотравчатую политику, какъ всевозможные продукты „совершенно секретнаго“ бюрократическаго творчества...

---

[1]) „Рѣчь“, № 112.

[2]) „Слово“, № 779.

Есть на землѣ такія превращенія
Правленій, климатовъ и нравовъ, и умовъ.

„Теперь ужъ я не тотъ“, — возвѣстилъ почтенный публицистъ.

И, отмѣтивъ полгода тому назадъ всю тусклость нынѣшней дѣйствительности, посовѣтовалъ отвести взглядъ отъ нея:

— Поверхъ текущаго момента [1]).

Правда, этотъ совѣтъ не былъ полностью осуществленъ имъ самимъ.

Вмѣсто умозрѣнія его „Размышленія“ зачастую оказываются посвященными такой злободневности, какъ, напримѣръ, П. А. Столыпинъ съ обусловленнымъ его тактикой крушеніемъ его же „конституціонной“ программы-minimum,—политика pure sang [2]).

То же вы найдете и у Бердяева, весьма недавно остановившагося на с. р. н. и вопреки всей враждебности своего кооператора къ „проекціи“ закончившаго этюдъ указаніемъ, что:

— Въ бытіи черной анархіи виновны всѣ мы: кажущаяся сила реакціи есть лишь объективація нашей слабости и нашихъ грѣховъ [3]).

О по горло сидящемъ въ самой „гущѣ жизни“ Изгоевѣ и толковать въ этомъ смыслѣ нечего [4]).

Наконецъ, ту же обильную дань современности каждый узритъ и въ примыкающемъ къ нимъ Котляревскомъ, которому и его убѣжденіе въ совершенной недостаточности одной только „такъ сказать, политической техники человѣческихъ общежитій“ [5]) нисколько не помѣшало — и не мѣшаетъ — усердно знакомить „тѣхъ, кто ничего кромѣ“ и т. д. съ т. н. кризисомъ

---

[1]) „Московскій Еженедѣльникъ“, 1908, № 51.
[2]) „Слово“, ad libitum.
[3]) „Слово“, № 763.
[4]) „Рѣчь“, ad libitum
[5]) „Московскій Еженедѣльникъ“, № 13.

парламентаризма и своей лестной оцѣнкой послѣдняго, какъ наиболѣе совершеннаго нынѣ аппарата управленія, а также—съ восточнымъ вопросомъ и внѣшней политикой вообще [1]).

Все это — лучшее доказательство, что головнымъ построеніямъ авторовъ, повидимому, не одолѣть обязательно присущаго каждому soo politiko интереса къ тому, что у насъ такъ „довлѣетъ дневи".

И—прекрасная иллюстрація, какъ можно воспѣвать на семиструнной мандолинѣ „первенство внутренней, духовной основы жизни надъ внѣшними политическими ея формами" и, одновременно въ мѣру, отъ природы положенную, интересуясь ими, клеймить тѣхъ, кто проявляетъ аналогичное къ нимъ вниманіе, но не надорванное волевой прострацією, а обвѣянное „теплой любовью".

Не въ этомъ, однако, суть. Вѣдь, слѣдуй Струве своимъ „исходящимъ" паролямъ—новѣйшій („Націонализмъ!") вышелъ за № 4711 — строго, онъ не былъ бы Струве или по нѣкоему остроумному выраженію:

— Іоанномъ Крестителемъ всѣхъ нашихъ возрожденій.

Лозунгъ былъ данъ:

— Поверхъ текущаго момента.

И подъ нимъ „съ ручательствомъ за вѣрность хода" воздвигнуты предъ обществомъ „Вѣхи".

Открываемый ими путь, безспорно, сулитъ и утѣшеніе отъ „сердца горестныхъ замѣтъ": что есть sub specie aeternitatis даже смертная казнь, хотя бы съ 17 октября 1905 года она и была осуществлена свыше 3000 разъ? Ничто. Песчинка.

Помните Гюго:

— Что за бездѣлица повѣшенный! А затѣмъ? Свер-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости".

нуть веревку, выдернуть изъ перекладины гвозди, похоронить трупъ — велика важность! Тапнеръ... Чтобы увидѣть его, нуженъ микроскопъ... [1]).

И—пользу отъ „ума холодныхъ наблюденій": когда-же, какъ не при „первенствѣ внутренней, духовной основы жизни надъ внѣшними политическими ея формами" предаться самоанализу, въ свѣтѣ котораго личность блеснула-бы „собою изъ себя сіяя, себя собой изображая"?

Вотъ какъ рекомендуютъ лѣчиться нашей интеллигенціи врачи „Вѣхъ", повидимому, серьезно убѣжденные, что цвѣтокъ дастъ пышные ростки, если его... съ корнемъ вырвать изъ земли.

Въ этомъ абсурдѣ—центральный оползень нашумѣвшей книги, развѣтвившій сразу-же бросающіяся въ глаза трещины во всѣхъ — до единаго — очеркахъ „Вѣхъ", этой проповѣди а-утилитаризма съ... утилитарной цѣлью, „безкорыстія" ради... „корысти".

„Если это — „призывъ",— сказалъ о „Вѣхахъ", возражая К. К. Арсеньеву Струве,— то призывъ къ собиранію силъ" [2]).

Если,—скажу я,—„Вѣхи" имѣли въ виду такое „собираніе силъ", при которомъ „семь смиренныхъ" оказались бы изолированными, то эта цѣль блестяще достигнута и ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу интеллигенцію, можно поздравить съ огромной побѣдой.

У стараго знамени и въ предлагаемомъ сборникѣ подъ одной кровлей съ готовностью сошлись [3]) представители обычно—къ прискорбію—„воюющихъ сторонъ".

Остается лишь страстно пожелать, чтобы „l'union, qui fait la force", сохранился и впредь.

Струве спрашиваетъ „гг. объединителей: прикажете и съ г. Кудринымъ—во имя чрезвычайной охраны—объединиться?"...

---

[1]) *Изъ рѣчей и возваній въ изгнаніи.* Жителямъ Гернси.

[2]) „Слово", № 778.

[3]) *Всѣ статьи воспроизведены съ согласія авторовъ.*

Отвѣчаю:

— Чрезвычайная охрана это—такая хорошая вещь, что „во имя“ ея стоитъ объединиться «и съ г. Кудринымъ». Даже съ г. Дубровинымъ, будь онъ иного о ней мнѣнія. А когда она отойдетъ въ «Страну воспоминаній»,—тамъ ужъ видно будетъ. И каждый будетъ вправѣ пойти по наиболѣе отвѣчающимъ его индивидуальности вѣхамъ. Пока этого нѣтъ, я полностью возвращаю вамъ вашъ-же тезисъ: «я готовъ идти по одному пути съ человѣкомъ, который хочетъ идти дальше меня или, наоборотъ, не хочетъ идти такъ далеко, какъ я, но я не желаю идти съ человѣкомъ, который завтра впадетъ въ буйное помѣшательство и запуститъ въ меня булыжникомъ» [1]).

Вродѣ «Вѣхъ».

Особенно теперь, когда на лицо всѣ показанія въ пользу постепеннаго преображенія «Града» уѣзднаго обратно въ село съ временнымъ, но «безусловнымъ приматомъ» самаго прискорбнаго свойства...

Ф. Мускатблитъ.

---

[1]) „Русская Мысль“, № 1.

Призывъ къ покаянію.

„Вѣхи“. Сборникъ статей (Н. А. Бердяева, С. Н Булгакова, М. О. Гершензона, А. С Изгоева, В. А. Кистяковскаго, П. Б. Струве и С. Л. Франка) о русской интеллигенціи.

Покайтеся—и сотворите дѣла достойныя покаянія: таковъ призывъ, съ которымъ участники сборника, въ разныхъ тональностяхъ, прямо или косвенно, обращаются къ русской интеллигенціи. Они стараются пробудить въ ней сознаніе сдѣланныхъ ею ошибокъ и рѣшимость избѣгать ихъ повторенія. Они проповѣдуютъ „переоцѣнку старыхъ идеологій“, провѣрку „основъ традиціоннаго міровоззрѣнія“, поворотъ къ „творческому личному самосознанію“. Проповѣдь ведется искренно, горячо, большею частью талантливо. Она не только интересна, но и не безполезна—не безполезна уже потому, что лишній разъ, въ критическій моментъ русской жизни, заставляетъ поглубже заглянуть въ прошлое и задуматься надъ будущимъ. Согласиться съ нею невозможно, но считаться съ нею необходимо.

Начнемъ съ вопроса, который самъ собою возникаетъ при чтеніи книги, посвященной *русской интеллигенціи*. Что понимаютъ авторы подъ этимъ терминомъ? Не смотря на всю его употребительность, никто не назоветъ его на столько яснымъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ его смысла и его гра-

ницъ. Не совсѣмъ одинаково, повидимому, понимаютъ его и сами составители сборника. Обыкновенно они разсматриваютъ интеллигенцію, какъ одно нераздѣльное цѣлое, но иногда дробятъ ее на части, отличаютъ интеллигенцію соціалистическую отъ интеллигенціи „просто демократической“, говорятъ объ интеллигенціи „революціонной“, „специфической“, „кружковой“, противопоставляютъ интеллигенціи то „интеллигентщину“, то образованный классъ. Попытку болѣе точнаго опредѣленія дѣлаетъ только П. Б. Струве. но не доводитъ ее до конца. Оговариваясь, что подъ именемъ интеллигенціи нельзя разумѣть ни „публику, посѣщающую дворянское собраніе“, ни даже „образованный классъ“, онъ видитъ въ ней „политическую категорію“, историческое значеніе которой обусловливается „отношеніемъ къ государству въ его идеѣ и въ его реальномъ воплощеніи“. Это отношеніе обрисовывается, дальше, какъ *отщепенство,* какъ противогосударственность—и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ безрелигіозность. Очевидно, что здѣсь совершенъ логическій скачекъ: вмѣсто того, чтобы показать, изъ кого состоитъ интеллигенція, авторъ прямо переходитъ къ характеристикѣ ея міросозерцанія. Не такъ рельефно выраженъ этотъ скачекъ въ другихъ статьяхъ сборника, но въ той или иной степени онъ составляетъ общую ихъ черту. Отсюда рядъ неустранимыхъ недоразумѣній. До сихъ поръ съ понятіемъ объ интеллигенціи тѣсно, неразрывно связано было понятіе объ общественномъ слоѣ, объединяемомъ не тождествомъ или сходствомъ взглядовъ, а одинаковостью или близостью положеній. Въ его рамки включались люди, не примыкающіе — или примыкающіе только внѣшнимъ образомъ—къ формально отграниченнымъ общественнымъ классамъ, люди находящіе или ищущіе главное содержаніе своей жизни въ умственныхъ интересахъ—научныхъ, философскихъ, политическихъ, художествен-

ныхъ. Между ними возможны—и даже неизбѣжны — самыя глубокія разногласія, но имъ всѣмъ свойственна нѣкоторая душевная приподнятость, нѣкоторая независимость отъ узъ, налагаемыхъ происхожденіемъ, воспитаніемъ данною, а не свободно выбранною средою, вынужденнымъ, а не свободно выбраннымъ трудомъ. У интеллигенціи, такимъ образомъ понимаемой, есть, конечно, общія черты, различныя у разныхъ народовъ и въ разное время, но отъ нихъ еще очень далеко до того приведенія къ одному знаменателю, которое производитъ П. Б. Струве. Отщепенство, въ смыслѣ „отчужденія отъ государства или враждебности къ нему", можетъ быть отличительнымъ признакомъ тѣхъ или другихъ партій, тѣхъ или другихъ интеллигентныхъ — или *интеллигентскихъ* — группъ, но отнюдь не *всей* интеллигенціи. Отщепенцы (réfractaires), систематическіе и непримиримые, вездѣ и всегда образуютъ меньшинство; изъ нихъ не можетъ составиться широко развѣтвленное цѣлое, какимъ до сихъ поръ, въ общераспространенномъ представленіи, являлась русская интеллигенція.

Зависитъ ли, однако, значеніе взглядовъ, проводимыхъ составителями сборника, отъ того, что они понимаютъ подъ именемъ интеллигенціи? Не все ли равно, какимъ словомъ они выражаютъ свою мысль? Нѣтъ, не все равно: неопредѣленность терминологіи влечетъ за собою сбивчивость понятій и противорѣчія въ выводахъ. По мнѣнію П. Б. Струве, „интеллигенція, какъ политическая категорія, объявилась въ русской исторической жизни лишь въ эпоху реформъ". С. Н. Булгаковъ и М. О. Гершензонъ считаютъ интеллигенцію „созданіемъ Петровымъ". Къ „духовнымъ вождямъ интеллигенціи" Б. А. Кистяковскій причисляетъ Кавелина, который, конечно, не былъ „отщепенцемъ". Чтобы отстоять свою позицію, П. Б. Струве старательно исключаетъ изъ числа интеллигентовъ Пушкина, Лер-

монтова, Гоголя,—хотя такое исключеніе должно было бы разумѣться для него само собою, такъ какъ они всѣ жили до эпохи реформъ; въ Бѣлинскомъ, ихъ современникѣ, онъ различаетъ интеллигента отъ неинтеллигента. Придумывается, дальше, какой-то интеллигентскій „мундиръ“; сначала въ него облекаются Герценъ и Салтыковъ, потомъ подъ нимъ оказывается „весь русскій либерализмъ“. Загадочность „лика“ Глѣба Успенскаго объясняется прикрывающими его „интеллигентскими масками“. До крайности, такимъ образомъ, стушевываются и расплываются очертанія той группы, къ вразумленію которой направленъ сборникъ. Входятъ ли въ ея составъ либералы всѣхъ оттѣнковъ—*русскіе* либералы, столь мало, въ своемъ меньшинствѣ, похожіе на западно-европейскихъ носителей того же имени? Если входятъ, то нельзя приписывать *всей* русской интеллигенціи отщепенство, „острую суть“ котораго П. Б. Струве справедливо признаетъ совершенно чуждою русскому либерализму; если не входятъ, то не теряется ли почва для общихъ заключеній объ интеллигенціи, обнимающей собою на самомъ дѣлѣ существенно разнородные элементы?

Не всѣ участники сбора, впрочемъ, видятъ въ «отщепенствѣ» отличительную черту интеллигенціи, выдѣляющую ее изъ среды русскаго общества. Въ предисловіи къ сборнику, написанномъ М. О. Гершензономъ, такой чертой провозглашается «признаніе безусловнаго примата общественныхъ реформъ». Этому принципу противопоставляется «теоретическое и практическое первенство духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія». Внутренняя жизнь личности «есть единственная сила человѣческаго бытія; она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно-прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства». Подробно та же самая мысль развита въ статьѣ М. О. Гершензона «Творче-

ское самосознаніе». «Русскій интеллигентъ,—читаемъ мы здѣсь, — это, прежде всего, человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ живущій *внѣ себя*, т.-е. признающій единственно-достойнымъ объектомъ своего интереса и участія нѣчто лежащее внѣ его личности: народъ, общество, государство... Думать о своей личности — эгоизмъ, непристойность; настоящій человѣкъ — лишь тотъ, кто думаетъ объ общественномъ, работаетъ на пользу общую... Никому не приходитъ на мысль, что нельзя человѣку вѣчно жить снаружи, что именно отъ этого мы и больны субъективно, и въ дѣйствіяхъ безсильны». Аналогичную тему развиваетъ С. Н. Булгаковъ въ статьѣ «Героизмъ и подвижничество». «Крайне непопулярны среди интеллигенціи — говоритъ онъ, — понятія *личной* нравственности, *личнаго* самоусовершенствованія, выработки *личности* и, наоборотъ, особенный, сакраментальный характѣръ имѣетъ слово *общественный*». Съ точки зрѣнія интеллигенціи «никакой особой заботы о культурѣ личности, о столь презрѣнномъ *самосовершенствованіи* быть не можетъ и не должно, а вся энергія должна быть цѣликомъ расходуема на борьбу за улучшеніе среды». Н. А. Бердяевъ въ статьѣ «Философская истина и интеллигентская правда» видитъ несчастье интеллигенціи въ томъ, что въ ея средѣ «любовь къ общественному добру, къ народному благу парализовала интересъ и любовь къ истинѣ» привела «къ утвержденію двухъ истинъ — полезной и вредной». Да и П. Б. Струве выражаетъ увѣренность, что настанетъ конецъ господству политики надъ всей духовной жизнью интеллигенціи и что въ основу самой политики «ляжетъ идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка». Замѣтимъ, что въ этомъ видѣ проповѣдь радикальной перемѣны затрогиваетъ, несомнѣнно, чень широкіе круги русской интеллигенціи: за «пріматъ общественныхъ преобразованій» стояли—и, мо-

жетъ быть, стоятъ до сихъ поръ — не только «отщепенцы», но и сравнительно умѣренные реформисты, вовсе не повинные въ «противогосударственности». Къ покаянію призывается, въ сущности, громадное большинство «образованнаго класса».

Чтобы успѣшно реагировать противъ зла, нужно прежде всего установить его причины. Составителями сборника это сдѣлано въ весьма недостаточной мѣрѣ. Объ условіяхъ, при которыхъ сложилась и развивалась русская интеллигенція, говорится нѣсколько разъ, но только слегка и мимоходомъ. С. Н. Булгаковъ, напримѣръ, признаетъ, что «атмосфера стараго режима духовно замораживала интеллигенцію, поддерживала и до извѣстной степени оправдывала ея политическій моноидеизмъ, затрудняла возможность разносторонняго ея развитія», но не останавливается на этомъ фактѣ, какъ бы не замѣчая его первостепенную важность. А между тѣмъ именно въ немъ лежитъ разгадка многаго, о чемъ сокрушаются и противъ чего возстаютъ наши проповѣдники. Самоусовершенствованіе, которому они придаютъ такое громадное значеніе, требуетъ не только внутренней, но и внѣшней свободы. Трудно преодолимыми,—а иногда и вовсе непреодолимыми,—лежатъ на его пути преграды, создаваемыя недовѣрчивостью власти, мелочной регламентаціей, стремленіемъ все направить въ одно и то же русло, всѣхъ подвести подъ одинъ общій, по необходимости невысокій уровень. Противодѣйствіе, встрѣчаемое на каждомъ шагу, неизбѣжно вызываетъ реакцію,—пассивную у однихъ, активную у другихъ, но во всякомъ случаѣ отвлекающую отъ работы надъ самимъ собою и выдвигающую на первый планъ обстановку, среду, государственный и общественный строй, тяжело давящій на личность. Чтобы идти впередъ, чтобы подниматься со ступеньки на ступеньку, среднему человѣку нужна поддержка, помощь, дружная

дѣятельность съ другими,—нужно все то, къ чему подозрительно и враждебно относится абсолютизмъ. Съ какими затрудненіями сопряжена была у насъ совмѣстная работа, хотя бы она не задавалась нечѣмъ инымъ, кромѣ развитія личности,— это слишкомъ хорошо извѣстно. Одинъ изъ путей къ самоусовершенствованію проходитъ въ области религіи; но у насъ единственно законной формой религіознаго общенія признавалась принадлежность къ господствующей церкви, въ которой едва теплилась жизнь и почти ничего не дѣлалось для удовлетворенія запросовъ ума и сердца. Попытка найти душевный миръ въ сторонѣ отъ торной дороги разсматривалась какъ преступленіе или, по меньшей мѣрѣ, какъ нарушеніе установленнаго порядка. Столь же мало, какъ и оффиціальная церковь, давала, съ занимающей насъ точки зрѣнія, оффиціальная школа — и столь же трудно было восполнить ея пробѣлы усиліями частной иниціативы. Куда бы ни направлялась свободная мысль, передъ нею вездѣ воздвигались шлагбаумы съ надписью: до сихъ поръ—и не дальше. Самоусовершенствованіе, достойное этого имени, не довольствуется сознаніемъ достигнутаго въ личной жизни: оно порождаетъ потребность подѣлиться пріобрѣтеннымъ, использовать его для другихъ или для общаго блага. И вотъ этой потребности суждено было, за рѣдкими исключеніями, оставаться неудовлетворенною. Не было такой сферы, гдѣ бы она не наталкивалась на препятствія всякаго рода. Удивительно ли, затѣмъ, что въ русскомъ обществѣ—и въ интеллигенціи, какъ въ наиболѣе чуткой и подвижной его части,—слагалась и крѣпла вѣра въ «приматъ общественныхъ реформъ», т.-е. убѣжденіе въ томъ, что только на почвѣ новаго политическаго и общественнаго строя возможно всестороннее и полное развитіе личности?

Никогда, однако, эта вѣра не принимала тѣхъ урод-

ливыхъ формъ, въ которыхъ рисуетъ ее, напримѣръ, г. Гершензонъ. „До конца 90-хъ годовъ,—читаемъ мы въ его статьѣ,—общественное мнѣніе, столь властное въ интеллигенціи, категорически увѣряло, что вся тяжесть жизни происходитъ отъ политическихъ причинъ: рухнетъ полицейскій режимъ—и тотчасъ вмѣстѣ со свободой воцарятся и здоровье, и бодрость". Быть можетъ, кѣмъ-нибудь, когда-нибудь и былъ высказанъ подобный взглядъ, но общепринятымъ и широко-распространеннымъ онъ никогда не былъ. Немного найдется наивныхъ людей, способныхъ думать, что въ нѣсколько дней можетъ исчезнуть настроеніе, созданное вѣками. Измѣненіе политическихъ условій—необходимая предпосылка всякой перемѣны къ лучшему, но, конечно, не единственный ея производитель. Работы въ общественной и личной жизни,—работы, ведущей къ здоровью и бодрости—предстоитъ много, безконечно много; но успѣшно двигаться впередъ она можетъ только при существенно обновленной обстановкѣ. Проповѣдь „Вѣхъ" представляется намъ поэтому по меньшей мѣрѣ преждевременною. Русская государственность возвратилась къ той мертвой точкѣ, на которой стояла пять лѣтъ тому назадъ. Слегка измѣненная внѣшность прикрываетъ старое политическое содержаніе. Личная и общественная иниціатива встрѣчаетъ тѣ же препятствія, какъ и прежде. И соотвѣтственно этому, что бы ни говорили составители сборника, въ средѣ интеллигенціи,—да и въ другихъ, болѣе широкихъ сферахъ,—по-прежнему чувствуется увѣренность, что безъ коренныхъ общественныхъ реформъ невозможно глубокое обновленіе личной жизни. Sublata causa tollitur effectus,—а главная причина настроенія, господствовавшаго въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, до сихъ поръ не устранена. Одними словесными доводами трудно чего-либо достигнуть, пока вразрѣзъ съ ними идутъ безконечной чередой болѣз-

ненно ощущаемые факты. „Что дала бы политическая свобода интеллигенціи?—спрашиваетъ г. Гершензонъ.—„Освобожденіе есть только снятіе оковъ, не больше; а снять цѣпи съ того, кто снѣдаемъ внутреннимъ недугомъ, еще не значитъ вернуть ему здоровье. Для насъ свобода имѣла бы лишь тотъ смыслъ, что поставила бы насъ въ болѣе благопріятныя условія для выздоравленія". Да развѣ этого мало? Развѣ возможно выздоровленіе, пока условія для него совершенно неблагопріятны? Развѣ неправъ больной, когда онъ страстно желаетъ ихъ измѣненія? Если и допустить, что интеллигенція больна, и больна именно тою болѣзнью, діагнозъ который поставленъ г. Гершензономъ, то все-таки нельзя утверждать, что неудача освободительнаго движенія принесла интеллигенціи „почти всю ту пользу, какую могла бы принести его удача". Нѣтъ, Сизифовъ камень опять скатился внизъ, и нужны новыя усилія для его подъема,—усилія, которыя, при другомъ исходѣ борьбы, могли бы быть обращены на болѣе плодотворную работу.

Русскій интеллигентъ,—читаемъ мы въ статьѣ С. Л. Франка,—„приблизительно съ семидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней остается упорнымъ народникомъ: его Богъ есть народъ, его единственная цѣль есть счастье большинства, его мораль состоитъ въ служеніи этой цѣли". И все-таки, если вѣрить другимъ участникамъ сборника, народъ относится къ интеллигенціи безусловно отрицательно. Глубокую между ними пропасть выроетъ, по мнѣнію С. Н. Булгакова, космополитизмъ интеллигенціи, еще болѣе глубокую—ея безрелигіозность. Еще дальше идетъ М. О. Гершензонъ. Въ интеллигентахъ, по его словамъ, „народъ не чувствуетъ людей"; онъ ихъ „не понимаетъ и ненавидитъ". На Западѣ „народъ ненавидитъ барина за то, что баринъ живетъ сыто, не трудясь физически, что трудами прежнихъ поколѣній народа баринъ накопилъ себѣ круп-

ный излишекъ, который даетъ ему возможность держать народъ въ безъисходномъ рабствѣ и пріобрѣтать знанія, помогающія ему опять-таки эксплоатировать народъ... Между нами и нашимъ народомъ—иная рознь. Мы для него не грабители, какъ свой братъ, деревенскій кулакъ; мы даже для него не просто чужіе, какъ турокъ или французъ; онъ видитъ наше человѣческое и именно русское обличье, но не чувствуетъ въ насъ человѣческой души, и потому онъ ненавидитъ насъ страстно, вѣроятно, съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ, тѣмъ глубже ненавидитъ, что мы—свои. *Каковы мы есть* (подчеркнуто въ подлинникѣ), намъ нельзя не только мечтать о сліяніи съ народомъ,—бояться его мы должны пуще всѣхъ козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной".

Итакъ, за любовь интеллигенціи къ народу народъ платитъ ей ненавистью, свирѣпою и неумолимою. Если принять это за безспорный фактъ, то самъ собою рождается вопросъ: не лежитъ ли въ его основѣ глубокое недоразумѣніе? Знаетъ ли народъ интеллигенцію, ея прошедшее и настоящее, ея стремленія и чувства? Не смѣшиваетъ ли онъ ее съ другими общественными классами, къ которымъ она, по наружному виду, по внѣшнимъ признакамъ, стоитъ ближе, чѣмъ къ народу? И не насталъ ли — или, по меньшей мѣрѣ, не приближается ли—конецъ недоразумѣнія? Статочное ли дѣло, чтобы любви *сознательно* противопоставлялась ненависть? Мы не беремся отвѣтить на всѣ эти вопросы съ тою категоричностью, которая слышится въ словахъ г. Гершензона; но мы думаемъ, что именно въ нихъ заключается ключъ къ рѣшенію загадки. Сходныя причины всегда ведутъ къ сходнымъ послѣдствіямъ. Та почва, на которой выросло у нашихъ западныхъ сосѣдей недовѣріе и нерасположеніе массы

къ привилегированному меньшинству, существовала—да отчасти и теперь существуетъ—и въ Россіи. Крѣпостное право воспитало въ крестьянахъ недружелюбное чувство къ *барину*,—чувство, для искорененія котораго въ теченіе полувѣка сдѣлано было, къ несчастью, слишкомъ мало. Видоизмѣняясь и захватывая новыя сферы,—проникая, напримѣръ, въ среду городского рабочаго класса, — оно уцѣлѣло до нашихъ дней и предрѣшило, отчасти, отношеніе народа къ интеллигенціи, представителей которой онъ причислялъ и до сихъ поръ часто причисляетъ къ барамъ, къ господамъ. Что сдѣлала и что пыталась сдѣлать для народа интеллигенція, какъ мало ея стремленія имѣли и имѣютъ общаго съ традиціями барства, — этого народъ долго не зналъ вовсе, да и теперь знаетъ не всегда и не вполнѣ. Предположеніе г. Гершензона о какой-то особой, страстной злобѣ, которую народъ питаетъ къ интеллигентамъ—и будетъ питать, пока они не станутъ совершенно иными,—относится, какъ намъ кажется, къ области фантазіи. Мы убѣждены, что пропасть, отдѣлявшая народъ отъ интеллигенціи, уже теперь не можетъ считаться непроходимой — и должна уменьшаться съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ „уступать свѣту мракъ упрямый“.

Усиленно подчеркивая слабыя стороны интеллигенціи, составители сборника видятъ въ нихъ если не единственную, то важнѣйшую причину неудачи, постигшей освободительное движеніе. По словамъ С. Н. Булгакова, это движеніе не могло побѣдить не только потому, что „оказалось слишкомъ слабо для борьбы съ темными силами исторіи, но и потому, что само оказалось не на высотѣ своего призванія, само страдало слабостью отъ внутреннихъ противорѣчій“. А такъ какъ „руководящимъ духовнымъ двигателемъ революціи была интеллигенція“, то „исторія революціи есть историческій судъ надъ интеллигенціей“.

„Глубочайшій культурно-философскій смыслъ судьбы общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ“,—говоритъ С. Л. Франкъ,—заключается въ томъ, что „обнаружилась несостоятельность міровоззрѣнія и всего духовнаго склада русской интеллигенціи“. П. Б. Струве считаетъ интеллигенцію главной виновницей не только того, что революцію „дѣлали плохо“, но и того, что ее *вообще дѣлали*, тогда какъ „вся задача состояла въ сосредоточеніи усилій на политическомъ воспитаніи и самовоспитаніи“. Всесторонняя оцѣнка всѣхъ этихъ утвержденій, — авторами не столько обоснованныхъ, сколько провозглашенныхъ, — не входитъ въ составъ нашей задачи; ограничимся немногими замѣчаніями. Именно здѣсь раскрывается съ особенною ясностью основной дефектъ сборника: неопредѣленность понятія объ интеллигенціи. Вѣдь не всѣ же вѣрившіе въ „приматъ общественныхъ реформъ“, даже не всѣ „противогосударственники“ и „отщепенцы“ играли одинаковую роль въ движеніи, стремились къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, дѣйствовали одними и тѣми же средствами. Отвѣтственность,—насколько о ней въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь,—падаетъ на участниковъ движенія далеко не равномѣрно; привлеченіе къ ней огульно всей интеллигенціи противорѣчитъ и справедливости, и очевидности. Не такими поспѣшными обобщеніями можно предвосхищать судъ исторіи, который для русской революціи вообще еще не наступилъ и едва ли наступитъ скоро. И слыханное ли дѣло, чтобы въ такія критическія минуты, какія переживала Россія въ 1904—6 гг., общественное вниманіе сосредоточивалось на вопросахъ воспитанія и самовоспитанія? Характеръ революціи освободительное движеніе получило именно потому, что слишкомъ долго былъ закрытъ для русскихъ гражданъ доступъ къ государственной дѣятельности и до крайности затрудненo даже ея обсужденіе, даже ближайшее знакомство

съ нею. Русское общество не прошло въ свое время черезъ политическую школу — и это не могло не сказаться, когда внезапно раздвинулась политическая сцена и пали окружавшія ее перегородки. Ошибки были неизбѣжны, и мы не отрицаемъ, что ихъ было сдѣлано немало; но въ чемъ коренятся ихъ отдаленныя и ближайшія причины, кому и въ какой мѣрѣ онѣ должны быть вмѣнены въ вину,—это вопросъ, къ рѣшенію котораго составители сборника подошли съ предвзятою мыслью и съ слишкомъ упрощенными пріемами.

„Несостоятельностью міровоззрѣнія и всего духовнаго склада интеллигенціи“ авторы разбираемыхъ нами статей объясняютъ не только неудачу освободительнаго движенія, но и цѣлый рядъ послѣдующихъ явленій. „Многіе удивленно стоятъ теперь, — говоритъ С. Н. Булгаковъ, — передъ перемѣной настроеній, совершившейся на протяженіи послѣднихъ лѣтъ, отъ настроенія героически-революціоннаго къ нигилистическому и порнографическому, а также передъ эпидеміей самоубійствъ, которую ошибочно объяснять только политической реакціей и тяжелыми впечатлѣніями русской жизни. Но это чередованіе и эта истеричность представляются естественными для интеллигенціи, и она не мѣнялась при этомъ въ своемъ существѣ“. „Интеллигентскимъ просвѣтителямъ“, „опустошающимъ“ народную душу, С. Н. Булгаковъ приписываетъ реакцію этой души „въ видѣ роста преступности сначала подъ идейнымъ предлогомъ, а потомъ и безъ этого предлога“. „Народническая, не говоря уже о марксистской, проповѣдь, — читаемъ мы въ статьѣ П. Б. Струве, — въ исторической дѣйствительности превращалась въ разнузданіе и деморализацію“. „Какъ объяснить—спрашиваетъ С. Л. Франкъ,— что чистая и честная русская интеллигенція, воспитанная на проповѣди лучшихъ людей, способна была

хоть на мгновеніе опуститься до грабежей и животной разнузданности? Отчего политическія преступленія такъ незамѣтно слились съ уголовными и отчего „санинство“ и вульгаризованная „проблема пола“ какъ-то идейно сплелись съ революціонностью?“... Дальше идетъ рѣчь о противорѣчіи „между общеобязательнымъ характеромъ интеллигентской вѣры и нигилистически-безпринципнымъ ея содержаніемъ“. Изъ него вытекаетъ „чудовищная, морально недопустимая непослѣдовательность въ отношеніи къ террору правому и лѣвому, къ погромамъ чернымъ и краснымъ“... Утверждая, что „русская интеллигенція въ теченіе многихъ лѣтъ являла собою своеобразный монашескій орденъ людей, обрекшихъ себя на смерть“, А. С. Изгоевъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „принципъ *иди и умирай*, пока онъ руководилъ поступками немногихъ, избранныхъ людей, могъ еще держать ихъ на огромной нравственной высотѣ; но когда кругъ *обреченныхъ* расширился, внутренняя логика неизбѣжно должна была привести къ тому, что въ Россіи и случилось,—ко всей этой грязи, убійствамъ, грабежамъ, воровству, всяческому распутству и провокаціи“. Если вѣрить М. О. Гершензону, „интеллигентскій бытъ, въ цѣломъ, ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія — праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ“.

На чью мельницу льютъ воду всѣ подобныя увѣренія, — это не требуетъ поясненій. Конечно, правду нужно раскрывать во что бы то ни стало; но чѣмъ опаснѣе ближайшія послѣдствія разоблаченій, тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ приступать къ нимъ, тѣмъ внимательнѣе взвѣшивать каждое ихъ слово. Этому требованію не удовлетворяютъ только-что приведенныя нами цитаты. Совершенно очевидна безпочвенность

обобщенія, дѣлаемаго г. Гершензономъ. „Интеллигентскаго быта“, какъ чего-то характеризующаго цѣлую многочисленную группу (всѣхъ вѣрующихъ въ „приматъ общественныхъ реформъ“), нѣтъ и быть не можетъ: „интеллигенція“,— какъ бы ни понимать этотъ терминъ, — обнимаетъ собою множество группъ, существенно различныхъ между собою по привычкамъ, по духовному складу, по образу жизни. Отталкивающая картина, нарисованная г. Гершензономъ, вѣрна, быть можетъ, по отношенію къ тому или другому „интеллигентскому“ кружку, существовавшему когда-то или существующему въ настоящее время; но она не имѣетъ ничего общаго съ интеллигенціей, разсматриваемой какъ сколько-нибудь крупное цѣлое... А „чудовищная непослѣдовательность въ отношеніи къ террору красному и черному“— развѣ она можетъ быть вмѣнена въ вину всей интеллигенціи? Развѣ въ средѣ интеллигенціи не высказывались діаметрально противоположные взгляды по этому вопросу? Даже въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ противорѣчіе, указанное г. Франкомъ, несомнѣнно существовало, развѣ оно не возбуждало тяжелой внутренней борьбы, развѣ не дѣлалось попытокъ къ его устраненію? И развѣ оправданіе *террора*, какъ оно ни несостоятельно само по себѣ, равносильно оправданію грабежа, воровства, животной разнузданности? Развѣ эксцессы, омрачившіе аграрное движеніе, не имѣли прецедентовъ въ такія эпохи, когда о вліяніи „интеллигентовъ“ на народную душу не было и рѣчи, когда интеллигенція вовсе даже не существовала? Развѣ въ подъемѣ порнографической волны повинны сколько-нибудь широкіе круги интеллигенціи и развѣ не изъ среды интеллигенціи вышла реакція, такъ быстро положившая конецъ эфемерному торжеству порнографіи?.. Каковы бы ни были ошибки и прегрѣшенія интеллигенціи — или, лучше сказать, ошибки и прегрѣшенія различныхъ группъ, объеди-

няемыхъ этимъ словомъ, — главное, тягчайшее обвиненіе, взведенное на нее въ „Вѣхахъ“, должно быть признано не только недоказаннымъ, но безусловно несправедливымъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы вся отвѣтственность за неудачу освободительнаго движенія должна была пасть на побѣдителей. Во многомъ, безъ сомнѣнія, виноваты и побѣжденные, но для опредѣленія рода и степени ихъ вины необходимы совсѣмъ другіе пріемы, чѣмъ пущенные въ ходъ авторами „Вѣхъ“. Необходима дифференціація элементовъ, смѣшанныхъ здѣсь въ одну кучу; необходимо установить роль каждаго изъ нихъ, прослѣдить ея источники въ прошедшемъ и оцѣнить ея значеніе въ „дни свободы“, въ дни колебаній и въ дни реакціи. Тогда, быть можетъ, подтвердятся нѣкоторыя — немногія — положенія, выдвинутыя составителями сборника, но подтвердятся по отношенію къ точно опредѣленнымъ и отграниченнымъ группамъ. Только тогда получится болѣе твердое основаніе для „гороскоповъ“, бросающихъ свѣтъ на будущее. Попытокъ, въ этомъ направленіи, сдѣлано въ „Вѣхахъ“ немало, но общій ихъ недостатокъ — крайняя неопредѣленность. Къ этой сторонѣ сборника мы постараемся возвратиться.

К. Арсеньевъ.

Творцы новаго шума.

Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи.

„Революція, безспорно, заключаетъ въ себѣ жестокое, лютое, хотя бы даже и справедливое. И довести до конца „казнь дѣйствительности" русскіе не могутъ уже оттого, что вотъ между самыми суровыми революціонерами или радикалами вдругъ показываются Шатовы, или авторы „Вѣхъ". И все расплывается, разсѣдается".

В. Розановъ.

Новое Время, 27 апрѣля.

Гг. Бердяевъ, Булгаковъ, Гершензонъ, Изгоевъ, Кистяковскій, Струве, Франкъ, выпустившіе сборникъ „Вѣхи", — пророки новой жизни, евангелисты новаго религіознаго сознанія.

Они знаютъ проникновенныя слова Ницше: „Не вокругъ творцовъ новаго шума, вокругъ творцовъ новыхъ цѣнностей вращается міръ".

Они считаютъ величайшей и важнѣйшей задачей момента пересмотръ старыхъ цѣнностей и творческое овладѣніе новыми. Они твердо увѣрены, что уже владѣютъ этими новыми цѣнностями и въ священномъ пафосѣ спѣшатъ озарить ими мерзость запустѣнія русской жизни.

Съ болью за прошлое и жгучей тревогой за будущее родной страны они видятъ, что „тотъ путь, которымъ до сихъ поръ шло общество, привелъ его въ безвыходный тупикъ“, что ему необходимо указать новую дорогу.

Они чувствуютъ себя обязанными сдѣлать это.

„Сколь бы низко ни думалъ я о себѣ самомъ, — пишетъ г. Булгаковъ,—я чувствую обязанность (хотя бы въ качествѣ общественнаго „послушанія“) сказать все, что я вижу, что лежитъ у меня на сердцѣ, какъ итогъ всего пережитаго, перечувствованнаго, передуманнаго... это повелѣваетъ мнѣ чувство отвѣтственности и мучительная тревога и за интеллигенцію, и за Россію“.

Остальные участники сборника также, по свидѣтельству г. Гершензона, „не могли молчать о томъ, что стало для нихъ осязательной истиной“. Они почувствовали себя призванными установить „единственно-прочный базисъ для всякаго общественнаго строительства“ и соединились въ московскомъ сборникѣ для „общаго дѣла“, для начертанія новаго идейнаго евангелія русской интеллигенціи.

„Седмь громовъ проговорили голосами своими“.

„И когда седмь громовъ проговорили голосами своими, я хотѣлъ было писать; но услышалъ голосъ съ неба, говорящій мнѣ: скрой, что говорили седмь громовъ, и не пиши сего“ (Откров., гл. 19, ст. 3, 4).

Однако, какъ публицистъ, я не имѣю права молчать о томъ, что проговорили „седмь громовъ“, хотя было бы лучше, если бы я могъ „не писать сего“.

Безсодержательнымъ оказался ихъ пророческій паѳосъ. Единая истина не только не осязается ими, но еще дальше отъ нихъ, чѣмъ отъ простыхъ смертныхъ. Собственными руками они сорвали съ себя мистическіе покровы единой высшей мудрости и обнаружили,

что у каждаго изъ нихъ имѣются разныя истины на разные случаи жизни.

Уже въ предисловіи къ сборнику г. Гершензонъ вынужденъ былъ заявить, что участники „Вѣхъ“ „далеко расходятся между собой какъ въ основныхъ вопросахъ „вѣры“, такъ и въ своихъ практическихъ пожеланіяхъ“.

Затѣмъ г. Изгоевъ, со свойственной ему ловкостью рукъ, прилѣпилъ къ своей статьѣ самое маленькое примѣчаніе. Онъ „считаетъ долгомъ сдѣлать оговорку относительно платформы, формулированной въ предисловіи къ книгѣ: онъ всецѣло принимаетъ изложенный тамъ *основной тезисъ*, но расходится съ остальными авторами въ его *принципіальной мотивировкѣ*“. Тотъ же г. Изгоевъ немедленно послѣ выхода сборника еще болѣе опредѣленно отрекся отъ нѣкоторыхъ своихъ соратниковъ. Н. А. Бердяевъ и М. О. Гершензонъ, — заявилъ этотъ Меньшиковъ либеральной журналистики,—оба могутъ быть неправы или одинъ изъ нихъ правъ, другой неправъ... Брать на себя защиту взглядовъ гг. Бердяева и Гершензона я не призванъ.

Наконецъ, и несомнѣнный вдохновитель сборника, „искренній“ г. Струве, выступилъ съ неожиданнымъ сообщеніемъ. „Слѣдуетъ отмѣтить,—повѣдалъ онъ,— что сборникъ „Вѣхи“ никѣмъ не редактировался, и я и нѣкоторые другіе его участники со статьями другихъ авторовъ ознакомились только послѣ выхода въ свѣтъ книжки. Г. Струве проситъ не преувеличивать единства сборника. „Въ „Вѣхахъ“ все-таки сохранился и явственно виденъ старый водораздѣлъ русской мысли, тотъ, который отдѣлялъ западничество отъ славянофильства“. „Гершензонъ, пускающій въ ходъ славянофильскія идеи, а также, можетъ быть, Булгаковъ, въ извѣстномъ идейномъ отношеніи, ближе къ Мережковскому и Философову, чѣмъ къ Франку, Кистяковскому, къ Изгоеву и ко мнѣ (Струве)“. Въ частности

объ одной мысли г. Гершензона г. Струве выражается слѣдующимъ образомъ: „эта фраза, можетъ быть, безпощадна, хотя я охотнѣе послѣ предлога „безъ“ выговорилъ бы другое слово“. Дальнѣйшія размышленія г. Струве и подлинное содержаніе фразы Гершензона заставляютъ читателей догадываться, что г. Струве охотнѣе назвалъ бы слова своего сотрудника по общему дѣлу не иначе, какъ безсовѣстными или, по меньшей мѣрѣ, безсмысленными.

Такимъ образомъ, вѣхи, поставленныя участниками сборника, указываютъ дорогу не къ единой новой истинѣ, а къ двумъ старымъ истинамъ, лежащимъ въ различныхъ плоскостяхъ: къ истинѣ славянофильства и къ истинѣ западничества. Кромѣ того, есть вѣхи,— и ихъ больше, чѣмъ обнаруживаетъ г. Струве,—которыя указываютъ прямую дорогу къ безсмыслицѣ. Книга, задуманная какъ новое евангеліе, оказалась простымъ альманахомъ, сборникомъ нескладныхъ памфлетовъ.

II.

Московскія „Вѣхи“ и никого не спасутъ, и никому не укажутъ даже дороги ко спасенію. Православіе и атеизмъ, славянофильство и западничество, мистика и буржуазная расчетливость спутываются въ нихъ безнадежнымъ клубкомъ, который, какъ клубокъ вѣдьмы въ русскихъ сказкахъ, способенъ завести только въ лихое мѣсто. Но при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ, при всемъ безсиліи положительной мысли въ этомъ сборникѣ есть единое политическое настроеніе, которое дѣлаетъ его въ общественномъ смыслѣ значительной отрицательной величиной.

Авторы не свели концовъ съ концами; часто они противорѣчатъ самимъ себѣ. Быть можетъ, они безсознательно собрались подъ бѣлой обложкой москов-

скаго сборника, повинуясь непреодолимой тягѣ. Безсознательно, но не случайно.

Ихъ связалъ въ уродливый узелъ духъ злобы противъ русской интеллигенціи. Они обманываютъ и себя, и другихъ, когда говорятъ, что соединялись для совмѣстнаго творчества новыхъ цѣнностей. Они соединились только для совмѣстнаго разрушенія старыхъ цѣнностей русской интеллигенціи. Это—боевой политическій союзъ, въ которомъ не разбираютъ средствъ.

Нѣкоторые критики „Вѣхъ", очевидно, смущенные злобнымъ грохотомъ „седми громовъ", затруднились опредѣлить, противъ кого собственно направлена яростная атака, и потребовали, чтобы строгіе судьи точно выяснили, кто участвовалъ въ преступномъ сообществѣ, именуемомъ русской интеллигенціей. Мнѣ кажется, что въ этомъ требованіи не было необходимости. Цѣль, куда направлены стрѣлы авторовъ сборника, намѣчена съ полной отчетливостью.

„Говорю, — пишетъ Бердяевъ,—объ интеллигенціи въ традиціонно-русскомъ смыслѣ этого слова, о нашей кружковой интеллигенціи... Этотъ своеобразный міръ, жившій до сихъ поръ замкнутой жизнью... не безъ основанія называютъ интеллигенціей въ отличіе отъ интеллигенціи въ широкомъ, общенаціональномъ, общеисторическомъ смыслѣ этого слова".

Г. Булгаковъ говоритъ о томъ „героическомъ интеллигентѣ", который „не довольствуется ролью скромнаго работника", который мечтаетъ „быть спасителемъ человѣчества или, по крайней мѣрѣ, русскаго народа".

Г. Кистяковскій, разсказавъ цѣлый рядъ анекдотовъ, характеризующихъ пороки русской соціалъ-демократической интеллигенціи, заявляетъ, что онъ „могъ бы привести аналогичные примѣры изъ жизни другой нашей соціалистической партіи,—соціалистовъ-революціонеровъ,—или нашихъ либеральныхъ организацій,—напримѣръ, союза освобожденія".

Г. Изгоевъ гремитъ противъ народныхъ соціалистовъ и не щадитъ даже кадетовъ, которые, подобно прочимъ интеллигентамъ, „тоже стремились временно отдѣлаться отъ анализирующаго разума, чтобы полетать на крыльяхъ фантазіи".

Вотъ противъ кого гремятъ „седмь громовъ".

Прежде всего они направлены на соціалистическую интеллигенцію — соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ. Затѣмъ они стремятся поразить и радикальную мелкую буржуазію: народныхъ соціалистовъ, членовъ бывшаго союза освобожденія и даже кадетовъ, временно бывшихъ лѣвыми.

Размахъ не только широкій, но и многозначительный. Сотрудники „Вѣхъ", вчерашніе идеологи и видные дѣятели демократическихъ организацій, бросаютъ, наконецъ, открытый вызовъ не только соціализму, что нисколько не удивительно для буржуазныхъ писателей, но и всей русской разночинной демократіи безъ различія классовъ,—что вовсе для нихъ не обязательно.

Г. Струве, быть можетъ, слишкомъ легкомысленно отрекается отъ пресловутой фразы г. Гершензона: „Каковы мы есть, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ,—бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной". Критикъ „Русской Мысли", разумѣется, напрасно боится народной ярости пуще всѣхъ казней власти. Дни свободы показали, что народъ не такъ ужъ страшенъ для либерализма. Но благословеніе, которое г. Гершензонъ призываетъ на штыки, тюрьмы и казни, является неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ анти-демократическаго настроенія.

Такимъ образомъ, слова „русская интеллигенція" на страницахъ московскаго сборника являются синонимомъ русской демократіи.

Злобное отношеніе къ ея идеологіи и яростная борьба съ ея политической работой — вотъ тѣ двѣ вѣхи, которыя дѣйствительно поставлены объединенными усиліями авторовъ сборника на дорогѣ русской общественности.

Староваты эти вѣхи...

III.

Содержаніе тѣхъ обвиненій, которыя предъявлены сотрудниками „Вѣхъ“ русской демократіи, вполнѣ опредѣляется боевыми задачами сборника и по существу не представляетъ ничего новаго. Съ этой точки зрѣнія я не считаю даже нужнымъ отмѣчать многочисленныя, то смѣшныя, то нелѣпыя противорѣчія отдѣльныхъ статей. Разумѣется, чрезвычайно забавно, проникнувшись утвержденіями г. Булгакова о безкрылости, ограниченности, прикрѣпленности къ землѣ, духовной ползучести буржуазнаго уклада западноевропейской жизни, получить на слѣдующей страницѣ отъ г. Струве предложеніе обуржуазиться. Не лишено интереса и то противорѣчіе, которое получилось между взглядами модернизованныхъ славянофиловъ и модернизованныхъ западниковъ, сошедшихся въ сборникѣ.

Гг. Булгаковъ и Гершензонъ утверждаютъ, что народная душа качественно другая, чѣмъ душа интеллигенціи; что эта душа, полная идей и вѣрованій религіозно-метафизическихъ, отвергла пропитанное опредѣленнымъ раціоналистическимъ духомъ знаніе интеллигенціи. А г. Струве увѣряетъ, что народныя массы руководились своими инстинктами, аппетитами и ненавистями и не вложили въ русскую революцію никакихъ религіозныхъ идей. По мнѣнію г. Струве, нашъ народъ явился чрезвычайно благодарной почвой для интеллигентскаго безрелигіознаго радикализма, и „прививка политическаго радикализма интеллигентскихъ

идей къ соціальному радикализму народныхъ инстинктовъ совершилась съ ошеломляющей быстротой".

Сборникъ полонъ такихъ и еще болѣе яркихъ противорѣчій. Они неизбѣжны въ работѣ людей разнаго міровоззрѣнія. Разбирать ихъ по существу значило бы возвратиться къ разбору эпигоновъ славянофильства и погрузиться въ глубину пресловутой „Россіи и Европы" Н. Данилевскаго. Кромѣ того, разъ сами авторы признали незначительность ихъ противорѣчій для общей цѣли, то я спокойно могу остановиться только на самомъ главномъ моментѣ сборника, на томъ духѣ злобы противъ демократіи, который объединяетъ разнородныя статьи.

Съ этой точки зрѣнія „Вѣхи" хорошо выполнили свою задачу. Онѣ не дали ничего новаго въ критикѣ демократіи, но тщательно подобрали всѣ старые упреки и нападки, всѣ клеветы и несправедливости.

Народническое мракобѣсіе, сектантское изувѣрство, бездонное легкомысліе, духовное родство съ грабителями, корыстными убійцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата, мерзость запустѣнія, праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще въ половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ, въ общественныхъ дѣлахъ — необузданная склонность къ деспотизму и совершенное отсутствіе уваженія къ чужой личности, передъ властью—то гордый вызовъ, то покладливость, легіонъ бѣсовъ... Такими чертами характеризуютъ „Вѣхи" русскую демократію. Г. Изгоевъ, всегда усердный не по разуму, утверждаетъ даже, что 75% русской революціонной молодежи онанисты и что половая жизнь русской интеллигенціи начинается съ семилѣтняго возраста.

Очевидно, только жители Содома и Гоморры могутъ соревновать въ порокахъ съ русской демократіей, и

лишь большею терпѣливостью небесъ въ нашъ вѣкъ универсальнаго прогресса и гуманныхъ идей можно объяснить, что Россія до сихъ поръ еще не погибла въ потокѣ сѣрнаго дождя. Вѣдь всѣ тѣ пороки и недостатки русской демократіи, которые съ такой суровостью обличаются высоконравственными авторами „Вѣхъ“, относятся скорѣе къ вѣдѣнію духовниковъ, чѣмъ публицистовъ. Конечно, всѣ люди грѣшны противъ десяти заповѣдей, но они грѣшны одинаково во всѣхъ странахъ міра, а не только въ Россіи, и во всѣхъ классахъ общества, а не только среди демократіи.

Человѣческіе грѣхи, это — дѣло церковной проповѣди. Для публицистовъ существуютъ только политическіе грѣхи. И, конечно, авторы „Вѣхъ“ не затруднились найти ихъ у русской интеллигенціи.

IV.

Если моральныя обвиненія русской интеллигенціи сводятся къ расплывчатымъ формуламъ семи смертныхъ грѣховъ, то политическія обвиненія отличаются полною отчетливостью и проникнуты совершенно опредѣленнымъ духомъ. Главная вина русской интеллигенціи заключается, по мнѣнію авторовъ „Вѣхъ“, именно въ ея демократичности. Какъ ни своеобразно формулирована эта мысль въ различныхъ статьяхъ сборника, содержаніе ея остается неизмѣннымъ въ хаосѣ самыхъ вопіющихъ противорѣчій.

„Съ русской интеллигенціей,—по словамъ г. Бердяева,—случилось вотъ какого рода несчастье: любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному благу, парализовала любовь къ истинѣ, почти-что уничтожила интересъ къ истинѣ“. Благо народа ставится интеллигенціей „выше вселенской истины и добра“.

„Русскій интеллигентъ,—по опредѣленію г. Гер-

шензона,—это, прежде всего, человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ живущій внѣ себя, въ буквальномъ смыслѣ слова, т.-е. признающій единственно достойнымъ объектомъ своего интереса и участія нѣчто лежащее внѣ его личности—народъ, общество, государство". „До сихъ поръ общепризнанъ былъ одинъ путь хорошей жизни — жить для народа, для общества; дѣйствительно шли по этой дорогѣ единицы, а всѣ остальные не шли по ней, но не шли и по другимъ путямъ, потому что всѣ другіе пути считались недостойными; у большинства этотъ постулатъ общественнаго служенія былъ въ лучшемъ случаѣ самообманомъ, въ худшемъ—умственнымъ блудомъ и во всѣхъ случаяхъ—самооправданіемъ полнаго нравственнаго застоя".

По увѣренію г. Кистяковскаго, эти черты русской демократіи лишили Россію даже хорошихъ адвокатовъ.

„У насъ были и есть видные уголовные и политическіе защитники, правда, среди нихъ встрѣчались горячіе проповѣдники гуманнаго отношенія къ преступнику, но большинство ихъ лишь борцы за извѣстный политическій идеалъ, если угодно, „за новое право" въ точномъ смыслѣ слова".

„Символъ вѣры русскаго интеллигента есть благо народа, удовлетвореніе нуждъ большинства. Дѣятельность, руководимая любовью къ наукѣ или искусству, жизнь, озаряемая религіознымъ свѣтомъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. общеніемъ съ Богомъ,—все это... отвергается частью какъ глупость или суевѣріе, частью какъ безнравственное направленіе воли",— утверждаетъ г. Франкъ. Духъ русской интеллигенціи выступаетъ въ исторіи „въ двухъ рѣзко-различныхъ формахъ—въ формѣ непосредственнаго альтруистическаго служенія нуждамъ народа и въ формѣ религіи абсолютнаго осуществленія народнаго счастья".

Авторы приведенныхъ словъ различнымъ образомъ оцѣниваютъ послѣдствія демократическихъ склонно-

стей русской интеллигенціи. По г. Бердяеву, стремленіе къ благу народа затмеваетъ вселенскую истину и добро; по г. Гершензону, оно влечетъ самооправданіе полнаго нравственнаго застоя; по г. Кистяковскому, понижаетъ уровень правосознанія; по г. Франку, оно сопровождается отрицаніемъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей. Но всѣ они согласны въ одномъ, что отрицательные черты русской интеллигенціи находятся въ прямой зависимости отъ ея народолюбія, отъ ея развитыхъ соціальныхъ инстинктовъ.

Какимъ мышленіемъ публицисты „Вѣхъ“ могли превратить въ первородный грѣхъ такое психологическое свойство, которое, очевидно, служитъ только залогомъ правильнаго развитія всякой общественной культуры?

На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Изслѣдуя форму интеллигентскихъ симпатій, критики русской интеллигенціи произнесли приговоръ и надъ ихъ содержаніемъ. Дѣло не въ томъ, что интеллигенція народолюбива, что она сосредоточила свои силы на борьбѣ за лучшія общественныя условія народной жизни; дѣло въ томъ, что народолюбіе интеллигенціи влечетъ за собой опредѣленные практическіе шаги, которые нарушаютъ мудрые чертежи г. Булгакова и его товарищей; что оно создаетъ опредѣленные общественные идеалы, которые ненавистны всѣмъ, кто, подобно г. Гершензону, прячется отъ демократіи за правительственными штыками. Недаромъ г. Булгаковъ предсказываетъ, будто „интеллигенція въ союзѣ съ татарщиной, которой еще такъ много въ нашей государственности и общественности, погубитъ Россію“.

Это содержаніе, одинаково ненавистное и славянофиламъ, и западникамъ московскаго сборника, заключается въ соціальномъ и политическомъ радикализмѣ русской демократіи.

V.

Изслѣдованіе политическихъ грѣховъ русской интеллигенціи составляетъ спеціальность г. Струве.

И надо отдать ему справедливость, онъ дѣлаетъ это съ значительнымъ искусствомъ и большимъ темпераментомъ. Среди елейно-тягучихъ, ханжески-благочестивыхъ и вялыхъ статей сборника замѣтка г. Струве производитъ весьма оживляющее впечатлѣніе.

Для того, чтобы выяснить политическую роль интеллигенціи, г. Струве съ чрезвычайной быстротой изобразилъ русскую исторію XVI, XVII и XVIII вѣковъ какъ „расхожденіе и борьбу государственныхъ, земскихъ элементовъ съ противогосударственными казачьими“, какъ освобожденіе націи и возстановленіе государства въ борьбѣ съ противогосударственнымъ „воровствомъ“ анархическихъ элементовъ.

„Носителемъ этого противогосударственнаго воровства было какъ въ XVII, такъ и въ XVIII в. казачество“. Оно бунтовало народные низы въ смутное время, оно выдвинуло Стеньку Разина, Емельяна Пугачева. „Пугачевщина была послѣдней попыткой казачества поднять и повести противъ государства народные низы. Съ неудачей этой попытки казачество сходитъ со сцены, какъ элементъ, вносившій въ народныя массы анархическое и противогосударственное броженіе. Оно само подвергается огосударствленію, и народныя массы въ своей борьбѣ остаются *одиноки*, пока мѣсто казачества не занимаетъ другая сила. Послѣ того какъ казачество въ роли революціоннаго фактора сходитъ на нѣтъ, въ русской жизни зрѣетъ новый элементъ, который,—какъ ни мало похожъ онъ на казачество въ соціальномъ и бытовомъ отношеніи,—въ политическомъ смыслѣ приходитъ ему на смѣну, является его исто-

рическимъ преемникомъ. Этотъ элементъ—интеллигенція", которая и является носителемъ противогосударственнаго воровства въ XIX и XX вѣкахъ.

Такова новая схема политическаго развитія Россіи. Разумѣется, она не имѣетъ никакой научной цѣнности. Г. Струве самъ утверждаетъ, что соціальный смыслъ и соціальное содержаніе всѣхъ движеній XVI—XVII вѣковъ и въ особенности Пугачевщины громадны и могутъ быть выражены въ двухъ словахъ—освобожденіе крестьянъ. Если попытки освобожденія крестьянъ съ точки зрѣнія помѣщиковъ и могутъ быть названы противогосударственнымъ воровствомъ, то анархическимъ броженіемъ онѣ не могутъ быть названы ни съ какой точки зрѣнія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Струве построилъ эту схему только для словъ: казачество и противогосударственное воровство, которое онъ бросилъ по адресу русской интеллигенціи.

Для памфлета бойкія опредѣленія г. Струве не лишены остроумія. Но г. Струве за это остроуміе не отвѣтственъ. Г. Розановъ уже десять лѣтъ тому назадъ назвалъ русскую интеллигенцію „духовнымъ казачествомъ"—въ своей книгѣ „Религія и культура". А „противогосударственное воровство", какъ обозначеніе революціонной дѣятельности, изобрѣтено г. Гучковымъ спеціально для юбилейнаго адреса А. Суворину.

Очевидно, успѣшная аранжировка „Великой Россіи", заимствованной у г. Столыпина, поощрила г. Струве къ новымъ трудамъ. Но идеи гг. Розанова, Гучкова и Столыпина давно взвѣшены и не требуютъ переоцѣнки.

Кромѣ бунтовскаго отношенія къ государству въ его идеѣ и въ его реальномъ воплощеніи, для интеллигентскаго отщепенства характерна, по мнѣнію г. Струве, его безрелигіозность. „Отрицая государство, борясь съ нимъ, интеллигенція отвергаетъ его мистику не во имя какого-нибудь другого мистическаго или религіознаго и эмпирическаго".

Эта идея о мистичности государства, не разъ высказываемая г. Струве съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялся проблемой власти, можетъ показаться болѣе оригинальной, но только потому, что она хорошо забыта. Въ 1896 г., въ другомъ московскомъ сборникѣ, нѣкій авторъ утверждалъ: „Государственной интеллигенціи предстоитъ во всякомъ случаѣ трудная задача—привлечь на свою сторону и соединить съ собою твердо народное вѣрованіе. Но для того, чтобы привлечь вѣрованіе и слиться съ нимъ, нужно показать въ себѣ живую вѣру; одной интеллигенціи для этого недостаточно".

Этотъ авторъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ *). Неожиданная близость Струве къ Побѣдоносцеву вовсе не случайна. Вся проповѣдь мистичности государственной власти, излюбленная въ послѣднее время г. Струве, вся его борьба противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ отрицателей государства, въ общемъ и цѣломъ чрезвычайно напоминаетъ идеи духовнаго вождя прусской реакціи пятидесятыхъ годовъ Фридриха-Юлія Шталя. Повидимому, для г. Струве, какъ и для Шталя, міръ распался на два враждебныхъ стана—сторонниковъ лигитимности и сторонниковъ революціи, причемъ понятіе революціи отъ возстанія расширяется до всякаго нарушенія извѣчныхъ, мистически предопредѣленныхъ отношеній между властью и народомъ. Черезъ Шталя г. Струве легко можетъ сблизиться не съ однимъ Побѣдоносцевымъ. Но реставрировать реакціонныя идеи пятидесятыхъ годовъ вовсе не значитъ ставить вѣхи на трудной дорогѣ русской демократіи.

Реставрація славянофильства, искаженіе западничества, воскрешеніе идей прусскихъ реакціонеровъ,

*) Московскій сборникъ, изданіе К. П. Побѣдоносцева, 1896 г., стр. 4.

повтореніе прописной морали церковныхъ проповѣдей, пережевываніе бульварной европейской полемики противъ соціализма—вотъ всѣ средства, которыми располагали участники сборника для крикливаго выступленія. Г. Франкъ напрасно потревожилъ Ницше, вспоминая яркія слова: „не вокругъ творцовъ новаго шума, вокругъ творцовъ новыхъ цѣнностей вращается міръ; онъ вращается неслышно".

Авторы „Вѣхъ" создали много шума, но и только. Никакихъ новыхъ цѣнностей они не создали. И когда нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ лабиринта отвлеченныхъ разсужденій и мистическихъ символовъ къ вопросамъ практической жизни, то они могли снова и снова повторить лишь давно надоѣвшія фразы: „Актомъ 17-го октября по существу и формально революція должна была бы завершиться". „На порогѣ новой русской исторіи, знаменующейся открытымъ выступленіемъ, на-ряду съ правительствомъ, общественныхъ силъ... нельзя не отдать себѣ отчета и въ томъ, какой вредъ приноситъ Россіи исторически сложившійся характеръ ея интеллигенціи".

Искали Грядущаго Града Божія успокоились на Государственной Думѣ 3-го іюня, на министерствѣ Столыпина, на газетѣ Ѳедорова...

VI.

Лозунги личнаго совершенствованія и общественной пассивности не дошли по адресу. Одна правая печать встрѣтила „Вѣхи" сочувственными откликами. Г. Столыпинъ нашелъ, что націоналъ-либеральные Фаусты говорятъ то же самое, что октябристскіе пасторы, только другими словами.

„Во всякомъ случаѣ,—пишетъ онъ,—появленіе такой самокритики, какъ „Вѣхи", является однимъ изъ первыхъ духовныхъ плодовъ тѣхъ начатковъ свободы,

которые понемногу прививаются къ русской жизни. Организмъ, хотя бы государственный, долженъ самъ и безъ понужденія вырабатывать внутри себя противоядія".

Еще болѣе горячо привѣтствовалъ „Вѣхи" г. Розановъ.

„Эти русскіе интеллигенты, всѣ бывшіе радикалы, почти эсъ-деки и когда-то дѣятели и ораторы шумныхъ митинговъ, вожди кадетовъ, позитивисты и марксисты не только въ статьяхъ журнальныхъ, но и въ дѣйствіи, въ фактической борьбѣ съ правительствомъ, этимъ удивительнымъ словомъ въ сущности о себѣ и своемъ прошломъ, о своихъ вчерашнихъ страстнѣйшихъ убѣжденіяхъ, о всей своей собственной личности вдругъ подняли интеллигенцію изъ той ямы и того рубища, въ которыхъ она задыхалась, въ высокую лазурь неба.

Была „интеллигенція"... Но послѣ исповѣданій братьевъ нашихъ въ „Вѣхахъ" мы можемъ говорить, что у насъ дѣйствительно есть... образованный, прямой русскій классъ...

Вовсе Булгаковъ и другіе не зарѣзали русскую интеллигенцію. Они сами зарѣзались. И воскресли. Погреблись и ожили".

Несмотря на высокій авторитетъ г. Розанова въ области чудеснаго, позволительно усомниться въ воскресеніи авторовъ московскаго сборника. Суровое осужденіе, съ которымъ встрѣчены „Вѣхи" даже людьми, связанными съ авторами партійными узами, говоритъ только о томъ, что „Булгаковъ и другіе", дѣйствительно, никого не зарѣзавъ, сами зарѣзались и погребились. Контръ-революціонный либерализмъ далъ въ „Вѣхахъ" почти все, что могъ дать. И то убожество, которое онъ обнаружилъ въ теоріи, находится въ неразрывной связи съ его практическимъ безплодіемъ „Вѣхи" появились въ тотъ моментъ, когда на

только личная, но и парламентская работа попала въ роковой кругъ, когда кадеты снова обнаруживаютъ готовность „полетать на крыльяхъ фантазіи“, когда даже умѣренно-правые съ Балашовымъ во главѣ организуютъ „хожденіе въ народъ“, чтобы выбраться изъ политическаго тупика. И заговорить теперь, по примѣру Струве и другихъ, о самосовершенствованіи и политической пассивности значитъ окончательно порвать съ демократіей и побрататься съ Розановымъ и Столыпинымъ.

Ник. Іорданскій.

„Отщепенцы“ въ квадратѣ.

„*Сажать капусту важнѣе, чѣмъ писать книги*“, — писалъ недавно г. Струве и мысль свою, какъ особо важную, подчеркнулъ курсивомъ. Написавши эти слова, онъ однако не принялся разводить капусту, а продолжаетъ писательствовать. И это жалко: самая дешевая капуста имѣла бы еще большую цѣну, чѣмъ послѣднія писанія г. Струве, пустыя, сумбурныя, неприличныя, попросту дрянныя. Вопросы общественной жизни такъ многосложны, разномыслiе по нимъ такъ обычно, естественно и законно, что рѣдко можешь съ полнымъ убѣжденіемъ мысль, не согласную съ твоей, мысль своего противника, клеймить столь рѣзкимъ словомъ, какъ я это только-что сдѣлалъ. Но когда это бываетъ, тогда твое право становится твоей обязанностью. Если человѣкъ станетъ намъ доказывать, что все зло въ мірѣ отъ злости, и каждое слово своей проповѣди пропитаетъ ненавистью, обильно сѣя вокругъ раздраженіе и злобу, то онъ самъ произнесъ приговоръ надъ собою и своимъ дѣломъ, и намъ остается только закрѣпить его соотвѣтствующимъ словомъ. Если человѣкъ станетъ убѣждать васъ, что красота есть основа всего возвышеннаго въ жизни и все некрасивое въ то же время мерзостное, и эту проповѣдь красоты поведетъ такъ, что вызоветъ неодолимое чувство отвращенія у присутствующихъ, то такой человѣкъ самъ далъ вамъ въ руки мѣрило, ко-

торымъ вы безошибочно можете мѣрить его, его слова и его дѣла. Именно нѣчто подобное случилось съ тѣми семью мудрецами, которые во главѣ или въ центрѣ съ г. Струве ополчились противъ русской интеллигенціи. Они собрались судить другихъ и осудили себя, они думали обнаружить язву на чужомъ тѣлѣ, — она оказалась на нихъ, и вмѣсто торжественнаго собранія грозныхъ судей предъ нами — жалкое скопище самооплеванныхъ людей.

I.

Въ сборникѣ „Вѣхи“ сошлись люди разныхъ спеціальностей, и каждый изъ нихъ зоветъ русскую интеллигенцію къ своему суду и судитъ ее по своимъ законамъ. Г. Бердяевъ считаетъ себя, — неизвѣстно, на какомъ основаніи, — философомъ, и онъ нашелъ, что интеллигентская правда противорѣчитъ философской истинѣ. Г. Булгаковъ, въ качествѣ христіанина и православнаго, открылъ грѣхъ интеллигенціи въ ея героизмѣ, противоположномъ христіанскому подвижничеству и христіанскому смиренію. Г. Гершензонъ приглашаетъ русскаго интеллигента просто „стать человѣкомъ“, увѣренный, очевидно, въ томъ, что самъ онъ, Гершензонъ, достигъ этого „высшаго изъ всѣхъ званій“,—по опредѣленію Жуковскаго. Юристъ Кистяковскій громитъ интеллигенцію за то, что она „никогда не уважала права“. Политикъ и государственникъ Струве уличаетъ интеллигенцію „въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства“. Для г. Франка, философа культуры, вся бѣда въ нигилизмѣ русской интеллигенціи, а г. Изгоевъ, — въ чемъ его спеціальность, не берусь сказать, — пересказываетъ по чужимъ трудамъ, какой процентъ студенческой молодежи занимается онанизмомъ. Если бы въ эту компанію затесался подлинный сапожникъ, онъ бы написалъ статью „Русская интеллигенція и сапоги“, изъ которой было

бы совершенно ясно, что интеллигенція въ сапожномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ и что это есть главный ея порокъ. И отъ этого нестройность хора лишь немногимъ увеличилась бы. Мы вѣдь и теперь не знаемъ, потому ли оказалось у русской интеллигенціи семь смертныхъ грѣховъ, что нашлось столько же охотниковъ ее обличать, или же перечисленные обличителями пороки всѣ неразрывно связаны съ многогрѣшной природой русскаго интеллигента и въ то же время вполнѣ исчерпываютъ ея грѣховность. Остается неизвѣстнымъ также, въ чемъ собственно общая основа всѣхъ этихъ грѣховъ,—по крайней мѣрѣ авторы прямо не указываютъ этого. Мелькаетъ, правда, по всѣмъ страницамъ сборника „безрелигіозность", которая будто и есть мать всѣхъ пороковъ интеллигента. Но господа обличители не потрудились сговориться насчетъ того, что понимаютъ они подъ религіей, и мы поэтому не знаемъ, что такое безрелигіозность. То, что по этому поводу говорится въ предисловіи, слишкомъ недостаточно и темно. „Первенство духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія"— это можетъ значить столь многое и различное, что безъ дальнѣйшихъ поясненій оно ничего не значитъ. Вмѣсто общей мысли — общая фраза.

Это не мѣшаетъ авторамъ сборника предъявлять къ намъ весьма нескромныя требованія. „Вѣхи" вызвали восторгъ среди гасителей свѣта и гонителей свободы и негодованіе въ средѣ передовой, рвущейся къ свѣту и свободѣ части общества. Отъ лобзанія первыхъ и проклятій послѣднихъ г. Струве хотѣлъ бы отдѣлаться весьма простымъ и удобнымъ способомъ. „Основное въ „Вѣхахъ", — пишетъ онъ, — основнѣе и шире всякой политики, какъ таковой". Онъ, Струве, занимается, видите ли, „основнымъ вопросомъ жизни, религіей", и на эту тему приглашаетъ онъ насъ сѣсѣдовать съ нимъ. Г. Франкъ также приглашаетъ

насъ не обращать вниманія на „частные выводы“ и заняться центральной идеей „Вѣхъ“ о культурномъ перевоспитаніи личности на основѣ религіи. Позвольте, господа, въ самомъ началѣ отклонить ваши неумѣстныя притязанія. Позвольте напомнить вамъ, что Америку религіознаго міровоззрѣнія не вы первые открыли. Писали на эту тему погромче васъ витіи, и мы съ ними считались,—возражали имъ или соглашались съ ними. Если вы хотите, чтобы мы считались съ вами, съ вашей философіей, потрудитесь раньше показать ее намъ, предъявите намъ свои философскіе труды. Вопросъ о религіозномъ міропониманіи шире, общѣе и отвлеченнѣе русской интеллигенціи, русской революціи, ея удачъ и неудачъ. Потрудитесь же поставить этотъ вопросъ во всей его широтѣ, разработайте его въ тѣхъ выработанныхъ уже человѣческимъ геніемъ формахъ, которыя однѣ могли бы гарантировать намъ ваше умѣніе и желаніе добросовѣстно разбираться въ такого рода вопросахъ, и тогда мы съ вами будемъ бесѣдовать. Пока же вы не философскій трактатъ о религіи написали, а только книжку „о русской интеллигенціи“, какъ значится на ея обложкѣ. Вы пишете публицистику, достоинство которой мы еще увидимъ, вы пишете о конкретномъ, ограниченномъ, объ явленіи мѣстномъ и временномъ, и когда вамъ показываютъ, что въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ вы наврали, напутали, нашкодили, вы трусливо прячетесь за спину философіи, дѣлете диверсію въ сторону, чтобы и насъ увлечь на ложный путь. По этому пути мы за вами не пойдемъ; о философіи съ вами спорить не станемъ по той простой причинѣ, что ея у васъ нѣтъ. Покайтесь, не то будете жариться въ геенѣ огненной,— это не философія. Но вы говорите о нашихъ близкихъ и частныхъ дѣлахъ—о нашей революціи, о нашей интеллигенціи и многочисленныхъ ея прегрѣшеніяхъ. По этимъ пунктамъ держите отвѣтъ.

Что дало возможность семи заурядным интеллигентамъ надѣть на себя судейскія тоги, а всю остальную интеллигентскую массу посадить на скамью подсудимыхъ? Разномысліе всегда существовало и будетъ существовать между людьми вообще и образованными людьми въ частности. Споры всегда велись, ведутся теперь и будутъ вестись. Но споръ — это состязаніе равноправныхъ. Тутъ каждый чувствуетъ себя стороной и считаетъ себя обязаннымъ доказывать свою правоту и неправоту своего противника. Въ „Вѣхахъ“ же интеллигенцію даже не судятъ, — ея виновность считается доказанной, и все сводится къ тому только, чтобы изъ этого безспорного факта вывести соотвѣтствующія поученія. Авторы „Вѣхъ“ говорятъ и судятъ такъ, точно имъ приходится только привести въ исполненіе уже состоявшійся приговоръ. Чей? Имъ кажется, что они опираются на рѣшеніе самой жизни. „Неудача революціоннаго движенія“ — вотъ приговоръ исторіи надъ интеллигенціей. „Русская революція была интеллигентской“, — говоритъ г. Булгаковъ; „вопросъ о неудачѣ интеллигентскаго *дѣла* наталкиваетъ на болѣе общій и важный вопросъ о цѣнности интеллигентской *вѣры*“, — дополняетъ его г. Франкъ. „Революція 1905—6 гг. и послѣдовавшія за нею событія явились какъ бы всенароднымъ испытаніемъ тѣхъ цѣнностей, которыя болѣе полувѣка, какъ высшую святыню, блюла наша общественная мысль“, — говоритъ въ общемъ предисловіи г. Гершензонъ. Въ той или иной формѣ высказываетъ ту же мысль каждый изъ участниковъ сборника; безъ этой мысли самого сборника не было бы.

„Неудача революціи“ — это, выражаясь судебнымъ языкомъ, вещественное доказательство виновности интеллигенціи. Но существуетъ ли въ дѣйствительности это вещественное доказательство, сама вещь? Дѣйствительно ли революція потерпѣла пораженіе? Когда о крушеніи революціи говоритъ революціонный

интеллигентъ, то это понятно. Онъ, вѣдь, по природѣ „максималистъ“, который на меньшемъ, чѣмъ спасеніе міра, не мирится; за это его казнятъ всѣми казнями судьи изъ „Вѣхъ“. Если спросить наивнаго с.-эра, когда онъ считалъ бы революцію оконченной, онъ указалъ бы на демократическую республику и соціализацію земли какъ на послѣдніе предѣлы революціи. Соціалъ-демократъ, тоже наивный, указалъ бы на диктатуру пролетаріата и также на демократическую республику. Но что собственно значитъ „неудача революціи“ въ устахъ гг. Булгакова, Струве и К°? Когда *они* считали бы революцію удавшейся? Если бы осуществлена была кадетская программа съ принудительнымъ отчужденіемъ земли и подчиненнымъ парламенту министерствомъ? Но гдѣ основаніе къ тому, чтобы именно эти пріобрѣтенія считать низшимъ предѣломъ, за которымъ начинается уже неудача? Или же неудачу революціи знаменуетъ нынѣшнее господство реакціи — правленіе Столыпина и Шварца, Толмачева и Думбадзе? Но когда же и гдѣ же за революціей не слѣдовала контръ-революція? Въ разныхъ мѣстахъ сборника французская революція ставится въ примѣръ русской. Однако, эта примѣрная революція закончилась, послѣ продолжавшихся четверть вѣка величайшихъ потрясеній, полной реставраціей, возвращеніемъ изгнанныхъ раньше Бурбоновъ, подарившихъ французскому народу слабое подобіе конституціи только подъ давленіемъ иностранныхъ державъ. Первая англійская революція, самая величественная изъ всѣхъ, какія только знаетъ исторія, окончилась возвращеніемъ Стюартовъ, и реакція установилась настолько прочно, что Карлъ II могъ даже править безъ парламента цѣлыхъ четыре года; за революціей сорокъ восьмого года всюду въ Европѣ послѣдовала контръ-революція. Счастливыхъ до конца революцій исторія вообще не знаетъ, и всякій, кто думалъ надъ вопро-

сами общественной жизни, знаетъ, что такихъ и быть не можетъ. Была одна хорошая революція, да и та испортилась. Іюльскій переворотъ въ Турціи казался плоскимъ умамъ такимъ умнымъ и счастливымъ изобрѣтеніемъ младотурокъ, и г. Изгоевъ не замедлилъ, разумѣется, попрекнуть ими русскую интеллигенцію. Но послѣ всего того, что произошло потомъ въ Турціи, всякій Изгоевъ, можно надѣяться, пойметъ, что дѣло было тамъ и остается не столь простымъ, какъ казалось, и что законы исторіи писаны и для такихъ умныхъ людей, какъ младотурки.

Что же въ концѣ-концовъ понимаютъ философы изъ „Вѣхъ“ подъ „пораженіемъ революціи“? „Все осталось по-старому, теперь даже хуже прежняго“, — это весьма распространенное ходячее мнѣніе. Была, молъ, революція и сплыла, оставивъ все на томъ же мѣстѣ, насъ только больно потрепала. Не такъ же ли думаютъ Струве и иже съ ними? Но это, вѣдь, максимализмъ худшаго вида, максимализмъ обывательскій, которому чуждо всякое историческое пониманіе, который отождествляетъ многосложный и длительный процессъ народной жизни со своими частными однодневными дѣлами, не слышитъ иныхъ звуковъ, кромѣ раскатовъ грома, не видитъ иного свѣта, кромѣ блеска молніи, не замѣчаетъ иного движенія, кромѣ бурнаго. Кто пристально всматривается въ нашу жизнь и добросовѣстно надъ ней думаетъ, для того не можетъ быть болѣе двусмысленнаго утвержденія, чѣмъ „все осталось по-старому“. Даже въ отношеніяхъ между властью и населеніемъ произошли безконечно важныя измѣненія, даже въ этой наиболѣе доступной поверхностному наблюденію области сдѣланы нами неотъемлемыя завоенія и несомнѣнныя пріобрѣтенія. Сколько бы ни было конфискацій, штрафовъ, арестовъ, высылокъ, какъ бы великъ ни былъ административный произволъ,

сумма фактически осуществляемыхъ нами теперь свободъ все-таки велика сравнительно съ тѣмъ, что было въ сумеречное, глухое и нѣмое время стараго режима. Безконечно важнѣе этихъ внѣшнихъ перемѣнъ перемѣны внутреннія, обновленіе русскаго человѣка, можно сказать, перерожденіе его. Этихъ перемѣнъ невозможно точно опредѣлить, перечислить, невозможно указать на нихъ пальцемъ. Чтобы ихъ увидѣть, почувствовать, постичь все ихъ значеніе, необходимо, отвлекаясь отъ всего прочаго, посмотрѣть на революцію съ количественной стороны. Великое обиліе и огромное напряженіе, проявленное жизнью, — вотъ чѣмъ была раньше всего революція. Мы въ мѣсяцъ переживали годы, а въ годъ — десятилѣтія. Были грѣхи, были ошибки, была доблесть, но все это переплавлялось, претворялось, уносилось однимъ общимъ потокомъ, глубокимъ и стремительнымъ; тысячи преградъ были имъ унесены, вѣковыя скалы размыты. Сколько старыхъ связей были революціей разорваны, сколько было новыхъ прикосновеній, новыхъ соединеній! Послѣдствія столь могучей дѣятельности, *самодѣятельности*, не могутъ не быть велики и благодѣтельны.

Я уже много разъ писалъ на эту тему; распространяться здѣсь у меня нѣтъ ни возможности, ни желанія. Но развѣ не знаменательно, что приходится еще разъ говорить объ этомъ по поводу „Вѣхъ“? Мысль положить въ основаніе книги, претендующей на философское значеніе, берущейся рѣшать споръ о религіозномъ и не религіозномъ міровоззрѣніи, суммарный выводъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ революціи и о виновникахъ такого исхода вообще нелѣпы и по существу недобросовѣстны. Если о столь сложныхъ явленіяхъ, какъ „революція“, „удача революціи“, „неудача революціи“, говорить какъ о чемъ-то простомъ, односложномъ и однозначномъ, то ничего вообще ни доказать, ни опровергнуть, ни даже пояснить нельзя; а

отъ „революціи“ къ „религіи“ ужъ подавно прямыми путями не дойдешь. Но, усѣвшись именно на неудачѣ революціи, обличители выдали себя головою. Они расписались этимъ во всѣхъ тѣхъ грѣхахъ, за которые такъ яростно нападаютъ на интеллигенцію; они показали этимъ, что „портреты они пишутъ“ раньше всего съ себя. Максимализмъ, историческое непониманіе, политическая недѣловитость — все это вѣдь собрано, какъ въ фокусѣ, въ исторически невѣрномъ, политически вредномъ, поверхностномъ и легкомысленномъ утвержденіи: „революція провалилась“. И какое значеніе мы можемъ послѣ этого придавать всѣмъ разговорамъ этихъ людей о политическомъ воспитаніи, объ историческомъ опытѣ, объ „исторической трезвости, самообладаніи, выдержкѣ“, противопоставляемыхъ „исторической нетерпѣливости“, если они въ оцѣнкѣ нашей родной дѣйствительности, важнѣйшихъ сторонъ ея выказываютъ себя ребячески-наивными, дѣтски-невѣжественными? Очевидно, все это только слова, взятыя напрокатъ изъ душеспасительныхъ книжекъ, какъ они раньше брали другія слова изъ другихъ книжекъ.

II.

Мы оцѣнивали до сихъ поръ вещественное доказательство вины. Но кто же обвиняемый, кого судили и осудили, кто эта интеллигенція, столь богатая грѣхами? Оказывается, этого не знаютъ твердо и сами судьи. Единогласно осудили Ивана. Но одинъ изъ судей имѣлъ въ умѣ давно умершаго Ивана Грознаго, другой—миѳическаго Ивана Купалу, третій—Ивана вообще, какой ни случится. По г. Гершензону „интеллигенція ведетъ свою родословную отъ петровской реформы“, „душа интеллигенціи, это созданіе Петрово“,— говоритъ въ согласіи съ нимъ г. Булгаковъ. Значитъ, интеллигенція—то же, что образованное общество? Но

г. Гершензонъ противопоставляетъ интеллигенціи славянофиловъ и глубочайшихъ мыслителей. Значитъ, интеллигенція—то же, что западники минусъ глубокіе мыслители? Г. Изгоевъ говоритъ объ „интеллигентной молодежи“ безъ подраздѣленія и расчлененія. Г. Бердяевъ, наоборотъ, въ самомъ началѣ выдѣляетъ изъ всей массы образованнаго общества, изъ интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ „кружковую интеллигенцію“. Г. Струве также относитъ къ интеллигенціи только часть „образованнаго класса“: но выкраиваетъ онъ ее по-своему, и можно лишь догадываться, что она цѣликомъ или частью совпадаетъ съ „кружковой интеллигенціей“ Бердяева. Гг. Кистяковскій и Франкъ не потрудились даже намекомъ указать, кого судятъ; и только изъ содержанія ихъ статей можно, кажется, заключить, что первый говоритъ обо всемъ образованномъ обществѣ, второй—о нѣкоторой части его.

Люди собрались въ походъ и не сговорились, противъ кого,—это опредѣляетъ мѣру ихъ политической дѣловитости. Они судили и осудили, не зная, кого именно,—это можетъ служить намъ указаніемъ, какъ сильно въ нихъ чувство отвѣтственности. Люди рѣшаютъ „основной вопросъ жизни“ и однимъ и тѣмъ же словомъ обозначаютъ разныя вещи,—это указываетъ степень ихъ приверженности къ теоретической истинѣ. Наконецъ, они ведутъ общій разговоръ, и притомъ на людяхъ, и не смущаются что, какъ во время столпотворенія, языки у нихъ разные и они другъ друга не понимаютъ,—это устанавливаетъ уровень ихъ культурности.

Однако, двухсмысленность слова „интеллигенція“ въ книгѣ значитъ для нея и ея авторовъ гораздо больше, чѣмъ просто неясность, неопредѣленность и некультурность; она имѣетъ для нихъ роковое значеніе. Безъ нея книга не могла бы явиться, съ нею она обличаетъ только творцовъ своихъ, вскрываетъ ихъ

подоплеку. Если не считаться съ пошлостью и тупостью гг. Гершензона и Изгоева, приписывающихъ русской интеллигенціи всевозможные пороки, въ дѣйствительности свойственные ей, конечно, не больше, чѣмъ людямъ вообще, то всѣ обличенія авторовъ „Вѣхъ" сведутся къ одному: великій грѣхъ русскаго интеллигента въ томъ, что онъ продалъ душу свою политикѣ. „Къ философскому творчеству интеллигенція относилась аскетически, требовала воздержанія во имя своего бога-народа, во имя сохраненія силъ для борьбы съ дьяволомъ-абсолютизмомъ",—говоритъ г. Бердяевъ; отсюда и вытекаетъ, что интеллигентская правда враждебна философской истинѣ. То же въ сущности говорятъ всѣ прочіе авторы сборника. Г. Булгаковъ выводитъ новый грѣхъ интеллигенціи—героизмъ—изъ ея неизмѣннаго „стремленія къ спасенію человѣчества... отъ страданія", т.-е. изъ той же политики. Г. Гершензонъ усматриваетъ бѣду въ томъ, что русскій интеллигентъ съ юныхъ лѣтъ живетъ *„внѣ себя"* и достойными своего интереса и участія признаетъ лишь „народъ, общество, государство". Г. Струве говоритъ совершенно то же (стр. 142), но по своему обыкновенію туманнѣе. Г. Франкъ выводитъ открытый имъ въ интеллигентѣ порокъ—нигилизмъ, т.-е. равнодушіе къ отвлеченной истинѣ и красотѣ,—изъ того, что его, интеллигента, „символъ вѣры есть *благо народа*".

Представьте себѣ теперь, что подъ интеллигенціей мы должны понимать все образованное общество. Значитъ, все оно порабощено политикой и на Божій міръ, на всѣ его красоты и цѣнности смотритъ исключительно съ точки зрѣнія „право" и „лѣво". Если бы это дѣйствительно было такъ, если бы такое состояніе продолжалось болѣе или менѣе долго, было хроническимъ, то націи несомнѣнно угрожала бы гибель. И если не кисло-сладкая проповѣдь, то тревожный барабанный бой былъ бы великой заслугой предъ нею.

Но это не такъ и не могло быть такъ. Уже отъ Струве его сотоварищи могли узнать, что національная литература не подпала подъ власть политики,—„великіе писатели Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Чеховъ не носятъ интеллигентскаго лика". Но, кромѣ литературы, осталось, разумѣется, свободнымъ отъ гнета политики,—я говорю, конечно, не о канцелярскомъ гнетѣ,—еще многое другое: наука—творчество Лобачевскаго и Чебышева, Менделѣева и Мечникова, Соловьева и Потебни; искусство—Глинка и Чайковскій, Рѣпинъ и Левитанъ, и т. д. Средняя образованная публика, высшихъ цѣнностей не создающая, занимающаяся своими частными дѣлами, наполняющая театры и клубы и разъѣзжающая по заграницамъ, тоже, конечно, не была въ рабствѣ у политики, у политической идеи. Условія нашей жизни толкали ее въ эту сторону, и въ извѣстной мѣрѣ она проникнута была общественно-политическими интересами. Но это не только не принижало ея, а поднимало. Именно это обстоятельство придавало ей тѣ особыя черты, благодаря которымъ она всегда могла противопоставить себя западно-европейскому „мѣщанству", какъ нѣчто высшее низшему; это общеизвѣстный фактъ.

Изъ всего этого выводъ такой: если интеллигенція значитъ все образованное общество, то неправильно утвержденіе, что для нея весь міръ сошелся на политикѣ. О какой же части русскаго образованнаго общества можно съ нѣкоторымъ основаніемъ,—безъ нелѣпыхъ преувеличеній, конечно,—утверждать это? О „кружковой интеллигенціи", т.-е. о той части образованнаго общества, которая посвятила себя непосредственной или посредственной борьбѣ за улучшенія строя общественной жизни, именно „внѣшняго устроенія" ея. Порокъ, открытый „вѣховцами" въ русской интеллигенціи, мы должны будемъ тогда опредѣлить такъ: люди, посвятившіе себя опредѣленному дѣлу,

какъ важнѣйшему, считаютъ его важнѣйшимъ. Какъ видите, это такой же грѣхъ, какъ-то, что Иванъ есть Иванъ, бѣлое есть бѣлое, черное—черное. Ясно, что если *эта* интеллигенція раньше всего спрашиваетъ, „лѣво“ или „право“, за насъ или противъ насъ,—то она дѣлаетъ именно то, что должна дѣлать. Конечно, такая односторонность можетъ перейти въ уродливость, вредную для того самаго дѣла, которое ее вызвало. Но и всякая добродѣтель можетъ перейти въ порокъ. Для судьи обязательно безпристрастіе, для воина—мужество. Однако безпристрастіе можетъ перейти въ нерѣшительность, мужество—въ жестокость, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такого извращенія можетъ и должно быть указано на него; но никто же не станетъ требовать, чтобы судьи перестали быть безпристрастными, стражи зоркими, учителя терпѣливыми. Такъ же не могла „кружковая“ интеллигенція, оставаясь тѣмъ, чѣмъ она хотѣла и должна была быть, не подчинять политическому интересу всѣхъ прочихъ.

Общій выводъ. О порабощеніи всего образованнаго общества политикой смѣшно говорить; та часть, къ которой это выраженіе примѣнимо, для того и предназначена. Теперь, надѣюсь, ясно, что „Вѣхи“ не увидѣли бы міра и міръ не увидѣлъ бы „Вѣхъ“, если бы авторы потрудились выяснить себѣ заблаговременно, съ кѣмъ они собираются воевать.

Мы еще вернемся къ двусмысленности слова интеллигенція въ „Вѣхахъ“, и тогда она вскроетъ предъ нами сущность не книги, а ея авторовъ. Сейчасъ мы должны остановиться еще на одномъ вопросѣ. Пусть революція провалилась. Пусть мы знаемъ и авторы сборника твердо знаютъ, что такое интеллигенція. Но откуда же слѣдуетъ, что провалъ и интеллигенція связаны между собой какъ слѣдствіе и причина, что провалила революцію именно интеллигенція. На протяженіи всего сборника это разсматривается какъ вещь,

сама собою понятная. Но вѣдь само по себѣ утвержденіе, что все пропало отъ того, что интеллигенція оказалась фефелой, нисколько не убѣдительнѣе и не лучше утвержденія, что всему виной фефела-народъ. И какая же разница тогда будетъ между религіозными, чуть не святыми интеллигентами изъ „Вѣхъ“ и совсѣмъ безрелигіознымъ интеллигентомъ, въ свое время нашумѣвшимъ Энгельгардомъ изъ понедѣльничной газеты. Впрочемъ, г. Франкъ берется доказать вину интеллигенціи въ провалѣ революціи, и посмотрите, какъ онъ это дѣлаетъ. „Безсиліе общества, обнаружившееся въ этой политической схваткѣ, есть не случайность и не простое несчастье,—поучаетъ онъ насъ;—съ исторической и моральной точки зрѣнія это есть его *грѣхъ*“. Какъ видите, рѣчь здѣсь пока идетъ о грѣхѣ всего общества, но тутъ же философъ Франкъ однимъ ловкимъ движеніемъ ставитъ на мѣсто всего огромнаго общества маленькую кучку интеллигенціи. „И такъ какъ,—продолжаетъ онъ,—въ конечномъ счетѣ все движеніе какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по своей тактикѣ было руководимо и опредѣляемо духовными силами интеллигенціи“, то возникаетъ вопросъ объ ея виновности, а разъ вопросъ поставленъ, отвѣта ждать не долго. Г. Франкъ, очевидно, увѣренъ, что программы и тактическія директивы, сочинявшіяся въ интеллигентскихъ кружкахъ, были единственной или по крайней мѣрѣ важнѣйшей двигательной силой революціи, если онъ полагаетъ, что „въ конечномъ счетѣ“ движеніе было не только руководимо, но и *опредѣляемо* силами интеллигенціи, ибо опредѣляетъ исходъ важнѣйшая сила, большая, чѣмъ всѣ прочія вмѣстѣ взятыя. Ясно, что г. Франкъ принимаетъ за доказанное то именно, что взялся доказать.

Скажу здѣсь попутно, что произвольными утвержденіями, наобумъ брошенными фразами, грубѣйшими нарушеніями элементарной логики полна вся книга,—

не только тѣ части ея, въ которыхъ сосредоточился обличительный азартъ авторовъ, о чемъ въ печати уже немало говорили, но и ея, такъ сказать, чисто философскія страницы. Поставивъ себѣ задачей разборъ общихъ положеній сборника, я не могу здѣсь слѣдить за безчисленными ошибками каждаго автора въ отдѣльности. Приведу только одинъ курьезный примѣръ изъ статьи того же Франка, едва ли не самой толковой во всемъ сборникѣ. Высказавъ предположеніе, что „самая замѣчательная особенность новѣйшаго русскаго общественнаго движенія, опредѣлившая въ значительной мѣрѣ его судьбу, есть его философская недодуманность и недоговоренность, попрекнувъ русскую революцію англійской и французской, „которыя пытались осуществить новыя, самостоятельно продуманныя и сотворенныя философскія идеи и цѣнности“, г. Франкъ указываетъ на то, что корни „соціалистической идеи, владѣющей умами интеллигенціи“, восходятъ къ XVIII вѣку. „И воспринимая эти почтенныя идеи, изъ которыхъ большинство уже перешагнуло за столѣтній возрастъ, мы совсѣмъ не останавливаемся сознательно на этихъ корняхъ нашего міросозерцанія“. Моимъ умомъ соціалистическая идея не владѣетъ и никогда не владѣла, въ „Лассаля и Маркса“ не вѣрую, но не могу не признать всего изложеннаго выше разсужденія г. Франка сплошнымъ наборомъ произвольныхъ утвержденій и пустыхъ фразъ. Невѣрно, будто соціалистическая идея была идеей всей русской революціи. Рядомъ съ ней жили идеи либеральная и демократическая,—достаточно вспомнить роль союза освобожденія, земскихъ съѣздовъ, дѣятельность кадетской партіи. Тутъ опять цѣлому приписывается то, что свойственно только части. Невѣрно, будто русской интеллигенціей соціалистическая идея „заимствована въ томъ видѣ, въ какомъ она выкристаллизовалось на Западѣ“. Цѣлыя десятилѣтія велся ожесточенный споръ

между марксистами и народниками о русской соціологіи, вѣрнѣе—о русскомъ соціализмѣ. Этимъ самымъ падаетъ обвиненіе въ непродуманности. Для большинства послѣдователей идея, конечно, остается непродуманной, но таковой остается для большинства образованныхъ людей также идея о шарообразности земли и даже таблицы умноженія. Вожди же старались, какъ умѣли, продумать. Но самое курьезное—это попрекъ „столѣтнимъ возрастомъ“ идеи русской интеллигенціи. Можно подумать, что идея—это дѣвица на выданьи, невѣста, которая тѣмъ хуже, чѣмъ старше. Заглянулъ бы г. Франкъ въ свидѣтельство о рожденіи предлагаемой имъ невѣсты, религіозной идеи, и онъ, можетъ быть, не поднялъ бы щекотливаго вопроса о возрастѣ: вѣдь ей за три тысячи лѣтъ перевалило. А отъ своего сосѣда, г. Булгакова, любитель молоденькихъ идей могъ бы узнать, что и идеи французской революціи, „просвѣтительство“, тоже не такъ новы, и корни ихъ черезъ реформацію и гуманизмъ восходятъ до классической древности.

Если мы теперь припомнимъ все сказанное выше, то мы увидимъ, что самое характерное въ разбираемой нами книгѣ — это огромное преувеличеніе роли интеллигенціи и неустойчивое значеніе этого слова, то расширяющагося до понятія „образованное общество“, то суживающагося до понятія „политическая интеллигенція“, то, чаще всего, еще болѣе суживающагося до „соціалистической интеллигенціи“. И въ этой чертѣ — объясненіе появленія этой сумбурной, плоской и недостойной книги. Попытайтесь мысленно найти въ средѣ нашей интеллигенціи какую-либо другую группу, кромѣ этой, изъ рукъ которой могла бы выйти книга, подобная „Вѣхамъ“. Я не говорю объ явно неприличномъ тонѣ сборника, а обо всемъ складѣ его. Попытайтесь, и вы увидите, что о комъ бы вы ни подумали, на какой группѣ вы бы ни остановились, это

значило бы незаслуженно оскорбить ее. Подумайте, напримѣръ, о группѣ „Вѣстника Европы“, умѣренномъ крылѣ нашей либерально-демократической интеллигенціи. Никогда эти цѣльные, сознательно умѣренные люди не могли бы построить системы на такомъ плоскомъ максимализмѣ, какъ „революція провалилась“, никогда они не смѣшивали бы интеллигенцію вообще съ соціалистической интеллигенціей; это было бы для нихъ психологически невозможно. Перенеситесь въ гнѣздо реакціи и вообразите себѣ авторомъ книги объ интеллигенціи покойнаго Побѣдоносцева. Его книга была бы, конечно, проникнута строгимъ консерватизмомъ и строгой религіозностью, и провалъ революціи онъ уже во всякомъ случаѣ не пороками интеллигентской кучки объяснялъ бы, а доблестями народной массы, вѣрующей и вѣрной, устойчивой и покорной. „Вѣхи“ могли созрѣть только въ умахъ людей, въ душахъ которыхъ, какъ въ сорномъ ящикѣ всякіе отбросы, скопились обломки всѣхъ вѣръ, но ни одна не ночевала дважды. Авторы „Вѣхъ“, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служили вѣдь поочередно всѣмъ богамъ. Это — подлинные изгои, блуждающія души. Если интеллигенція—отщепенцы, то въ „Вѣхахъ“ собрались отщепенцы въ квадратѣ. Въ качествѣ сегодняшнихъ націоналъ-либераловъ они ненавидятъ соціалистическую интеллигенцію; въ качествѣ вчерашнихъ марксистовъ они ставятъ соціалистическую интеллигенцію въ центрѣ міра и говорятъ о провалѣ революціи; въ качествѣ новоиспеченныхъ исповѣдниковъ они что-то лепечутъ о религіи и хулятъ людей, занимающихся „внѣшнимъ устроеніемъ жизни“.

Подъ категорію блуждающихъ душъ не подходитъ изъ всѣхъ участниковъ сборника одинъ только, кажется, г. Гершензонъ. Заняться особо его психологіей врядъ ли представляетъ интересъ. Но съ внѣшней стороны участіе этого человѣка, никогда въ обще-

ственныхъ дѣлахъ не участвовавшаго и общественными вопросами не занимавшагося, въ походѣ противъ русской интеллигенціи напоминаетъ мнѣ сцену, которую я нѣсколько лѣтъ тому назадъ наблюдалъ въ небольшомъ городкѣ на юго-западѣ. Повздорилъ кто-то съ кѣмъ-то на улицѣ. Не успѣлъ я оглянуться, какъ собралась толпа и началась драка. Вижу, къ толпѣ приближается знакомый мнѣ еврейскій „мешуресъ“, здоровенный парень, и опускаетъ кулакъ на перваго попавшагося.

— За что ты, Хаимъ, бьешь человѣка? — спрашиваю я его.

— Люди бьютъ, и я бью,—отвѣтилъ онъ спокойно.

Т. Бикерманъ.

Мольеровскіе врачи.

I.

Предо мною лежитъ новый московскій сборникъ „Вѣхи“. Это сборникъ статей о русской интеллигенціи, какъ гласитъ подзаголовокъ, точнѣе—объ окаянствѣ русской интеллигенціи; вѣхами названы статьи потому, что у нихъ у всѣхъ одна общая претензія — указать путь интеллигенціи, путь въ религіозномъ смыслѣ, путь жизни, путь спасенія. „Я есмь путь“... Это не столько сборникъ статей, сколько собраніе проповѣдей, со всѣми достоинствами и недостатками, присущими этому роду. Словомъ, проповѣди, какъ проповѣди: усыпляютъ не хуже другихъ. Потому что и лучшіе образцы этого жанра обладаютъ неотъемлемымъ свойствомъ навѣвать скуку.

Тэнъ передаетъ впечатлѣніе, испытанное имъ отъ прочтенія 200 страницъ масильоновскаго шедевра „Le petit carême“: ему показалось, что онъ выпилъ двѣсти стакановъ тепловатой и чистой воды.

Въ „Вѣхахъ“ страницъ нѣсколько больше—209, но вкусъ ихъ приблизительно тотъ же, несмотря на примѣсь патоки и уксуса, религіозной метафизики, а также и всякой иной полемики. Авторы сборника составляютъ видную и почтенную литературную группу, имъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ, ни въ талантѣ, а благихъ намѣреній хоть отбавляй; но дѣло

не въ нихъ, а въ самомъ жанрѣ, который они избрали тяжесть котораго они возложили на себя, какъ добровольное „послушаніе“. Наставническій тонъ, тонъ сплошного, не прекращающаго обличенія и увѣщанія дѣлаетъ музыку проповѣдническаго жанра,—и попробуйте устоять противъ ея усыпляющей силы...

Единство сборника и покоится главнымъ образомъ на его монотонности. Въ этой однообразной музыкѣ сплошного обличенія и увѣщанія тонетъ разноголосица отдѣльныхъ музыкантовъ. Если читатель возьметъ на себя „послушаніе“, подобное „послушанію“ авторовъ, хотя далеко не равносильное, и вслушается въ отдѣльныя партіи, то его поразитъ разноголосица во многихъ пунктахъ, и не наименѣе важныхъ. Разноголосица касается и объектовъ обличенія, и самыхъ основаній обличительныхъ приговоровъ. Разумѣется, всѣ проповѣди обращены къ интеллигенціи, противъ интеллигенціи, противъ ея безбожія, ея вольтеріанства и „руссоизма“ (выраженіе одного изъ авторовъ сборника). C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau — это можно считать общимъ припѣвомъ всѣхъ статей или проповѣдей сборника. Какъ козелъ отпущенія, интеллигенція нагружается всѣми грѣхами новѣйшаго религіозно-философскаго требника и—какъ козелъ отпущенія—посылается въ пустыню. Отъ интеллигенціи требуютъ, чтобы она отреклась отъ себя, отъ своихъ привязанностей, отъ своей жизни и исторіи,—что же это, какъ не отправленіе въ пустыню? Интеллигенція объявляется оторванной отъ государства, отъ народа, даже отъ общества, и на нея же возлагается отвѣтственность за грѣхи государства, народа и общества. Эта обвинительная неразборчивость преслѣдуетъ прекрасную цѣль — пробудить въ интеллигенціи чувство грѣха, страхъ вѣчной гибели и жажду покаянія и спасенія,—но неразборчивость остается неразборчивостью и противорѣчія остаются противорѣчіями.

II.

Сборникъ открывается статьей Н. А. Бердяева „Философская истина и интеллигентская правда". Тонъ этой проповѣди крайне суровый. Н. А. Бердяевъ говоритъ даже не объ интеллигенціи, а объ „интеллигентщинѣ", и объ ея отношеніи къ философіи. Интеллигентская правда оказывается не только кривдой передъ лицомъ философской истины, но самое отношеніе ея къ философіи — отношеніе аскетическаго отреченія. Интеллигенція или вовсе не принимаетъ философіи, или, принимая, искажаетъ ее въ угоду своей правдѣ, въ интересахъ своей правды. „У насъ было,—говоритъ Н. А. Бердяевъ, — не только мало философскихъ знаній, — это бѣда исправимая, — у насъ господствовалъ такой душевный укладъ и такой способъ оцѣнки всего, что подлинная философія должна была остаться закрытой и непонятной, а философское творчество должно было представляться явленіемъ міра иного и таинственнаго". „Объясняется это не дефектами интеллекта, а направленіемъ воли (подчеркнуто мною), которая создала традиціонную, упорную интеллигентскую среду, принявшую въ свою плоть и кровь народническое міросозерцаніе и утилитарную оцѣнку, не исчезнувшую по сію пору".

Эта тема варьируется Н. А. Бердяевымъ на разные и даже одинаковые лады. „Русская исторія создала интеллигенцію съ такимъ душевнымъ укладомъ, которому противенъ былъ объективизмъ и универсализмъ, при которомъ не могло быть настоящей любви къ объективной, вселенской истинѣ и цѣнности". „Это роковое свойство русской интеллигенціи, выработанное ея печальной исторіей, привело къ тому, что въ сознаніи русской интеллигенціи европейскія философскія ученія воспринимались въ искаженномъ видѣ, приспособлялись къ специфически-интеллигентскимъ

интересамъ, а значительнѣйшія явленія философской мысли совсѣмъ игнорировались". Такъ искажены были и научный позитивизмъ, и экономическій матеріализмъ, и эмпиріокритицизмъ, и неокантіанство, и ницшеанство.

Рабство интеллекта и господство воли это и есть, по Н. А. Бердяеву, основной, капитальный, по-истинѣ первородный грѣхъ нашей интеллигенціи. Сообразно съ такимъ діагнозомъ Н. А. Бердяевъ прописываетъ и лекарство. «Сейчасъ мы духовно нуждаемся въ признаніи самоцѣнности истины, въ смиреніи передъ истиной и готовности на отреченіе во имя ея. Это внесло бы освѣжающую струю въ наше культурное творчество». Это „сейчасъ" звучитъ почти трогательно по своей скромности, по своему смиренію передъ объективной истиной... исторіи интеллигентскихъ переживаній. Ибо кто слѣдилъ за литературной дѣятельностью Н. А. Бердяева, тотъ знаетъ, съ какой полнотой и быстротой онъ прошелъ черезъ всѣ послѣдовательные фазисы интеллигентской мысли, — въ своемъ писательскомъ онтогенезисѣ онъ воспроизвелъ филогенезисъ интеллигенціи, какъ утробный младенецъ, который повторяетъ фазы развитія, пройденныя цѣлымъ видомъ. И, умудренный этой прошлой исторій, онъ теперь осторожно говоритъ: торопитесь пользоваться лекарствомъ, пока оно излечиваетъ. Быть можетъ, завтра оно перестанетъ излечивать и будетъ объявлено ядомъ.

III.

Почти рядомъ со статьей Н. А. Бердяева напечатана въ сборникѣ статья М. О. Гершензона „Творческое самосознаніе". Г. Гершензонъ также старается заглянуть въ самый корень и открыть основной порокъ интеллигентской души; разумѣется, онъ также находитъ раздвоеніе интеллекта и воли. Но діагнозъ его прямо противоположный бердяевскому. „Мы ка-

лѣки,—возвѣщаетъ г. Гершензонъ, — калѣки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественнаго развитія, гдѣ сознаніе растетъ заодно съ волей, что наше сознаніе, какъ паровозъ, оторвавшійся отъ поѣзда, умчалось далеко и мчится впустую, оставивъ втунѣ нашу чувственно-волевую жизнь". По обвинительному акту Н. А. Бердяева, интеллигенція наша виновна въ томъ, что она пренебрегала истиной, не принимала истины или, принимая, искажала и приспособляла ее къ тѣмъ потребностямъ и интересамъ, въ которыхъ звучалъ властный голосъ воли; русская интеллигенція носитъ свое имя по недоразумѣнію, и вся бѣда ея именно въ томъ, что она не интеллигенція, что ея интеллектъ отданъ въ рабство волѣ. По г. Гершензону дѣло обстоитъ какъ-разъ наоборотъ. Интеллектъ русской интеллигенціи слишкомъ автономенъ, слишкомъ независимъ отъ воли, вотъ въ чемъ несчастье. Интеллигенція напичкана истинами черезъ край. „Всѣ мы, образованные,—утверждаетъ г. Гершензонъ,—знаемъ такъ много Божественной истины, что одной тысячной доли той, которую мы знаемъ, было бы достаточно, чтобы сдѣлать каждаго изъ насъ святымъ". Какъ и Н. А. Бердяевъ, г. Гершензонъ также ссылается на исторію, создавшую „душевный укладъ" русской интеллигенціи, но,—увы!—оба укладa никакъ не укладываются вмѣстѣ. „Наша интеллигенція справедливо ведетъ свою родословную отъ петровской реформы. Какъ и народъ, интеллигенція не можетъ помянуть ее добромъ. Она, навязавъ верхнему слою общества огромное количество драгоцѣнныхъ, но чувственно еще слишкомъ далекихъ идей, первая почти механически расколола въ немъ личность, оторвала *сознаніе* отъ *воли*, научила сознаніе *праздному обжорству истиной*. Она научила людей не стыдиться того, что жизнь темна и скудна правдой, когда въ сознаніи уже накоплены *великія богатства*

истины, и, освободивъ *сознаніе* отъ вседневнаго контроля *воли*, она тѣмъ самымъ обрекла и самое сознаніе на чудовищныя заблужденія" (курсивъ мой). Краснорѣчіе г. Гершензона не изсякаетъ и достигаетъ высокаго діапазона. „Сознаніе, оторванное отъ своего естественнаго дѣла, вело нездоровую, призрачную жизнь. Чѣмъ меньше оно тратило энергіи на устроеніе личности, тѣмъ дѣятельнѣе оно наполняло себя *истиной*, всевозможными истинами, нужными и ненужными. Утративъ чутье органическихъ потребностей *воли*, оно не имѣло собственнаго русла. Не поразительно ли, что исторія нашей общественной мысли дѣлится не на этапы внутренняго развитія, а на періоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизмъ, гегеліанство, сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ, позитивизмъ, марксизмъ, ницшеанство, неокантіанство, Махъ, Авенаріусъ, анархизмъ,—что ни этапъ, то иностранное имя". Мы уже видѣли тотъ же перечень измовъ у Н. А. Бердяева,—только здѣсь онъ является показателемъ совершенно другой, какъ-разъ противоположной болѣзни.

Но позвольте, господа! При всей торжественной серьезности темы и при всей торжественной скукѣ ея проповѣднической обработки, это приближается почти къ фарсу. Не напоминаетъ ли это вамъ консиліумъ мольеровскихъ врачей у постели больного? И какъ Н. А. Бердяевъ сошлись съ г. Гершензономъ подъ одной обложкой? Или между ними состоялось соглашеніе, какъ между мольеровскими врачами: уступи мнѣ рвотное, и я тебѣ уступлю слабительное?

IV.

За этотъ отзывъ о „Вѣхахъ" на меня напалъ одинъ изъ участниковъ этого сборника и товарищъ мой по газетѣ — А. С. Изгоевъ. Г. Изгоевъ упре-

каетъ меня въ „слишкомъ упрощенномъ“ пониманіи гг. Бердяева и Гершензона. Это пониманіе я подтвердилъ цитатами, число которыхъ легко было бы удвоить, утроить или удесетярить; мысли гг. Бердяева и Гершензона были у меня ихъ собственными словами, и читатель могъ судить, правильны ли сдѣланные мною сопоставленія и выводы.

Замѣтка г. Изгоева даетъ мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ „Вѣхамъ“, — да и сама по себѣ любопытна, какъ образчикъ правовѣрной экзегезы. Правовѣрная экзегеза есть прямая противоположность критикѣ. Она заранѣе увѣрена, что всѣ книги св. писанія одинаково священны, одинаково истинны и, слѣдовательно, въ нихъ не можетъ быть ни ошибокъ, ни противорѣчій. Это признается a priori. Но такъ какъ въ дѣйствительности противорѣчія попадаются, и въ немаломъ числѣ, то, чтобы выйти изъ затрудненія, экзегеса прибѣгаетъ къ безнадежнѣйшимъ ухищреніямъ. Единственный результатъ экзегезы—это, точно, „усложненіе“. Противорѣчія „текста“ покрываются слоемъ противорѣчій экзегезы, нерѣдко гораздо худшихъ,— и для примиренія ихъ воздвигается новый этажъ хитросплетеній съ новыми провалами противорѣчій. Сборникъ „Вѣхи“ еще не канонизированъ въ качествѣ библіи „національнаго“ исповѣданія, но если когда-нибудь вокругъ этой книги соберется стадо вѣрующихъ, то можно предвидѣть пышный расцвѣтъ экзегезы въ ея запутаннѣйшей схоластической формѣ.

Но обращусь къ экзегезѣ г. Изгоева. Когда гг. Бердяевъ и Гершензонъ говорятъ о волѣ, отличая ее отъ интеллекта или сознанія, говорятъ ли они объ одномъ и томъ же? Distinguo,—отвѣчаетъ г. Изгоевъ, — есть двѣ воли: 1) „воля къ познанію, познающая воля, находящая теоретическія истины“, и 2) „воля, претворяющая эти истины, послѣ того, какъ онѣ уже найдены, въ жизни и отдѣльной личности и всего на-

рода". Г. Бердяевъ имѣетъ въ виду первую волю, а г. Гершензонъ вторую.

Смѣю увѣрить г. Изгоева, что это не только отсебятина, но и жестокая напраслина, взведенная имъ на бѣдныхъ гг. Бердяева и Гершензона. Зачѣмъ онъ заставляетъ г. Бердяева допускать существованіе какой-то „познающей воли, находящей теоретическія истины"? До сихъ поръ мы думали, вмѣстѣ съ г. Бердяевымъ, что познаніе и нахожденіе теоретическихъ истинъ есть собственно предметъ познавательной дѣятельности, и ее-то мы, вмѣстѣ съ г. Бердяевымъ, называли интеллектомъ. Но... nous avons changé tout cela. Но... если *это* Бердяевъ называетъ волей, то что же онъ называетъ интеллектомъ? Да проститъ мнѣ г. Изгоевъ, если я опять долженъ вспомнить богатую коллекцію мольеровскихъ врачей. Самъ того не замѣчая, онъ поставилъ г. Бердяева въ положеніе того врача, который на самомъ дѣлѣ былъ дровосѣкомъ и врачемъ сталъ поневолѣ.

Рядомъ съ познающей волей г. Изгоевъ пишетъ о „волѣ къ познанію". Что это — одно и то же или разное? Не знаю. Трудно вникнуть въ смыслъ словъ, отрѣшенныхъ отъ своего обычнаго смысла. Можетъ быть, мысль г. Изгоева,—та мысль, которою онъ великодушно одаряетъ г. Бердяева,—заключается въ томъ, что есть особая „воля къ познанію", специфическая воля, сущность которой выражается въ стремленіи къ познанію теоретическихъ истинъ? Психологія также имѣла свой періодъ схоластики. Вся душевная дѣятельность была размежевана между отдѣльными „способностями" или „силами"; каждый актъ душевной дѣятельности былъ приписанъ къ соотвѣтствующей „способности". Увы!—мнѣ опять приходится сослаться на Мольера: опіумъ усыпляетъ, потому что въ немъ есть усыпительная сила—virtus dormitiva. По этому образцу были созданы и всѣ virtutes схоластической психоло-

гіи. Мнѣ кажется, что въ близкомъ родствѣ съ этой virtus dormitiva находится и специфическая „воля къ познанію теоретическихъ истинъ“, открытая г. Изгоевымъ у г. Бердяева; это какая-то помѣсь средневѣковой схоластики съ новѣйшимъ волюнтаризмомъ. Но допустимъ, что есть такая специфическая воля, природа которой состоитъ въ стремленіи къ познанію теоретическихъ истинъ, и эту именно волю подразумѣваетъ г. Бердяевъ. Что же этимъ достигается? Только то, что статья г. Бердяева превращается въ пустой наборъ словъ. Жалуясь на отсутствіе у насъ „философской культуры“, на пренебреженіе интеллигенціи къ объективной истинѣ, Бердяевъ пишетъ: „Объясняется это не дефектами интеллекта, *а направленіемъ воли*“... О какой волѣ идетъ здѣсь рѣчь? О волѣ, стремящейся къ познанію и нахожденію теоретическихъ истинъ? Чѣмъ же *это* направленіе не угодно Бердяеву? Интеллектъ здоровъ, есть и воля, направленная къ познанію истинъ,—чего же лучше? За что же громитъ интеллигентскую „волю“? „Къ идеологіи,—читаемъ мы у г. Бердяева,—которая въ центрѣ ставитъ творчество и цѣнности (т.-е. самостоятельныя духовныя цѣнности, въ томъ числѣ и научныя и философскія истины), она (интеллигенція) относилась подозрительно, съ заранѣе составленнымъ *волевымъ рѣшеніемъ* отвергнуть и изобличить. Такое отношеніе загубило философскій талантъ Н. К. Михайловскаго“. О какомъ „волевомъ рѣшеніи“ здѣсь говорится? Есть ли это рѣшеніе воли, „стремящейся къ познанію теоретическихъ истинъ“, или какой-нибудь другой воли, подавившей первую? „Къ философскому творчеству интеллигенція относилась аскетически, требовала воздержанія во имя своего бога — народа“... „Любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному благу парализовала любовь къ истинѣ, почти-что уничтожила интересъ къ истинѣ“... „Это утилитарно-аскетическое

отношеніе къ философіи"... и т. д., и т. д. Подставьте толкованіе г. Изгоева и получите выводъ... можно сказать, противоестественный. Воля, которая по своей природѣ, по самому опредѣленію есть стремленіе къ познанію истины, оказывается волей, которая *не* стремится къ истинѣ, аскетически отвращается, отрекается отъ познанія истины. Спасая г. Бердяева отъ противорѣчія съ г. Гершензономъ, г. Изгоевъ ввергаетъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ логикой, съ природою вещей.

Но точно ли г. Бердяевъ спасается отъ противорѣчія съ г. Гершензономъ? Г. Гершензонъ,—утверждаетъ г. Изгоевъ, — „говоритъ о волѣ, претворяющей эти истины, послѣ того, какъ онѣ уже найдены, въ жизнь и отдѣльной личности, и всего народа". Г. Гершензонъ, по увѣренію г. Изгоева, „констатируетъ, что интеллигенція накопила множество теоретическихъ истинъ, нужныхъ и ненужныхъ", но „въ жизни самой интеллигенціи и всего народа не воплощена и ничтожная доля этихъ теоретическихъ истинъ, оказавшихся совершенно безплодными". Стало быть, г. Гершензонъ требуетъ отъ интеллигенціи воли къ воплощенію добытыхъ ею теоретическихъ истинъ въ жизнь всего народа? Сопоставьте это съ вышеприведенной цитатой изъ г. Бердяева: „Любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному благу парализовала любовь къ истинѣ, почти-что уничтожила интересъ къ истинѣ". Выходитъ какъ-будто, что то состояніе, которое рисуется г. Гершензону, какъ вожделѣнный идеалъ, является въ глазахъ г. Бердяева плачевнѣйшей дѣйствительностью.

Впрочемъ, въ защиту г. Гершензона я долженъ оговорить, что „экзегза" оказала ему такую же услугу, какъ и г. Бердяеву. Весь смыслъ проповѣди г. Гершензона исчерпывается двумя „текстами": „царство Божіе внутри насъ" и „ищите царства небеснаго, а

все остальное приложится". Онъ взываетъ къ „творческому личному самосознанію", онъ требуетъ отъ личности устроенія ея внутренняго домашняго хозяйства и удаленія отъ политической экономіи.

V.

Въ сущности это одна изъ вѣчныхъ темъ моральной и религіозной проповѣди. Въ этомъ и состоитъ ахиллесова пята всего сборника, что онъ только складочное мѣсто... морально-религіозныхъ общихъ мѣстъ. Этимъ, по-моему, объясняются и его противорѣчія. Сегодня одинъ проповѣдникъ обличаетъ гнусность скупости, а завтра съ той же каѳедры другой проповѣдникъ съ неменьшимъ жаромъ ополчается на мотовство, и каждый изъ нихъ, въ цѣляхъ риторическихъ и иныхъ, придаетъ своему пороку самое широкое, универсальное значеніе. Человѣчество погибаетъ отъ скупости; человѣчество погибаетъ отъ мотовства. Человѣчество спасется, если избавится отъ скупости; человѣчество спасется, если избавится отъ мотовства. Возьмите, напримѣръ, тотъ разладъ между интеллектомъ и волей, на который одинаково указываютъ гг. Бердяевъ и Гершензонъ, хотя сущность этого разлада выясняется ими и въ противоположномъ смыслѣ. Вѣдь это такая широкая схема, что Шопенгауэръ вмѣстилъ въ нее всѣ грѣхи міра, даже самое бытіе міра, которое Шопенгауэръ, какъ истый буддистъ, признаетъ сплошнымъ грѣхопаденіемъ. Диво ли, что въ эту безконечную бездну проваливается и наша интеллигенція? Интеллигенція принадлежитъ къ человѣчеству; стало быть, ничто человѣческое ей не чуждо, не чужды ей и общечеловѣческіе грѣхи, общечеловѣческія слабости. Интеллигенція принадлежитъ къ народу, къ обществу,—стало быть, ей не могутъ быть чужды грѣхи и слабости, характеризующіе народъ и общество,

ихъ бытъ, ту степень культуры, на которой они находятся. Читайте статьи г. Розанова „Вопросы русскаго труда“, печатающіяся въ „Новомъ Времени“, и вы увидите, что какъ-разъ тѣ же самые грѣхи, которые въ „Вѣхахъ“ связываются съ „безбытностью и безрелигіозностью“ интеллигенціи, оторванной отъ народа, г. Розановъ связываетъ съ „бытомъ“ и съ „религіей“ народа.

Д. Левинъ.

Интеллигенція на скамьѣ подсудимыхъ.

Большой, раздѣленный на отдѣльныя статьи, обвинительный актъ. На скамьѣ подсудимыхъ — русская интеллигенція. Много преступленій сотворила она, много грѣховъ легло на ея душу, и наступилъ, наконецъ, часъ расплаты. „Отъ муки тяжкой, отъ казни лютой ей не уйти“. Ея ученіе, оторванное отъ міровыхъ философскихъ традицій, преслѣдуетъ практическую пользу; сама она оторвана отъ народа, атеистична, имѣетъ на своей палитрѣ лишь двѣ краски: черную— для прошлаго и розовую — для будущаго, не умѣетъ распознать элементовъ національной самобытности въ истинѣ, открытой лучшими русскими умами, не развила въ себѣ правосознанія, больна безрелигіознымъ отщепенствомъ отъ государства, моральнымъ легкомысліемъ, не продумала національной идеи и т. д., и т. д. Преступленій много, — списокъ могъ бы расти и расти.

Однако почему обвинительный актъ написанъ только теперь? Вѣдь преступленія совершались давно, — за нѣкоторыми изъ нихъ числится болѣе столѣтія, другія тоже имѣютъ почтенный возрастъ въ десятки лѣтъ; почему только теперь назначенъ судъ и преступники посажены на скамью подсудимыхъ? Должно же было случиться нѣчто, особенно возмутившее совѣсть судей, чтобы мирное попустительство превратилось въ суровое гоненіе?

Когда мы разбираемся въ упрекахъ, обвиненіяхъ, осужденіяхъ, направленныхъ по адресу интеллигенціи, мы почти въ каждой статьѣ находимъ одинъ главный пунктъ, указывающій на причины возбужденія слѣдствія и суда. Всего прямѣе и открытѣе излагаетъ этотъ пунктъ г. Струве, но его мысль является въ дѣйствительности отправнымъ пунктомъ почти каждой статьи, тѣмъ основнымъ аргументомъ, безъ котораго всѣ остальные — ничто. Интеллигенція показала свое банкротство во время революціи; она потребовала много и не добилась ничего; мы остаемся у стараго корыта. Вотъ — тягчайшая вина; вотъ — поводъ для возбужденія слѣдствія противъ интеллигенціи.

Многія обвиненія, выдвигаемыя авторами статей противъ интеллигенціи, несомнѣнно справедливы. Едва ли кто-нибудь станетъ спорить, напримѣръ, съ г. Булгаковымъ, когда онъ говоритъ о мечтательности, какъ о свойствѣ нашей интеллигенціи, какъ о неизбѣжномъ продуктѣ оторванности послѣдней отъ окружающей дѣйствительности. Едва ли будетъ кто-нибудь оспаривать и ссылки г. Кистяковскаго на исторію нашей интеллигенціи, часто равнодушной къ „правовымъ интересамъ личности“. Немного возраженій вызоветъ и утвержденіе г. Струве, что у насъ „революцію дѣлали плохо“. И въ длинной прошлой исторіи нашей интеллигенціи, и въ дѣяніяхъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ авторы статей отмѣчаютъ столько несомнѣнно отрицательнаго, безспорно нежелательнаго, что правоту ихъ въ этомъ отношеніи, казалось бы, нельзя заподозрѣть. И однако, когда вы одну за другой читаете статьи сборника, вы чувствуете, какъ въ васъ поднимается протестъ, какъ вы готовы кричать: нѣтъ, неправда, невѣрно! И когда вы разбираетесь въ своемъ чувствѣ, вы видите, что оно относится не только къ тому, что рядомъ со справедливыми обвиненіями стоятъ вздорныя, главнымъ образомъ оно относится

къ неразборчивости прокуроровъ, къ ихъ стремленію обвинять во что бы то ни стало съ одной стороны, къ предлагаемымъ средствамъ исправленія интеллигенціи—съ другой.

Первое, что поражаетъ васъ,—неустойчивость самого термина „интеллигенція". Г. Струве, напримѣръ, награждаетъ этимъ названіемъ только людей, носящихъ въ себѣ революціонно-соціалистическій идеалъ. Новиковъ, Радищевъ, Тургеневъ, Чеховъ—не интеллигенты. Бѣлинскій и Герценъ старались быть интеллигентами, но славны и велики они не своимъ интеллигентскимъ обличіемъ; Салтыковъ только носитъ на себѣ мундиръ интеллигента, но на самомъ дѣлѣ „вовсе не интеллигентъ". Слѣдовательно, число обвиняемыхъ, посаженныхъ на скамью подсудимыхъ, становится ограничено. Но вотъ г. Кистяковскій, говоря о духовныхъ вождяхъ русской интеллигенціи, привлекаетъ къ допросу Кавелина, и число обвиняемыхъ вслѣдствіе этого страшно увеличивается. Уже не о „мундирахъ интеллигента" идетъ дѣло, а о дѣйствительно гибельномъ духовномъ руководительствѣ. А г. Булгаковъ считаетъ Бѣлинскаго чуть не отцомъ лжи; г. Гершензонъ, повидимому, готовъ назвать интеллигенціей все то, что ведетъ жизнь такъ-называемой богемы. „Въ цѣломъ,—говоритъ онъ,—ителлигентскій бытъ ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія, ни малѣйшей дисциплины, ни малѣйшей послѣдовательности даже во внѣшнемъ; день уходитъ не извѣстно на что, сегодня такъ, а завтра—по вдохновенію,—все вверхъ ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ, въ общественныхъ дѣлахъ необузданная склонность къ деспотизму и совершенное отсутствіе уваженія къ чужой личности, передъ властью—то гордый вызовъ, то покладливость,—

не коллективная,—я не о ней говорю,—а личная"... Очевидно, что подъ это опредѣленіе интеллигенціи не подойдутъ не только тѣ, кого подразумѣваетъ г. Кистяковскій, но и многіе изъ тѣхъ, кого считаетъ интеллигентами г. Струве. Вѣдь нельзя же Михайловскаго, котораго г. Струве называетъ „типичнымъ интеллигентомъ", упрекнуть хотя бы въ „праздности" или въ „наивной недобросовѣстности въ работѣ"; нельзя добродѣтельныхъ семьяниновъ, носящихъ революціонно-соціалистическій идеалъ (ну, хотя бы Синегуба,—его автобіографія недавно была напечатана въ *Былом*ѣ), зачислить въ ряды лицъ, вводящихъ „грязь и хаосъ въ брачныя и вообще половыя отношенія". Избавить ли ихъ за это отъ клички „интеллигентъ", достаточной для того, чтобы быть привлеченнымъ къ громкому процессу о преступленіяхъ интеллигенціи?

Итакъ, первое, что намъ бросается въ глаза, это—неряшливость предварительнаго слѣдствія. Не опредѣливъ съ точностью, кто участвовалъ въ тайномъ сообществѣ, именуемомъ „русская интеллигенція", уже начали процессъ, причемъ Салтыкову могла быть вмѣнена въ вину „гомерическая неаккуратность въ личной жизни и праздность", а Кавелину—„необузданная склонность къ деспотизму". Если процессъ захватываетъ самыя давнія прегрѣшенія, если къ отвѣтственности привлечены всѣ „духовные вожди русской интеллигенціи", то прежде всего надо было опредѣлить понятіе интеллигенціи и разсматривать затѣмъ ея преступленія, *неизбѣжно* вытекавшія изъ ученія „вождей". Вѣдь не стоятъ же въ нерасторжимой связи съ ученіемъ Кавелина или даже Салтыкова, носившаго мундиръ интеллигента, „грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ". Вѣдь нельзя же назвать Бѣлинскаго и Герцена, даже на основаніи той стороны ихъ дѣятельности, за которую они не могутъ быть сопричислены къ „великимъ",—нельзя же назвать ихъ

родоначальниками праздности, унынія, любоначалія, празднословія въ интеллигентскомъ бытѣ. Стоятъ ли „праздность", „хаосъ" и т. д., и т. д. въ необходимой связи съ тѣмъ идейнымъ содержаніемъ, которое характеризуетъ интеллигенцію? А вѣдь идейное-то содержаніе, повидимому, и имѣлось въ виду посадить на скамью подсудимыхъ для замѣны его другимъ.

Какъ бы то ни было, съ огромными погрѣшностями предварительнаго слѣдствія, интеллигенція привлечена въ судъ и посажена на соотвѣтственную скамью. Обвиненій много,—и между ними немало такихъ, справедливость которыхъ не могутъ отрицать обвиняемые. Вотъ, напримѣръ, г. Булгаковъ перечисляетъ рядъ ея прегрѣшеній, несомнѣнныхъ, безспорныхъ, очевидныхъ. Мы могли бы привести цѣлые пассажи, въ которыхъ г. Булгаковъ характеризуетъ интеллигенцію и съ которыми нельзя не согласиться. „Мечтательность, иногда прекраснодушіе, утопизмъ, недостаточное чувство дѣйствительности", — кто будетъ отрицать эти черты интеллигенціи? „Интеллигентъ, особенно временами, впадалъ въ состояніе героическаго экстаза, съ явно истерическимъ оттѣнкомъ. Россія должна быть спасена, и спасителемъ ея (въ представленіи отдѣльнаго интеллигента) можетъ и должна явиться интеллигенція вообще, и даже имя рекъ въ частности, и помимо его нѣтъ спасителя и нѣтъ спасенія".

Это все совершенно справедливо. Надежда на себя, на свои силы, на свое провиденціальное назначеніе въ дѣлѣ спасанія Россіи составляетъ неоспоримую принадлежность нашей интеллигенціи. „Горько думать,—продолжаетъ г. Булгаковъ,—какъ много отраженнаго вліянія полицейскаго режима въ психологіи русскаго интеллигентскаго героизма, какъ велико было его вліяніе не на внѣшнія только судьбы людей, но и на ихъ души, на ихъ міровоззрѣніе... Если юный интеллигентъ, — скажемъ, студентъ или курсистка,—

еще имѣетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ созрѣлъ уже для исторической миссіи, спасителя отечества, то признаніе этой зрѣлости со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ обычно устраняетъ эти сомнѣнія". Въ результатѣ—„пэдократія" (господство дѣтей). „Духовная пэдократія,—говоритъ г. Булгаковъ,—есть величайшее зло нашего общества, а вмѣстѣ и симптоматическое проявленіе интеллигентскаго героизма, его основныхъ чертъ, но въ подчеркнутомъ и утрированномъ видѣ". И это—правда. Дѣйствительно, идейное „господство дѣтей" является странной ненормальностью въ общественной жизни и потому зломъ, чреватымъ новыми, еще большими ненормальностями. Но вполнѣ оцѣнить ненормальность можно только въ связи съ производящими ее причинами, которыя только и могутъ опредѣлить, не было ли бы еще большимъ зломъ, если бы при существующихъ условіяхъ данной ненормальности не было?

И вотъ, когда мы вспоминаемъ исторію послѣднихъ десятилѣтій, мы видимъ, что вся умственная жизнь страны стояла въ необходимой связи съ пэдократіей, съ господствомъ дѣтей, и притомъ такъ, что не будь этого господства, замерла бы духовная жизнь. Возьмите періодъ 70-хъ годовъ, литературу, публицистику, „философію" того времени. Салтыковъ, Некрасовъ, Лавровъ, Успенскій, Михайловскій имѣли главную аудиторію въ „дѣтяхъ, и притомъ аудиторію властную, требовавшую отвѣта и заражавшую своимъ настроеніемъ учителей. Не будь этого постоянно возбужденнаго, требовательнаго, безпокойнаго слоя, не бурли тамъ тревожная мысль о справедливости, долгѣ, о тяжкомъ бремени, возложенномъ на слабыя рамена „дѣтей",—была ли бы общественная мысль? Въ 80-е годы „дѣти" затихли. Работала ли въ это время общественная мысль? Мы имѣли за это время двухъ выдающихся писателей: Короленко, который оставался

въ кругу мыслей и чувствъ, возбужденныхъ дѣтьми-семидесятниками, и Чехова, носившаго явный отпечатокъ настроенія, созданнаго тѣми, кто игралъ роль „дѣтей“ въ восьмидесятые годы. Ни широкихъ соціологическихъ обобщеній, подобныхъ работамъ Михайловскаго и Лаврова, ни яркой публицистики не было. Философія имѣла большаго представителя во Вл. Соловьевѣ, который, правда, едва ли былъ созданъ властью дѣтей, но который именно вслѣдствіе этого не имѣлъ большой школы. Пришли 90-е годы, первые годы XX вѣка, а съ ними своя „дѣтская“ литература, отражавшая тотъ бурлящій хаотическій потокъ мыслей, который характеризировалъ настроеніе молодежи за это время. Эта „дѣтская“ литература нашла однако оцѣнку во взрослыхъ людяхъ Запада, прославившихъ имена нѣкоторыхъ современныхъ писателей.

Все это относится къ видимымъ проявленіямъ духовной жизни общества. А все то, что не поддается такому, очевидному констатированію, то, что носитъ неопредѣленное названіе общественнаго настроенія,—смутная тревога, желаніе разобраться въ человѣческихъ отношеніяхъ, недовольство сытымъ покоемъ,—все это развѣ не находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, какъ ведутъ себя „дѣти“? Да, правъ, несомнѣнно правъ г. Булгаковъ, когда говоритъ, что пэдократія—огромное зло; она—зло и по отношенію къ власть имущимъ, т.-е. къ дѣтямъ. и по отношенію къ обществу, находящемуся подъ ихъ властью. На слабыя силы первыхъ она возлагаетъ непосильную работу, изнуряетъ, мучитъ, калѣчитъ ихъ. Второе—она держитъ во власти часто незрѣлыхъ идей, болѣзненно - возбужденныхъ стремленій, преходящихъ, даже „истерическихъ“ вспышекъ. Это—огромное зло, свидѣтельствующее о другомъ, болѣе общемъ коренномъ злѣ, проникающемъ всю русскую жизнь. И присутствіе этого послѣдняго

дѣлаетъ все существованіе до такой степени больнымъ и мучительнымъ, что даже „господство дѣтей“ въ нашемъ прошломъ мы должны привѣтствовать, ибо безъ него „заглохла бы нива жизни“: вѣдь отцы-то молчали.

Мы знаемъ, во что превращается это господство въ критическія минуты общественной жизни: чувство реальнаго совершенно теряется, неспособность въ оцѣнкѣ окружающаго достигаетъ высшихъ предѣловъ, исчезаетъ контроль надъ дѣйствіями, долгая, не находившая приложенія въ дѣйствительности мечтательность создаетъ воздушные замки или земной рай тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ стоятъ тюремные замки или въ лучшемъ случаѣ красуется вывѣска „Трактиръ Парадизъ“. Это — печально, это — страшно, это-то главнымъ образомъ и испугало авторовъ сборника, но если не измѣнятся окружающія условія, если свойствами интеллигенціи будутъ по-прежнему „оторванность“, „мечтательность“ и т. д., то повтореніе недавняго неизбѣжно и „борьба идей“, о которой мечтаетъ г. Струве, дѣла не исправитъ.

Одинъ изъ главныхъ упрековъ, съ которымъ авторы сборника обращаются къ интеллигенціи, заключается въ томъ, что она „не придумала національной проблемы“. „При своемъ космополитизмѣ наша интеллигенція, конечно, сбрасываетъ съ себя много трудностей, неизбѣжно возникающихъ при практической разработкѣ національныхъ вопросовъ, но это покупается дорогою цѣной омертвѣнія цѣлой стороны души, притомъ непосредственно обращенной къ народу“. Такъ говоритъ г. Булгаковъ и на этотъ разъ, какъ намъ кажется, совершенно несправедливо. „Омертвѣніе одной стороны души“! Правда ли это? Правда ли, что свою оторванность интеллигентъ принимаетъ съ легкимъ сердцемъ? Правда ли, что, дѣлая себя мишенью для упрековъ въ космополитизмѣ, онъ позволяетъ уме-

реть цѣлой сторонѣ своей души, притомъ сторонѣ, „непосредственно обращенной къ народу“? Правда ли, что въ душѣ его, истерзавшейся отъ производимаго окружающими смѣшенія словъ „отечество“ и „ваше превосходительство“ и протестующей противъ этого смѣшенія своей обособленностью, нѣтъ мучительной, болѣзненной постоянной скорби „по тебѣ, святой, великій, невозвратный Ильонь“? Сумасшедшій въ гостинницѣ „Бѣлаго Лебедя“, зачисленный соотечественниками въ безумцы за свою непріязнь къ оффиціальному патріотизму, восклицалъ: „Ахъ Карлъ... дай мнѣ отечество! Вѣдь я прошу немногаго: дай мнѣ только маленькое, крошечное отечество!“ И о томъ же постоянно молилъ интеллигентъ, стремившійся найти связь между собой и отечествомъ, то дѣлавшій кумиръ изъ деревенской общины, то въ отчаяніи констатировавшій непроходимую пропасть между собой и народомъ. Можно ли говорить объ „омертвѣніи одной стороны души“? Это — не „омертвѣлая, а живая, страшно болѣзненная, вѣчно мучающая, не дающая успокоиться рана. Весь „космополитизмъ“ интеллигента заключается въ томъ, что онъ желаетъ видѣть родину жувущею по образу и подобію его интеллигентскаго идеала. Интеллигенція хотѣла видѣть и нерѣдко видѣла родину въ лучезарномъ сіяніи какого-то необыкновеннаго, недоступнаго другимъ народамъ величія. Она съ восторгомъ преклонялась въ 70-хъ годахъ передъ соціальными „устоями“ русскаго народа, видя въ нихъ осуществленіе идеаловъ „любовнаго и сердечнаго общежитія“. Еще такъ недавно, надѣясь на особенныя, невѣдомыя другимъ народамъ традиціи русскаго народа, она готовилась къ тому, какъ благодаря своимъ исключительнымъ свойствамъ онъ осуществитъ сразу то, что долгій трудъ и упорство еще не дали народамъ другихъ странъ. Это можно назвать самоослѣпленіемъ, можно назвать еще

хуже, но ни „омертвѣніе“ одной стороны души, „притомъ непосредственно обращенной къ народу“, ни „космополитизмъ“ — выраженія, не подходящія для такого состоянія.

Г. Булгаковъ—человѣкъ глубоко вѣрующій, и потому всѣ упреки его вращаются около одного главнаго пункта: безвѣрія интеллигенціи. Въ этомъ безвѣріи онъ видитъ не только огромный ущербъ для собственнаго душевнаго уклада интеллигенціи, но и ту стѣну, которая отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа. Г. Гершензонъ идетъ дальше. Онъ уже говоритъ отъ имени народа. Онъ заявляетъ, что „безсознательная ненависть къ интеллигенціи превозмогаетъ въ немъ (въ народѣ) всякую корысть“. Народъ „не чувствуетъ въ насъ (въ интеллигентахъ) человѣческой души“. Въ „Исторіи одного города“ учитель, допрошенный съ пристрастіемъ относительно того, искалъ ли онъ душу у лягушки, въ концѣ-концовъ сознался, будто искалъ и нашелъ, что у лягушки есть душа, но малая видомъ и не безсмертная. Не такую ли малую видомъ душу, по объясненію г. Гершензона, видитъ въ интеллигентѣ народъ? Но что же дѣлать для уничтоженія ненависти? Какъ увѣрить народъ въ существованіи у насъ человѣческой, а не лягушечьей души? „Для этого нужно, чтобы при всей разности содержанія и силы мысль образованныхъ и мысль необразованныхъ работали однородно, т. е. чтобы сознаніе образованныхъ жило такою же существенною жизнью, какъ и сознаніе трудящейся массы, гдѣ физическій трудъ и страданія напрягаютъ всю душевную силу въ упорной работѣ осмысленія этой самой тяжкой жизни нравственными идеями и вѣрою“... Увѣренъ ли однако г. Гершензонъ, что если интеллигентъ пріобрѣтетъ нравственныя идеи и вѣру, необходимыя для того, чтобы его мысль работала однородно съ мыслью необразованнаго человѣка, то народъ перестанетъ его

„безсознательно ненавидѣть“? Прежде всего, какъ узнаетъ народъ о происшедшей перемѣнѣ? Какимъ путемъ интеллигентъ дастъ ему понять, что работа ихъ мыслей однородна? Позвольте привести одну выдержку изъ Щедрина: „Признаюсь, я никогда не могъ читать безъ глубокаго волненія газетныхъ извѣстій о томъ, что въ такую-то, дескать, деревню явились неизвѣстные люди и начали съ мужичками бесѣдовать; но мужички, не теряя золотого времени, прикрутили имъ къ лопаткамъ руки и отправили къ становому приставу.. Зачѣмъ приходили неизвѣстные люди, о чемъ они разговаривали, — ничего не видно; достовѣрно только, что имъ закрутили руки, чтобы не терять золотого времени... Можетъ-быть, эти неизвѣстные отыскали способъ бороться съ саранчей или съ колорадскимъ жучкомъ и приходили въ деревню затѣмъ, чтобы подѣлиться своимъ открытіемъ съ ея обитателями? Или, быть-можетъ, они желали указать на какую-нибудь новую отрасль промышленности, которая могла бы съ успѣхомъ привиться въ этой мѣстности? Или, наконецъ, просто хотѣли объяснить мужичкамъ, что такое Богъ?“... Увѣренъ ли г. Гершензонъ, что если о происшедшей съ нимъ перемѣнѣ (допустимъ на минуту, что безъ измѣненія общихъ условій русской жизни такая перемѣна возможна) интеллигентъ станетъ повѣствовать народу, что ему не прикрутятъ руки къ лопаткамъ? Какимъ путемъ, кромѣ подпольнаго, интеллигентъ можетъ сблизиться съ народомъ, показать ему, что „радостной душою съ его душой сливаться будетъ впредь“? Не всмомнитъ ли г. Гершензонъ нѣкоторыхъ разсказовъ народниковъ, описывавшихъ, какъ „ненависть“ исчезала, когда была возможность просто разговориться? Значитъ, опять-таки дѣло—въ измѣненіи условій сношенія между собой русскихъ обывателей,—въ томъ измѣненіи, къ которому мы неизбѣжно возвращаемся.

Большинство авторовъ сборника стоитъ на иной точкѣ зрѣнія. Они упрекаютъ интеллигенцію за ея утилитаризмъ, за то, что на условія жизни она обращала больше вниманія, чѣмъ на выясненія отвлеченныхъ истинъ. „Интеллигенцію не интересуетъ вопросъ, истинна или ложна, напримѣръ, теорія знанія Маха; ее интересуетъ лишь то, благопріятна или нѣтъ эта теорія идеѣ соціализма, послужитъ ли она благу и интересамъ пролетаріата“, — съ упрекомъ говоритъ г. Бердяевъ. Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что для перевоспитанія интеллигенціи рекомендуется измѣнить направленіе своего сознанія. До сихъ поръ интеллигенція направляла всю работу сознанія, по выраженію г. Гершензона, „вонъ изъ себя“; теперь она должна направить ее внутрь. „Дѣятельность сознанія должна быть свободна отъ всякой предвзятости, отъ всякой инородной тенденціи, навѣянной внѣшними задачами жизни“,—продолжаетъ г. Гершензонъ. „Теперь интеллигенція должна уйти въ свой внутренній міръ“,—говоритъ г. Кистяковскій. Воспитаніе, о которомъ думаетъ г. Струве, „вѣритъ не въ устроеніе, а только въ творчество, въ положительную работу человѣка надъ самимъ собою, въ борьбу его внутри себя во имя творческихъ задачъ“... и то же приблизительно говорятъ другіе авторы.

Во имя чего же работа внутри себя? Конечно, не ради утилитарной цѣли, а ради „вселенской истины“, которая выше, чѣмъ „благо народа“. Вѣдь достаточно отравили намъ жизнь интеллигенты тѣмъ предпочтеніемъ, которое они оказывали пользѣ передъ абсолютной истиной. Пора и отдохнуть. Но

Неожиданно, негаданно,
Какъ зловѣщій запахъ ладона,
Предвѣщающій покойника,
Словно бѣсъ изъ рукомойника,

изъ „вселенской истины“ образовалась самая про-

стая, самая очевидная практическая польза. Все это,— и самосовершенствованіе, и углубленіе внутрь себя, и оживленіе мертвыхъ сторонъ души,—все это необходимо, какъ сказала бы газета *Россія*, для практическихъ мѣропріятій. Весь шумъ, поднятый въ послѣднее время по вопросу о націонализмѣ, все стараніе привить интеллигенціи „національную идею“,—что это, какъ не приглашеніе направить работу сознанія „вонъ изъ себя“? Ибо національная идея, нужна не для постиженія „вселенской истины“, а для лучшаго „устроенія“ русской жизни. Она нужна для того, чтобы сплотить вокругъ себя группу лицъ, которыя дѣйствовали бы и противодѣйствовали въ практической жизни. Когда Толстой звалъ къ самосовершенствованію, къ углубленію внутрь себя, онъ ставилъ своихъ приверженцевъ въ положеніе одиночекъ, которые дѣлали міръ лучше только тѣмъ, что становились лучше сами. Націоналисты говорятъ: „Посмотри внутрь себя, прими нашу идею и, опоясавъ чресла свои мечомъ, рубись во славу родины“. Развѣ и здѣсь „благо народа“ не ставится „выше вселенской истины и добра“? Развѣ и здѣсь утилитарность не на первомъ планѣ?

А послѣдствія? Интеллигентныя прегрѣшенія ведутъ, какъ говоритъ г. Булгаковъ, къ рѣзкому раздѣленію партій: „Нація раскалывается надвое, и въ безплодной борьбѣ растрачиваются лучшія ея силы“. Освобождаетъ ли отъ этого „національная идея“, какъ ее понимаютъ г. Струве и нѣкоторые другіе? Образовываются не два, а сорокъ два враждебныхъ лагеря; уже теперь мы слышимъ возгласы о «державной» національности, уже теперь противопоставляется другимъ національностямъ „русскій“ въ смыслѣ, который мы не рѣшимся назвать „истинно-русскимъ“ только потому, что знаемъ, отъ кого идетъ противопоставленіе.

Итакъ, разобравшись въ нѣкоторыхъ частяхъ обвинительнаго акта, мы видимъ, почему несмотря на совершенную справедливость многихъ пунктовъ обвиненія ко всему обвинительному акту мы не можемъ отнестись иначе, какъ отрицательно. Мы видимъ, во-первыхъ, что, упрекая интеллигенцію въ преслѣдованіи утилитарныхъ цѣлей, прокуроры (или большинство изъ нихъ) начали свое обвиненіе главнымъ образомъ потому, что практическія дѣйствія интеллигенціи оказались несостоятельными, т. е. были приведены въ негодованіе не утилитарнымъ направленіемъ программы, а ея практической несостоятельностью. Мы видимъ, во-вторыхъ, что, оставляя тотъ же упрекъ въ преслѣдованіи утилитарныхъ цѣлей, прокуроры только выдвигаютъ новую программу, преслѣдующую въ свою очередь утилитарныя цѣли.

О расплывчатости самой программы, о существѣ нѣкоторыхъ ея пунктовъ,—между прочимъ и о самомъ главномъ для нихъ, изъ котораго вытекаетъ обвиненіе интеллигенціи въ религіозномъ отщепенствѣ, — намъ, вѣроятно, много еще придется говорить. Вѣдь „борьба идей", къ которой призываетъ г. Струве, только начинается.

Мы опять около тѣхъ же вопросовъ о прегрѣшеніяхъ интеллигенціи. Поводомъ является напечатанная въ „Словѣ" статья г. Франка „Вѣхи и ихъ критики". Г. Франкъ, участвующій самъ въ сборникѣ „Вѣхи", понятно, не можетъ быть доволенъ отрицательнымъ отношеніемъ къ сборнику. Онъ находитъ, что въ критикѣ статей, помѣщенныхъ въ „Вѣхахъ", сказался шовинизмъ,—не тотъ шовинизмъ, конечно, которымъ полны столбцы реакціонныхъ газетъ, а слѣпая влюбленность въ интеллигенцію, отвращающаяся отъ истины и нападающая на тѣхъ, кто посмѣетъ за-

тронуть непогрѣшимость кумира. Авторъ статьи отмѣчаетъ, что критики сборника, даже соглашаясь съ приводимыми доводами, относятся къ сборнику отрицательно по причинамъ, гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ тѣ соображенія, съ которыми они выразили согласіе.

„Характернѣе всего,—говоритъ онъ,—что оба критика мимоходомъ и какъ бы въ видѣ побочнаго замѣчанія выражаютъ согласіе по существу съ мнѣніемъ участниковъ „Вѣхъ“. Такъ, г. Философовъ категорически признаетъ: „да, на русской интеллигенціи лежитъ много грѣховъ“, а г. Игнатовъ подтверждаетъ „совершенную справедливость нѣкоторыхъ пунктовъ обвиненія“. Но... но дальше идетъ самое существенное для критиковъ „Вѣхъ“. Съ точки зрѣнія г. Философова, „всѣ эти грѣхи забываются, когда видишь упомянутыя уже злорадство и жестокость“. И точно также г. Игнатовъ, несмотря на свое полное согласіе съ нѣкоторыми пунктами обвинительнаго акта, не можетъ ему сочувствовать, потому что его не удовлетворяютъ прокуроры“.

Г. Франкъ находитъ, что вопросъ о самихъ писателяхъ долженъ быть совершенно устраненъ: „Пусть они плохіе и грѣшные прокуроры, пусть они исполнены дьявольскихъ чувствъ... Все это очень мало интересно и въ концѣ-концовъ есть дѣло только ихъ личной и писательской совѣсти. Если они говорятъ неправду, покажите это; если же, какъ вы сами признаете, въ ихъ словахъ есть хотя бы доля правды, то эта правда важнѣе всего, и только о ней и стоитъ говорить“.

Святая истина. Но если я признаю справедливость этихъ словъ г. Франка, слѣдуетъ ли изъ этого, что весь его фельетонъ въ „Словѣ“ и вся его статья въ „Вѣхахъ“ должны встрѣтить мое сочувствіе? Если я признаю „совершенную справедливость нѣкоторыхъ пунктовъ обвиненія“ противъ интеллигенціи, то обяза-

тельно ли долженъ я сочувствовать всему обвинительному акту, основанному, по моему мнѣнію, на невѣрной комбинаціи или невѣрныхъ логическихъ выводахъ изъ нѣсколькихъ справедливыхъ посылокъ?

Меня „не удовлетворяютъ прокуроры“ интеллигенціи? Совершенно вѣрно: не удовлетворяютъ и даже очень. Но не потому, что они, сами интеллигенты, возстали на свою „мать“, и не потому, что они „исполнены дьявольскихъ чувствъ“. Чѣмъ они были раньше,— просто ли интеллигентами, или къ нимъ могли быть приложены различныя разграничивающія кличкн, страдали ли они тѣми прегрѣшеніями, въ которыхъ теперь обвиняютъ интеллигенцію,—это мы оставляемъ въ сторонѣ. Пусть прошлое останется прошлымъ. Оно можетъ быть интересно со многихъ сторонъ, но въ данный моментъ, по отношенію къ данному вопросу, насъ интересуетъ, отличается ли предлагаемое новыми проповѣдниками ученіе по своимъ цѣлямъ и принципамъ отъ ученія интеллигенціи, на цѣли и принципы которой производится атака. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія „прокуроры меня не удовлетворяютъ“.

Интеллигенція, по мнѣнію прокуроровъ, грѣшна тѣмъ, что практическую пользу поставила выше всего. Чѣмъ же, какъ не практической пользой, вызвана та проповѣдь, которая несется со страницъ сборника „Вѣхи“? Плохо устроилась наша интеллигенція съ „обновленіемъ“ Россіи, пусть она позаимствуетъ у народа вѣру и тогда справится легче,—вотъ въ грубой формѣ (сознаюсь, въ очень грубой) то заключеніе, которое выносишь изъ многихъ статей сборника. И если, вынеся такое заключеніе и слыша упреки, обращенные къ интеллигенціи относительно ея утилитарныхъ цѣлей, я спрашиваю: „А судьи кто?“,—значитъ ли это, что „прокуроры меня не удовлетворяютъ“, какъ личности? Я вижу основной дефектъ ихъ программы, и это—несмотря на „совершенную справедливость нѣко-

торыхъ пунктовъ обвиненія", воздвигнутаго ими противъ интеллигенціи. Позвольте для иллюстраціи напомнить разсказъ Успенскаго „Больная совѣсть".

Бывшій военный намѣревался постричься въ монахи. Ужь и одежду подходящую сталъ носить, и волосы отрастилъ, и заговорилъ о своемъ дальнѣйшемъ желаніи „уединиться" и о томъ, сколько на его долю придется изъ „кружечнаго сбора". Но потомъ подвернулись какія-то обстоятельства, и монахъ сталъ колебаться и подумывать о гражданской или военной службѣ. „Хотя я люблю уединеніе,—говорилъ онъ,—но уединиться можно, и не надѣвая клобука, не загораживая себя каменными стѣнами... Богъ вездѣ.. Да, наконецъ, великъ ли нашъ кружечный сборъ?". Возмущенные родные и покровители стали убѣждать отступника. „Ну, что ты могъ бы получить на желѣзной дорогѣ, о которой бѣсъ вложилъ тебѣ въ умъ? — писалъ ему настоятель. — Много, много, если ты получишь триста рублей,—но, замѣть, на своихъ харчахъ! Дьяволъ настолько ослѣпилъ твой умъ, что ты какъ бы совсѣмъ забылъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, тогда какъ, идя по духовной части, ты получишь помимо кружечнаго сбора"... и т. д. „Врагъ рода человѣческаго (писала ему родственница), которому, безъ сомнѣнія, принадлежатъ всѣ содѣянныя тобою свинства, настолько опуталъ тебя, что ты ужь не въ состояніи ясно видѣть, что карьера твоя должна ограничиться заботой о душѣ, молитвой, ибо князь Сергѣй Андреичъ, какъ тебѣ должно быть хорошо извѣстно, умеръ два года за границей, а безъ него, ты очень хорошо знаешь, тебѣ нѣтъ протекціи ни въ армію, ни въ штатскую службу. Молись и проси у Бога прощенія, зная, что на желѣзныхъ дорогахъ всѣ мѣста заняты и нигдѣ тебѣ не дадутъ ничего"...

Конечно, у авторовъ сборника „Вѣхи" нѣтъ того наивнаго лицемѣрія, которымъ проникнуты письма ге-

роевъ Успенскаго. Но ихъ обвиненія, направленныя противъ утилитарныхъ стремленій интеллигенціи и соединенныя съ совѣтами углубиться внутрь себя для того, чтобы сдѣлать удачнѣе то практическое дѣло, которое не сумѣли сдѣлать теперь, — ужасно напоминаютъ цитированныя письма. Наша интеллигенція оторвалась отъ народной религіи, дьяволъ настолько ослѣпилъ ея умъ, что ее характеризуетъ „безрелигіозное отщепенство“, и она сдѣлала плохую революцію; пусть она молится, проситъ у Бога прощенія и помнитъ, что, идя по этой части, она получитъ помимо кружечнаго сбора усиленіе производительныхъ силъ страны и т. д. Когда я встрѣчаюсь съ подобнаго рода разсужденіемъ, то, даже вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что на желѣзныхъ дорогахъ всѣ мѣста заняты, а кружечный сборъ даетъ немало, могу ли не отнестись ко всему разсужденію иначе, какъ отрицательно? Если нашей интеллигенціи надо вернуться къ народнымъ вѣрованіямъ во имя истины, то дѣлать это надо безъ всякой зависимости отъ того, что „революцію плохо дѣлали“ и что при помощи народной вѣры дѣло пойдетъ лучше. Или истина сама по себѣ, или практическая, чисто-земная цѣль при помощи разныхъ пріемовъ, въ числѣ которыхъ, конечно, не можетъ фигурировать безкорыстная любовь ко „вселенской истинѣ“. Можно понять проповѣдь и проникнуться убѣжденіемъ въ ея правдивости, когда она говоритъ: „Ты заблуждался, ты испытывалъ неудачи и былъ несчастенъ,— обрати взоръ свой къ Небу, молись,—Богъ — великій и милостивый отецъ. Онъ просвѣтитъ твой умъ, пошлетъ тебѣ миръ и радость, и ты увидишь, какъ мало заслуживаютъ вниманія твои земныя скорби, какъ мракъ тлѣннаго міра проникнется сіяніемъ истины“ и т. д., и т. д. Можно увлечься или нѣтъ этой проповѣдью. но нельзя въ ней увидѣть самоотрицанія. И въ то же время нельзя не видѣть ничего кромѣ само-

отрицанія въ разсужденіи: „Ты несчастливъ въ земной юдоли,—молись, и Богъ поможетъ тебѣ выиграть двѣсти тысячъ".

Вотъ почему критики „Вѣхъ", и я въ томъ числѣ, мало останавливаются на обсужденіи главной части положительной программы, представленной въ сборникѣ. Эта главная часть заключается въ призывѣ къ проникновенію основами народной религіи или любовью ко вселенской истинѣ, къ абсолютнымъ цѣнностямъ. Ибо въ соприкосновеніи съ этой основной мыслью мы увидимъ непремѣнно напоминаніе о кружечномъ сборѣ, о смерти князя Сергѣя Андреевича и о невозможности безъ него получить протекцію ни въ армію, ни въ штатскую службу.

Обратитесь, напримѣръ, къ статьѣ г. Булгакова. „Христіанское подвижничество,—говоритъ онъ,—есть непрерывный контроль, борьба съ низкими, грѣховными сторонами своего я, аскеза духа... Христіанскій герой въ своей дѣятельности видитъ *прежде* всего *исполненіе* своего долга предъ Богомъ, Божьей заповѣди, къ нему обращенной... Нужно „покаяться", т. е. пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь въ ея глубинахъ и изгибахъ, чтобы возродиться къ новой жизни"... Все это понятно, это—проповѣдь религіознаго человѣка, требующаго подвига ради душевнаго спасенія, внѣ земныхъ выгодъ, внѣ требованій внѣшняго благоустройства. Но когда рядомъ съ христіанской проповѣдью и какъ бы въ оправданіе ея и въ логической связи съ нею вы читаете· „Россія нуждается въ новыхъ дѣятеляхъ на всѣхъ поприщахъ жизни: государственной — для осуществленія „реформъ", экономической — для работы на пользу русскаго просвѣщенія, церковной — для поднятія силъ учащей церкви, ея клира и іерархіи; новые люди, если дождется ихъ Россія, будутъ, конечно, искать и новыхъ практическихъ путей для

своего служенія и помимо существующихъ программъ, и — я, вѣрю, — они откроются ихъ самоотверженному исканію",— когда вы читаете такія строки, вы видите, что „вселенская истина" становится рабой практическихъ цѣлей, что между утилитарными стремленіями интеллигенціи и практическими вожделѣніями тѣхъ, кто утилитарность ставитъ интеллигенціи въ вину, большой разницы въ этомъ отношеніи нѣтъ. Эту амальгаму душевнаго спасенія, вселенской истины, абсолютныхъ цѣнностей, практическихъ цѣлей, спасенія въ монастырѣ и кружечнаго сбора вы откроете не въ одной только указанной статьѣ.

Вотъ почему нѣтъ большой охоты разбирать ученіе авторовъ „Вѣхъ" по существу. Въ самомъ дѣлѣ, если, преслѣдуя извѣстные пороки, новое ученіе само дѣлаетъ эти пороки необходимой своей частью, то не будемъ ли мы близки къ истинѣ, если скажемъ, что безъ этихъ пороковъ, повидимому, нельзя обойтись, что даже мысль о лучшемъ строѣ души неизбѣжно соприкасается съ вопросомъ о „реформахъ", о „клирѣ" и „іерархіи" церковной, т.-е. о внѣшнемъ устроительствѣ общественной жизни.

Резюмируемъ въ очень короткихъ словахъ розни, существующую между міровоззрѣніемъ русской интеллигенціи и ученіемъ, исповѣдуемымъ авторами сборника „Вѣхи". Интеллигенція считаетъ формы общежитія (въ видѣ управленія, производства, распредѣленія и т. д.) существеннымъ моментомъ, отъ котораго зависитъ строй души. Поэтому, перефразируя извѣстное недавнее изреченіе, она съ давнихъ, очень давнихъ поръ исповѣдуетъ: сперва реформы, потомъ—успокоеніе, сперва улучшеніе условій общественной жизни, потомъ—улучшенный, умиротворенный, болѣе совершенный человѣкъ. Авторы сборника „Вѣхи" требуютъ иного: обращаясь къ интеллигенту, они говорятъ: сперва исправься, а вмѣстѣ съ твоимъ исправленіемъ

измѣнится жизнь, — сперва успокоеніе, а потомъ реформы. Разсматриваемыя теоретически, оба ученія содержатъ то внутреннее противорѣчіе, которое лежитъ въ вопросѣ о болѣе раннемъ происхожденіи курицы или яйца. Нельзя надѣяться на улучшеніе условій безъ соотвѣтственнаго измѣненія человѣка, нельзя думать о возможности улучшить человѣка безъ соотвѣтственнаго измѣненія условій его жизни. Но теорія — одно, а практика — другое; несмотря на затруднительность вопроса о курицѣ и яйцахъ, и то и другое существуетъ,—и курица преблагополучно несетъ яйца, и изъ яицъ безъ большихъ усилій выходятъ цыплята. Какъ же практически разрѣшаютъ вопросъ объ улучшеніи общественныхъ условій авторы „Вѣхъ“? Вотъ вамъ конецъ статьи г. Бердяева: „Это давно желанное и радостное возрожденіе, пробужденіе дремлющихъ духовъ требуетъ не только политическаго освобожденія, но и освобожденія отъ гнетущей власти политики, той эмансипаціи мысли, которую до сихъ поръ трудно было встрѣтить у нашихъ политическихъ освободителей. Русская интеллигенція была такой, какой ее создала русская исторія, въ ея психическомъ укладѣ отразились грѣхи нашей болѣзненной исторіи, нашей исторической власти и вѣчной нашей реакціи. Застарѣвшее самовластіе исказило душу интеллигенціи, поработило ее не только внѣшне, но и внутренно... Но недостойно свободныхъ существъ во всемъ всегда винить внѣшнія силы и ихъ виной себя оправдывать .. Мы освободимся отъ внѣшняго гнета лишь тогда, когда освободимся отъ внутренняго рабства“... и т. д.

Вотъ и опредѣлите изъ этой выдержки, что прежде должно быть: курица или яйцо, успокоеніе или реформы. Вся статья говорила ясно и убѣжденно, если не убѣдительно: сперва успокоеніе, главнымъ образомъ успокоеніе, прежде всего успокоеніе. И вдругъ:

это „возрожденіе“, „пробужденіе“ требуетъ „политическаго освобожденія“, а до сихъ поръ возрожденія и пробужденія не было, потому что исторія вліяла въ удручающемъ смыслѣ, т. е. внѣшнія условія опредѣляютъ внутренній строй души, — другими словами, главная основа интеллигентскаго міросозерцанія справедлива. Хотя, конечно, „мы освободимся отъ внѣшняго гнета лишь тогда, когда освободимся отъ внутренняго рабства“... Можете ли вы назвать ясными эти требованія? Можете ли вы сказать, что здѣсь не сдѣлана существенная уступка въ пользу „примата общественныхъ формъ“, сейчасъ же взятая обратно?

Въ предисловіи къ сборнику г. Гершензонъ говоритъ между прочимъ: „Мы не судимъ прошлаго, потому что намъ ясна его историческая неизбѣжность“... Не стану доказывать, что большая часть книги является не только судомъ, но и осужденіемъ прошлаго. Меня сейчасъ интересуетъ другое: если примать общественныхъ формъ признается для прошлаго, почему онъ отрицается для будущаго? Если душа интеллигента и его міровоззрѣніе складывались вслѣдствіе неизбѣжнаго вліянія историческихъ условій, то какъ предохранить душу и міровоззрѣніе отъ такого же вліянія въ будущемъ? Нѣтъ ли и въ этихъ словахъ г. Гершензона косвеннаго признанія принципа: сперва реформы, потомъ успокоеніе?

А если такъ, то во что же превращается основной упрекъ, обращенный къ интеллигенціи, въ преслѣдованіи утилитарныхъ цѣлей и въ признаніи первенства общественныхъ формъ? Онъ разбитъ самими авторами обвинительнаго акта противъ интеллигенціи (несмотря на упреки г. Франка, я не могу не видѣть въ книгѣ „обвинительнаго акта“). И потому, соглашаясь со многими деталями этого акта, признавая „совершенную справедливость“ нѣкоторыхъ обвиненій, ко всему акту, повторяю, я не могу относиться иначе, какъ отрицательно.

Но далеко и не со всѣми деталями можно согласиться. Такъ, напримѣръ, не могу я согласиться съ выводами г. Франка, связывающаго непризнаніе интеллигенціей объективныхъ цѣнностеи съ хулиганствомъ и эксцессами во время революціи. „Самое ужасное въ этомъ фактѣ,—говоритъ онъ,—именно въ томъ и состоитъ, что нигилизмъ интеллигентской вѣры какъ бы самъ невольно санкціонируетъ преступность и хулиганство и даетъ имъ возможность рядиться въ мантію идейности и прогрессивности". Я очень хорошо вижу, что своимъ „какъ бы" авторъ желаетъ смягчит рѣзкость вывода, но отъ этого послѣдній не становится менѣе несправедливымъ. Оглянитесь на исторію міровоззрѣній, признававшихъ объективныя или абсолютныя цѣнности,—какую массу преступленій и дѣйствительнаго отвратительнѣйшаго „хулиганства" находите вы въ ней,—преступленій, прилѣпленныхъ къ великой идеѣ „рядившихся въ мантію идейности", если не „прогрессивности". Что же, и эти преступленія вы свяжете съ основной идеей, изъ которой вытекаетъ все міровоззрѣніе, и только для смягченія прибавите „какъ бы"? Сдѣлаете ли вы Христа и заповѣдь „люби ближняго, какъ самого себя" отвѣтственными за инквизицію, за ауто-да-фе, за современные погромы? Свяжете ли вы національную идею (національное достоинство, по утвержденію г. Франка, есть объективная цѣнность, каковою онъ не признаетъ благо народа),—свяжете ли вы національную идею съ тѣми хулиганствами, которыя производятся „націоналистами" въ нѣкоторыхъ странахъ? Вѣдь эта идея „какъ бы сама невольно санкціонируетъ" отрицательное отношеніе къ другимъ національностямъ, а ужь отсюда недалеко и до „преступности и хулиганства"...

И. Игнатовъ.

Наши клирики.

Сенсацію произвелъ сборникъ „Вѣхи".

Октябристскій „Голосъ Москвы" съ наслажденіемъ отмѣчаетъ: „Сборникъ попалъ въ цѣль"... „Сборникъ произвелъ огромное впечатлѣніе, его читаютъ, комментируютъ"...

За что хвалятъ октябристы авторовъ «Вѣхъ» и кто такіе ихъ авторы?

Два прелиминарныхъ слова.

Помнитъ ли читатель, какъ съ благословенія абсолюта, подъ барабанный бой, съ криками: мы идемъ, мы, творящіе и открывающіе истину, добро и красоту,— въ 1902 г. двинулась рать идеалистовъ?

Помнитъ ли читатель сборникъ „Проблемы идеализма", гдѣ преподаны „были новыя истины о томъ, что вся исторія отнынѣ есть „риза" абсолюта, и что быть эгоистомъ и значитъ быть нравственнымъ человѣкомъ (ст. Бердяева)? Читатель, быть можетъ, не забылъ, что тогда елейные акаѳисты и непорочно дѣвическія, но фамильярныя заигрыванія идеалистической братіи съ господиномъ философскимъ абсолютомъ— были встрѣчены ироническимъ смѣхомъ. Г. Изгоевъ въ журналѣ „Образованіе" прямо отрапортовалъ публикѣ, что у неземного идеализма весьма земные корни. Другіе были болѣе рѣзки. Помнится мнѣ, какъ въ 1902 г. здѣсь, въ Кіевѣ, В. В. Водовозовъ на диспутѣ съ С. Н. Булгаковымъ рѣшительно заявилъ:

«Булгаковъ опускается въ тину самой доподлинной реакціонной клерикальной гущи. Это звучало рѣзко. Многіе изъ слушателей приняли это какъ полемическую фразу. Они не могли представить себѣ, чтобы обманъ свилъ гнѣздо въ священной рощѣ россійскихъ Дельфъ, россійскаго идеализма. О какомъ «классовомъ нутрѣ» говорите вы?—возмущались иные идеалистическіе юноши. У идеалистовъ не можетъ быть классоваго нутра. Они—выразители сверхклассовой идеологіи. Стыдно говорить, что отъ идеалистовъ пахнетъ буржуазіей. Небомъ пахнетъ отъ нихъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и жизнь указала, гдѣ находится это небо...

Сборникъ «Вѣхи» явился плодомъ коллективной работы авторовъ «Проблемъ идеализма». Тѣ самые гг. Струве, Булгаковъ, Бердяевъ, Франкъ и т. д., что писали тотъ сборникъ, нынѣ артельнымъ способомъ, соединенными усиліями произвели на свѣтъ Божій и сборникъ «Вѣхи». А такъ какъ г. Изгоеву за это время, очевидно, надоѣло обпажать земные корни неземного идеализма, то въ идеалистической кооперації принялъ участіе и онъ. Вѣдь времена мѣняются, мѣняемся и мы сами!.. И славно поработала идеалистическая кооперація! «Вѣхи» по дорогѣ къ горнимъ вершинамъ, къ обители вѣчной истины, добра и красоты разставила такъ ловко, что «Голосъ Москвы» (№ 85) зычнымъ голосомъ одобрилъ: „Спасибо, братцы!“ Польза отъ этого будетъ несомнѣнная, особенно если авторы продолжатъ свое дѣло и будутъ смѣло и мужественно разрабатывать свои идеи».

О чемъ же пишутъ эти авторы? Твореніе свое посвящаютъ они интеллигенціи. «Вѣхи»—это «сборникъ статей о русской интеллигенціи». Но это неправильно. «Вѣхи»—сборъ обвиненій этой интеллигенціи. Если въ краткихъ чертахъ передать суть этихъ обвиненій, то окажется слѣдующее.

Россійская интеллигенція повинна въ нелюбви къ философской истинѣ. Она ощупала эту истину на оселкѣ народолюбства, пролетаріатолюбства. Почему это скверно и не скверно приспособленіе философіи къ интересамъ буржуазнаго строя, сборникъ не отвѣчаетъ. Но зато въ немъ увѣренно говорится, что интеллигенція готова принять на-вѣру любую философію, лишь бы она санкціонировала ея соціальные идеалы. Такъ пишетъ г. Бердяевъ, а г. Булгаковъ къ этому обвиненію прибавляетъ новое и грозно сѣчетъ интеллигенцію за ея безвѣріе. Со времени духовнаго отца русской интеллигенціи, Бѣлинскаго, у насъ развилась атеистическая скверна. Благодаря этому создалась оторванность отъ народа, міровоззрѣніе и укладъ котораго опредѣляются вѣрою. „Нужно „покаяться", т.-е пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь" (с. 58), ибо въ томъ фактѣ, что интеллигенція не вѣруетъ въ то, во что ей рекомендуетъ *вѣрить* (а не *знать*) г. Булгаковъ, заключается «дальнѣйшее ухудшеніе историческаго положенія». Такимъ образомъ, чтобы заставить интеллигенцію вѣрить г. Булгаковъ апеллируетъ къ ея народолюбію, которое передъ нимъ и за нимъ заплевываютъ его же коллеги по сборнику.—Повѣрь, голубушка!—убѣждаетъ г. Булгаковъ.—Россіи нужны новые дѣятели на всѣхъ поприщахъ жизни. Если ты повѣришь, то эти дѣятели найдутся и для реформъ, и «для поднятія силъ учащей церкви, ея клира и іерархіи».

Такъ пишетъ г. Булгаковъ, а за нимъ ужъ выступаетъ Гершензонъ и съ размаху бьетъ интеллигенцію „Общественность заполнила сознаніе". Это главное обвиненіе г. Гершензона. Никто не жилъ, а дѣлалъ общественное дѣло. Интеллигенты „не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно (sic!) ея утѣхами, но урывками хватали куски и глотали, почти не разжевывая, стыдясь и вмѣстѣ

вожделѣя, какъ проказливая собака“ (с. 80). Не жить эгоистически—великій грѣхъ по мнѣнію г. Гершензона, ибо, по его мнѣнію, эгоизмъ, самоутвержденіе—великая сила, которая „дѣлаетъ западную буржуазію могучимъ безсознательнымъ орудіемъ Божьяго дѣла на землѣ“ (с. 95). „Тираннія общественности“ искалѣчила нашу „проказливую собаку“. Проказливая собака, видѣте ли, заполнила свое сознаніе позитивизмомъ, забывъ, что сознаніе это «по необходимости мистично, т.-е. религіозно, и никакая ученость не убѣдитъ его въ противномъ“ (с. 82). Проказливая собака вслѣдствіе своего довѣрія (г. Гершензонъ также приказываетъ вѣрить) находится въ страшной розни съ народомъ. Онъ, этотъ народъ,—вѣщаетъ г. Гершензонъ,—„ненавидитъ насъ страстно, вѣроятно, съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ“. Тутъ г. Гершензонъ обмакиваетъ перо въ чернильницу, перелистываетъ нѣкія старыя газеты и пишетъ: мы должны благословлять власть, „которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“ (с. 88)...

Когда г. Гершензонъ писалъ это, передъ нимъ, очевидно, были старые №№ „Русскаго Знамени“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Тамъ въ свое время рисовалось: какъ раскачается народъ да какъ трахнетъ по интеллигентскимъ ребрамъ, — такъ только хрустъ одинъ и будетъ слышенъ. Придется,—издѣвались эти газеты,—нашей крамольной интеллигенціи просить помощи у того же правительства. Теперь философія мракобѣсовъ повторяется г. идеалистомъ.

Трогательный альянсъ. И когда г. Гершензонъ пишетъ, что «сознаніе можетъ уходить отъ личности вдаль, блуждать свободно по разнымъ путямъ», мы совершенно съ нимъ соглашаемся. Сознаніе г. Гершензона дѣйствительно блуждало по разнымъ путямъ до тѣхъ поръ, пока кое-что не позаимствовало

у газеты Страстного бульвара . Сознаніе, — продолжаетъ нашъ авторъ, — „тотъ органъ духа, который пріемлетъ въ себя истину".

Но,—прибавимъ мы,— это въ то же время и тотъ сосудъ, въ который (рѣчь идетъ о горшензоновскомъ сознаніи) одновременно сваливаются противорѣчія, пошлости, напыщенное кликушество и сидящее на кончикѣ языка народолюбіе и славянофильство. Г. Гершензонъ, напримѣръ, увѣренъ, что „будь въ Россіи хоть *горсть* цѣльныхъ людей съ развитымъ сознаніемъ, то-есть такихъ, въ которыхъ высокій строй мыслей органически претворенъ въ личность",—то, что мы видимъ, „было бы немыслимо". Это ультра-интеллигентская манера трактовать исторію и историческія положенія. Заготовя въ своемъ кабинетѣ мелкія шпильки для интеллигенціи, г. Гершензонъ позабылъ пообчиститься. Противорѣчивая душа хлюпкаго интеллигента выглядываетъ изъ каждой строки его писанія, и если это противно, то уже совсѣмъ невыносимо, когда г. Гершензонъ размазываетъ по своей физіономіи манную кашу подогрѣтаго маниловскимъ паѳосомъ народолюбства и съ надрывомъ въ голосѣ сообщаетъ о народѣ, который напрягаетъ свою душевную силу „въ упорной работѣ осмысленія этой самой тяжкой жизни нравственными идеями и вѣрою".

Въ духѣ, близкомъ къ г. Гершензону, трактуютъ и осматриваютъ русскую интеллигенцію и другіе участники сборника. Г. Струве, наприм., объявляя „проблему внѣшняго устроенія жизни" какъ „нѣчто второстепенное", центръ тяжести переноситъ на внутреннее воспитаніе, которое „совершается путемъ непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ". Такъ же, какъ и другіе авторы сборника, онъ распинаетъ интеллигенцію за ея безрелигіозность и отщепенство отъ государства. Г. Струве очень мало касается вопроса: сама ли интеллигенція, въ силу своей „злой

воли"; „отщепилась" отъ государства, или государство хорошими пинками „отщепило" отъ себя интеллигенцію? Такіе вопросы теперь не въ модѣ? Потому-то г. Струве и предпочитаетъ не доказывать, а просто декретировать, что „въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи—ключъ къ пониманію пережитой и переживаемой нами революціи" (с. 135). Въ своей статьѣ г. Струве расходится съ г. Булгаковымъ по вопросу о природѣ интеллигенціи. По Булгакову, несмотря на всѣ свои грѣхи и скверны, все-же «религіозна природа русской интеллигенціи» (с. 68). По Струве—это не болѣе, какъ „своего рода легенда". „Это въ сущности—примѣненіе къ русской интеллигенціи того же самаго воззрѣнія, на мой взглядъ поверхностнаго и не выдерживающаго критики, которое привело Соловьева къ его извѣстной реабилитаціи, съ точки зрѣнія христіанской и религіозной, противорелигіозныхъ мыслителей" (с. 132). Изрядное количество противорѣчій можно найти и въ другихъ статьяхъ. Но мы не будемъ ихъ вылавливать. Важнѣе общій вопросъ: въ концѣ-концовъ чего же хотятъ наши клирики?

Что у нихъ есть планъ спасенія родины и интеллигенціи—это несомнѣнно. Но планъ ихъ — планъ генерала Трошю. Тотъ Парижъ сдалъ пруссакамъ, а эти свои крѣпости—октябристамъ. По крайней мѣрѣ послѣ того, какъ авторы „Вѣхъ" обнаружили свою платформу, „Голосъ Москвы",—мы это уже видѣли,—сразу выдалъ имъ патентъ на усовершенствованіе Россіи. „Хотѣлось бы,—заявила газета,—чтобы „Вѣхи" обозначили ясно и опредѣленно тотъ путь, по которому такъ нужно идти нашему интеллигентному обществу". Какая честь!

Выше мы говорили, что „Вѣхи"—сборъ обвиненій русской интеллигенціи. Сборъ—потому, что рядомъ съ тѣмъ, что дѣйствительно заслуживаетъ критики, „Вѣхи"

вмѣщаютъ въ себя и то, чему было бы пристойнѣе качаться на страницахъ „Русскаго Знамени“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ съ одной стороны, „Новаго Времени“ — съ другой. Говоримъ это не потому, что чувствуемъ потребность стать на колѣни предъ интеллигенціей россійской и произнести льстивую рѣчь: ты безгрѣшна, твои стремленія къ высокимъ идеаламъ снимаютъ съ очереди вопросъ о твоихъ прегрѣшеніяхъ. Мы далеки отъ подобнаго идолопоклонства, но говоримъ: одно дѣло—критика интеллигенціи, другое дѣло — шинкованіе. Авторы „Вѣхъ“ надъ интеллигенціей произведятъ тѣ же манипуляціи, что осенью учиняются надъ капустой: они шинкуютъ ее. Съ высотъ обители господина философскаго Абсолюта стираются всякія представленія о заслугахъ интеллигенціи. Въ ихъ глазахъ она превращается, употребляя выраженіе г. Гершензона, только въ „проказливую собаку“, которую надлежитъ бить и еще разъ бить. Нельзя поэтому не согласиться съ резолюціей многолюднаго собранія въ учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ, которое рядомъ съ шаткостью и противорѣчивостью основныхъ точекъ зрѣнія авторовъ „Вѣхъ“ отмѣтило и ихъ „крайне несправедливое отношеніе къ прошлымъ и настоящимъ заслугамъ лучшихъ элементовъ русской общественности“.

Но мы пойдемъ даже далѣе. Пусть,—скажемъ мы,—интеллигенція заслуживаетъ не критики, а шинкованія въ идеалистической кадушкѣ. Во имя чего?—вотъ интереснѣйшій вопросъ. Если за этимъ мы обратимся къ нашимъ авторамъ, то получимъ слѣдующій отвѣтъ: интеллигенція заслуживаетъ всѣхъ мукъ идеалистическаго ущемленія прежде всего и главнѣе всего за ея иррелигіозность. Она должна покаяться и стать вѣрующей. Но это отнюдь не ясно и не ясно вотъ по какой причинѣ. Уже давно извѣстно, что гдѣ собра-

лись четыре идеалиста, тамъ невидимо витаютъ и четыре безплотныхъ метафизики. Съ каждой метафизикой связывается особая религія и особая вѣра. Въ какую же вѣру прикажутъ вѣрить интеллигенціи наши идеалисты, изъ которыхъ каждый готовъ спорить, имѣетъ свою философію, свою гносеологію, свою метафизику, свою религію и вѣру? Хорошо еще, если декретомъ будетъ объявлено, что религіей интеллигенціи должна быть вѣра кенигсбергскаго философа—старца Э. Канта, который, постулируя міръ ноуменовъ, міръ вещей въ себѣ, помѣщалъ въ ихъ утробу нематеріальную сущность, абсолютный долгъ, безсмертіе души, свободу и „высочайшее изъ всѣхъ существъ“. А что будетъ, если на каѳедру встанетъ г. Гершензонъ и заявитъ, что національной религіей русской интеллигенціи должна быть его религія? Вѣдь вѣра, по прекрасному выраженію апостола Павла, есть „способъ знанія безъ доказательствъ“. Попробуйте потребовать у г. Гершензона доказательства з явленія, что нужно вѣрить въ метафизику г. Гершензона, и онъ вамъ отвѣтитъ: О, проказливая собака! Ты отдала твое мистическое сознаніе на съѣденіе позитивизма. Твое невѣжество безгранично, ты забыла, что въ „нормальной жизни духа позитивизмъ, какъ міровоззрѣніе, невозможенъ“ (с. 82). Ты, проказливая собака, спасешься только тогда, когда увѣруешь въ ту высшую, метафизическую вѣру, что одна уясняетъ смыслъ жизни и даетъ силу жить. Но что это за „та высшая вѣра“, объ этомъ г. Гершензонъ ничего не говоритъ. Еще меньше можетъ прибѣгнуть онъ и къ методу доказательствъ, ибо... ибо навсегда останется правымъ апостолъ Павелъ съ его опредѣленіемъ вѣры. Она не требуетъ доказательствъ.

Изъ авторовъ „Вѣхъ“ лишь одинъ г Булгаковъ ясно говоритъ, какую онъ имѣетъ въ виду вѣру. Онъ прямо говоритъ, что интеллигенція испортила себѣ желудокъ

многими пикантными кушаньями со стола западной цивилизаціи и что теперь пора „вспомнить о простой, грубой, но безусловно здоровой и питательной пищѣ, о старомъ Моисеевомъ десятословіи, чтобы потомъ дойти и до Новаго завѣта (с. 31). Мы горячо привѣтствуемъ прямоту и ясность г. Булгакова. Если говорить, такъ говорить до конца. Нельзя говорить и всуе поминать имя Божіе, не поясняя при этомъ, какого бога ты имѣешь въ виду: бога ли Канта, Гегеля, Фихте или Гершензона и Бердяева. Такъ же до конца нужно и вѣрить, ибо, по прекрасному выраженію Гюйо, вѣра безъ миѳовъ, безъ чудесъ, безъ обрядовъ это не вѣра, а нѣчто ублюдочное. Г. Булгаковъ въ этомъ отношеніи откровененъ, но ему не удается до конца быть безкорыстнымъ, и онъ, самъ того не вѣдая, въ бочку меда кладетъ изрядную ложку дегтя. Дегтя съ ихъ идеалистической точки зрѣнія самаго ужаснаго— дегтя утилитаризма. Въ самомъ дѣлѣ: если присмотрѣться къ тому, что пишетъ г. Булгаковъ и его соратники, то не трудно замѣтить, что вся ихъ апелляція къ вѣрѣ насквозь пропитана самыми утилитарными вожделѣніями. Правда, они не говорятъ какъ школьники въ церкви: пошли такъ, чтобы выдержать экзаменъ. Не уподобляются они и убійцамъ и ростовщикамъ, о которыхъ насмѣшливый Бодлэръ язвительно замѣтилъ: по всей вѣроятности, и они молятся: сдѣлай такъ, чтобы удалась моя операція. Господа идеалисты поступаютъ по-другому: закативъ глаза по направленію къ высшей метафизической инстанціи и молитвенно сложивъ руки на груди, они въ то же время безпрестанно и поистинѣ какъ блудливая, проказливая собака озираются назадъ: а что, молъ, выйдетъ изъ нашей вѣры и изъ нашихъ безкорыстныхъ идеалистическихъ пѣснопѣній и молитвъ? Развѣ это не грубѣйшій утилитаризмъ? Развѣ такимъ утилитаизмомъ не отдаетъ г. Булгаковъ, указывая, что въ

безвѣрьи интеллигенціи заключается фактъ „ухудшенія“ нашего историческаго положенія (с. 66)? И развѣ не демонстрируетъ свой умственный блудъ нашъ непроказливый г. Гершензонъ, когда приспособляетъ вѣру къ тому факту, что вѣритъ народъ.

Ультра-утилитаризмомъ и „тиранніей общественности“ такъ и несетъ отъ нашихъ идеалистовъ. Эту сторону нашихъ безгрѣшныхъ проповѣдниковъ подмѣтилъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и И. Н. Игнатовъ. Интеллигенція,—пишетъ онъ,—по мнѣнію прокуроровъ изъ „Вѣхъ“, грѣшна тѣмъ, что практическую пользу поставила выше всего. „Чѣмъ же, какъ не практической пользой, вызвана та проповѣдь, которая несется со страницъ сборника „Вѣхи“? Плохо устроилась наша интеллигенція съ „обновленіемъ Россіи“, пусть она позаимствуетъ у народа вѣру, и тогда справится легче“ (№ 85). Такое заключеніе, по мнѣнію г. Игнатова, выноситъ изъ многихъ статей сборника. И это дастъ ему право остроумно напомнить, какъ у Успенскаго одна госпожа писала родственнику: „Молись и проси у Бога прощенія, зная, что на желѣзныхъ дорогахъ всѣ мѣста заняты и нигдѣ тебѣ не дадутъ ничего“. Въ этомъ духѣ работаютъ и наши идеалисты. И вотъ, что удивительно: въ сборникѣ первой идетъ статья г. Бердяева. Та самая статья, въ которой интеллигенціи достается за то, что при выборѣ философіи она осмѣливалась считаться съ отношеніемъ этой философіи къ „народному благу“. Г. Бердяевъ анаѳемъ предалъ проказливую собаку за ея ощупываніе философій на оселкѣ народолюбства и въ частности рабочелюбства. Это „недостойное поглядываніе по сторонамъ“. Прекрасно, но когда его коллеги по сборнику, выдвигая вѣру и метафизику, ежеминутно поглядываютъ по сторонамъ съ цѣлью узнать, какъ отразится это въ области клира и пр., почему г. Бердяевъ кладетъ повязку на свой ротъ, давая обѣтъ молчанія?

Вспоминая октябристскіе восторги по адресу „Вѣхъ“, мы начинаемъ понимать причину. Философію нельзя ощупывать на оселкѣ только рабочелюбства. На всякіе иные — сколько угодно. Даже болѣе того; чѣмъ лучше будетъ подходить философія подъ оселки и вкусы „Голоса Москвы“,—тѣмъ „независимѣе“, достойнѣе“ будетъ такая философія и тѣмъ больше у гг. Бердяевыхъ будетъ данныхъ громко называть ее „національной“. Да, мы согласны: это національная философія нашей національной буржуазіи. И даже не національной, а интернаціональной, такъ какъ до сихъ поръ идеалистическая метафизика всегда служила прекрасной покрышкой всѣхъ вообще буржуазныхъ учрежденій и институтовъ, объявляя (вспомните г. Гершензона) буржуазію „орудіемъ Божьяго дѣла на землѣ“ (стр. 95).

Въ концѣ-концовъ вотъ какова дорога, указываемая „Вѣхами“. Идти отъ марксизма, провозгласить истины идеализма и дойти до октябризма. Начать за здравіе, а кончить за упокой. Начать съ высокихъ истинъ самой высокой пробы, а кончить „асемитизмомъ“. И знаете, что самое главное въ этомъ правдоискательствѣ, въ этомъ постоянномъ ежегодномъ и ежедневномъ линяніи? Самое главное—это никогда не думать, даже не задаваться мыслью, что это не правдоискательство, а нѣчто совсѣмъ другое....

Г. Струве находитъ, что въ „оцѣнкѣ „Вѣхъ“ наступаетъ въ нашей прогрессивной печати поворотъ, который нельзя не признать большимъ шагомъ впередъ“. Г. Струве въ своихъ „Размышленіяхъ“ („Слово“) подводитъ нѣкоторые итоги отношенія къ этимъ пресловутымъ „Вѣхамъ“... Что же, — итоги, такъ итоги, будемъ подводить и мы.

Прежде о „смѣлой и дерзающей мысли“.

Онъ, г. Струве, никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что „Вѣхи“ не мужественная книга. Но то

обстоятельство, что г. Струве никакъ не можетъ съ этимъ согласиться, врядъ ли кого убѣждаетъ, хотя бы при этомъ на его сторонѣ былъ даже самъ А. Столыпинъ изъ „Новаго Времени“, полагающій, что въ „Вѣхахъ“ зеркало интеллигентской сущности отшлифовано „терпѣливыми и мастерскими руками людей правдивыхъ и безстрашныхъ“ (№ 11893). А не мужественны и не безстрашны авторы „Вѣхъ“ вотъ почему. Если россійская интеллигенція именно такова, какой ее изображаютъ „вѣховцы“; если это сонмище изъ „проказливыхъ собакъ, больныхъ людей, отщепенцевъ, невѣждъ, блудодѣевъ въ философіи и иныхъ областяхъ: если половая неряшливость, душевная грязь, хамство, высокомѣріе и нелюбовь къ истинѣ — доподлинныя черты интеллигентскаго нутра, то тогда трижды правъ г. Гершензонъ. Тогда, дѣйствительно, интеллигенціи нужно бояться народа, который можетъ надъ этимъ сонмищемъ преступниковъ учинить жестокую расправу, подобную той, что учиняется надъ конокрадами. Тогда правъ г. Гершензонъ, что „мы“ должны „благословлять власть“, которая „одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“. И, однако, когда прогрессивная печать открыла усиленный огонь по этому логическому выводу изъ всѣхъ вѣховскихъ обличеній, что сказали наши мужественные и безстрашные, правду имѣющіе и правдоискательствующіе авторы „Вѣхъ“? Г. Изгоевъ написалъ, что онъ-де въ своей статьѣ сдѣлалъ какую-то оговорку, а г. Струве поспѣшилъ оградить себя отъ „фразы М. О. Гершензона“. Осмысливая ее, онъ, видите ли, пришелъ къ убѣжденію, что „она морально и политически невѣрна и исторически несообразна“. Еще меньшую мужественность являютъ гг. вѣховцы при опредѣленіи весьма интереснаго вопроса: кто съ ними и кто противъ нихъ?

Кто же оказывается противъ нихъ?

Г. Игнатовъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Русскія Вѣдомости“.

„Всегда уравновѣшенный, всегда соблюдающій мѣру К. К. Арсеньевъ“.

Противъ „Вѣхъ“ выступаютъ, по заявленію г. Струве, „такіе люди, какъ кн Д И. Шаховской“ („Ярославскій Голосъ“) и другіе изъ кадетскихъ круговъ, которые высылаютъ „противъ насъ, между прочимъ, Д. С. Мережковскаго“. Однимъ словомъ, замѣчается интересная картина. все болѣе или менѣе проникнутое духомъ прогресса въ идейномъ и политическомъ отношеніи бѣжитъ отъ „Вѣхъ“ и открещивается отъ нихъ. Около „Вѣхъ“ образуется пустота, и туда поспѣшно устремляются новые союзники.

Кто же оказывается солидарнымъ съ „Вѣхами“?

„Голосъ Москвы“, выдавшій вѣховцамъ патентъ на опредѣленіе пути, которымъ „нужно идти нашему интеллигентному обществу“...

„Новое Время“, выпустившее г-на А. Столыпина защищать вѣховцевъ отъ „суда партійной нетерпимости“... Если бы авторы „Вѣхъ“ были въ самомъ дѣлѣ мужественными и безстрашными, имъ прежде всего слѣдовало бы не боясь, не страшась прямо въ лицо посмотрѣть этому краснорѣчивому и многоговорящему факту. Въ самомъ дѣлѣ: дѣло вѣдь не въ критикѣ россійской интеллигенціи и не въ lèse-majesté, въ оскорбленіи этой интеллигенціи. Интеллигенція нуждается и въ критикѣ, и въ самокритикѣ. И въ судѣ, и въ самосудѣ. Въ безпощадномъ выявленіи ея недостатковъ, ошибокъ, заблужденій. Но дѣло тутъ — въ точкѣ зрѣнія, въ подходѣ къ этой критикѣ, въ характерѣ ея посылокъ. А въ этомъ отношеніи „Вѣхи“ именно таковы, что могутъ прельщать на свою сторону только гг. изъ „Голоса Москвы“, „Новаго Времени“ и вообще изъ реакціоннаго лагеря. Эти обвиненія въ реакціонности г. Струве считаетъ нелѣпыми

и увѣковѣчивающими, какъ онъ говоритъ въ „Словѣ“, „поверхностную, да позволено будетъ сказать, чисто полицейскую точку зрѣнія на идеи“. Мы согласились бы съ г. Струве, если бы по отношенію къ антивѣховской критикѣ можно было сказать, что она ограничивается только налѣпливаніемъ на „Вѣхи“ обвиненія въ реакціонности. Но вѣдь это неправда. Критика такое обвиненіе вынесла въ результатѣ анализа основныхъ положеній авторовъ „Вѣхъ“, шаткости этихъ положеній и, самое главное, изъ анализа того специфическаго *духа*, которымъ отдаютъ страницы этого сборника. А этотъ „духъ“ именно и нравится тѣмъ, кого до сихъ поръ называли реакціонерами. Впрочемъ, у г. Струве нашелся доводъ и противъ такого сближенія. Суть дѣла,—пишетъ онъ,—не въ оцѣнкѣ людей, а въ оцѣнкѣ идей, міровоззрѣній и дѣйствій,—„независимо отъ того, кому они могутъ и должны быть приписаны или вмѣнены“. Великолѣпная и чрезвычайно характерная для господъ идеалистовъ точка зрѣнія. И характерна она вотъ чѣмъ. Эти господа составили опредѣленную систему идей, тѣсно связанную съ опредѣленной системой дѣйствій. Какъ только противники ихъ попробовали расшифровать эту систему и, приведя въ связь съ жизнью, показать „что къ чему“, что изъ этого получается, кому больше всего это нравится и подходятъ ихъ идеи, гг. изъ „Вѣхъ“ устами г. Струве немедленно заявили, что суть дѣла не въ оцѣнкѣ людей и не въ людяхъ и не въ томъ, кому вмѣнять эти идеи. Выходитъ, однимъ словомъ, что намъ нужно имѣть дѣло не съ живыми людьми, не съ реальными общественными группами и классами, а съ кѣмъ-то и съ чѣмъ-то независимо отъ всего этого. Но вѣдь это какой-то мистическій міръ „тихихъ мальчиковъ“ г. Сологуба, надземная сфера безплотныхъ существованій, гдѣ нѣтъ ни добра, ни зла, ни разума, ни справедливости. Это міръ внѣ людей и

жизни, и стоитъ только проникнуть въ эту надземную обитель, какъ уничтожится возможность какихъ-либо оцѣнокъ, ибо съ высотъ этой обители погашаются всѣ человѣческія цѣнности, положительныя и отрицательныя, все становится безразличнымъ, безликимъ...

Какъ же совмѣстить эту внѣ человѣка стоящую точку зрѣнія и жизнь съ ея живыми людьми, на предметъ вразумленія которыхъ и постарались авторы „Вѣхъ“? У г Струве на это нѣтъ отвѣта, но причины его желанія—уйти отъ точки зрѣнія „вмѣненія“ идей и оцѣнки людей—вполнѣ понятны

Вотъ почему, не оглядываясь на свое прошлое, онъ и приглашаетъ къ анализу идей безъ всякихъ „личностей“ и намековъ на личности.

Н. Валентиновъ.

P. S. Статья была написана до опубликованія (въ „Словѣ“) архіепископомъ Антоніемъ открытаго письма къ авторамъ „Вѣхъ“. Je ne propose rien, j'expose и... очень прошу читателя обратить вниманіе на тѣ комплименты, что получаютъ „вѣховцы“ въ этомъ письмѣ. Теперь должно быть ясно, въ какихъ кругахъ наступаетъ „поворотъ“ и какимъ кругамъ особенно по вкусу философія „Вѣхъ“.

Н. В.

Обвиненные судьи.

I.

Бей, но выслушай.

Во время спора о планѣ сраженія предъ саламинскимъ боемъ вождь спартанцевъ Эврибіадъ, раздраженный критикой и упорствомъ Ѳемистокла, замахнулся на послѣдняго палкой. Ѳемистоклъ, увѣренный въ правотѣ своихъ сужденій, на угрозы палкою спокойно отвѣтилъ:

— Бей, но выслушай.

Можно увѣренно сказать и объ авторахъ сборника „Вѣхи“, что они не менѣе Ѳемистокла увѣрены въ правотѣ своихъ сужденій и что, какъ и Ѳемистоклъ, не боятся „палокъ“, лишь бы ихъ выслушали.

Авторы сборника о русской интеллигенціи предвидѣли, что ихъ встрѣтятъ не розами, но, какъ они не разъ оговариваются, они считали „долгомъ убѣжденія и патріотизма“ „громко и открыто“ подвергнуть всесторонней критикѣ „освободительное движеніе“ и „руководящаго духовнаго двигателя ея — нашу интеллигенцію“.

„Пусть меня упрекаютъ, пусть меня бранятъ, пусть „бьютъ“,—говоритъ одинъ изъ участниковъ сборника, С. Булаковъ, — но, независимо отъ того, сколь бы низко ни думалъ я о себѣ самомъ, я чувствую обязанность (хотя бы въ качествѣ общественнаго „послу-

шанія“) сказать все, что лежитъ у меня на сердцѣ, какъ итогъ пережитаго перечувствованнаго, передуманнаго относительно интеллигенціи. Это мнѣ повелѣваютъ чувство отвѣтственности и мучительная тревога и за интеллигенцію, и за Россію“.

При такомъ отношеніи авторовъ сборника къ своей задачѣ, какъ бы мы съ ними рѣзко ни расходились, какія бы грубыя ошибки мы въ ихъ сужденіяхъ ни находили, полагаю, мы должны если не къ самому выполненію, то хотя бы къ ихъ замыслу отнестись съ уваженіемъ и выслушать авторовъ „Вѣхъ“ внимательно.

Если „Вѣхи“ того заслуживаютъ, будемъ авторовъ ихъ „бить“, но будемъ ихъ „бить“, выслушавъ, разобравъ, отдѣливъ заслуженные интеллигенціей упреки отъ незаслуженныхъ, критикуя не только авторовъ сборника, но попутно и себя, и всю русскую интеллигенцію. А то получается роковое недоразумѣніе или безсознательное лукавство. О „Вѣхахъ“ пишутъ много, авторовъ ихъ „палками бьютъ“ со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ силъ, а о призывѣ ими русской интеллигенціи къ самокритикѣ, къ сосредоточенному раздумью, къ самопровѣркѣ забываютъ. За неудачнымъ выполненіемъ „Вѣхами“ своей задачи не хотятъ видѣть, несомнѣнно, цѣнный замыселъ. Заслуженно разносятъ указываемое „Вѣхами“ направоеніе, не обращаютъ вниманія, что если не эти, то другія вѣхи все-таки необходимы, и что обще-интеллигентскія вѣхи, по которымъ русская интеллигенція доселѣ довѣрчиво шла, во всякомъ случаѣ, должны быть провѣрены. Тупикъ, въ которомъ мы очутились, очевиденъ. И попали мы въ него, идучи по старымъ вѣхамъ. Какъ же быть дальше? Провѣрка нужна, самокритика неизбѣжна. А къ этому прежде всего и послѣ всего авторы „Вѣхъ“ русскую интеллигенцію и призываютъ. Въ этомъ ихъ главная задача, — въ постановкѣ вопроса о самокритикѣ.

И въ этомъ ихъ великая заслуга.

А какъ авторы „Вѣхъ“ поставленную ими задачу рѣшаютъ, это—вопросъ иной,—вопросъ, подлежащій серьезному обсужденію, и, можетъ-быть, даже рѣзкому осужденію.

II.

Судъ надъ интеллигенціей.

„Освободительное движеніе“ не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ отъ него ожидали,—устанавливаютъ авторы „Вѣхъ“ общепризнанный печальный фактъ и сейчасъ же ставятъ вопросъ:

— Кто въ этомъ повиненъ и чѣмъ?

— Повинна интеллигенція,—отвѣчаютъ они.—„Все ваше освободительное движеніе было интеллигентскимъ, а наша интеллигенція оказалась не на высотѣ своей задачи, сама страдала слабостью отъ внутреннихъ противорѣчій“.

С. Булаковъ выражаетъ общую мысль „Вѣхъ“, когда говоритъ:

„Многіе въ Россіи послѣ революціи и въ результатѣ ея опыта испытали острое разочарованіе въ интеллигенціи и ея исторической годности. Въ неудачахъ интеллигенціи увидали вмѣстѣ съ тѣмъ и несостоятельность ея. Поэтому,—говоритъ авторъ „Вѣхъ“,—русскую интеллигенцію въ данный часъ исторіи нужно призывать къ самокритикѣ, къ покаянію, къ обличенію ея духовныхъ болѣзней“.

И сами составители сборника въ цѣломъ рядѣ статей говорятъ о внутренней несостоятельности русской интеллигенціи.

Н. Бердяевъ винитъ русскую интеллигенцію въ слабой культурности, въ неуваженіи къ духовнымъ цѣнностямъ, въ неумѣніи и въ нежеланіи схватить философскую истину во всей ея полнотѣ и глубинѣ.

„Интеллигентская русская правда узкая, односторонняя, неплодотворная,—ставитъ Н. Бердяевъ интеллигенціи въ упрекъ.—Русская интеллигенція и на науку, и на философію, и на искусство, на всѣ духовныя цѣнности смотритъ только съ партійной, политической и соціальной точки зрѣнія.

Чистая наука, чистая философія, высшее идейное *творчество* не привлекаютъ русскую интеллигенцію. Русская интеллигенція заботится не столько объ уясненіи новыхъ высшихъ истинъ, о творчествѣ въ наукѣ и философіи, сколько о распредѣленіи уже добытыхъ истинъ и правъ въ народѣ, въ массахъ. Наша интеллигенція, такимъ образомъ, служитъ не высшей истинѣ, не высшей святости, а народу, его политическимъ и соціальнымъ правамъ и свободѣ. И, служа такъ, беретъ не всю истину, не всю святость, а только то, что пригодно для борьбы за права народа. Политика въ русской интеллигенціи подчинила себѣ и философію, и науку, сузила пониманіе правды и святости жизни, сдѣлала русскаго интеллигента чуждымъ „настоящей любви къ всеобъемлющей, надпартійной истинѣ“.

С. Булгаковъ въ статьѣ „Героизмъ и подвижничество“ дополняетъ мысль Н. Бердяева. С. Булгаковъ говоритъ, что узость, бѣдность и безсиліе интеллигентскихъ идеаловъ объясняются безрелигіозностью русской интеллигенціи. Русская интеллигенція *свое* собственное „я“, *свое* пониманіе жизни, *свое* дѣло, *свою* борьбу ставитъ *своимъ* высшимъ идеаломъ, *своею* религіей, *своимъ* божествомъ. Отсюда—самомнѣніе, самоувѣренность, гордость при внутренней несостоятельности, пренебреженіе къ личному смиренію и къ личному самоусовершенствованію.

„Интеллигенціи надо обновиться, призываетъ С. Булгаковъ.—Рѣчь идетъ не о перемѣнѣ политическихъ или иныхъ программъ, но о самой человѣческой личности, не о дѣятельности, а о дѣятелѣ“.

Г. Кистяковскій винитъ интеллигенцію, что у нея нѣтъ правосознанія, что она чужда чувства законности, Г. Струве винитъ интеллигенцію, что она какая-то бродячая, „воровская вольница", не проникнутая сознаніемъ мистической важности государства.

Г. Изгоевъ громитъ интеллигенцію за отсутствіе прочныхъ семеиныхъ устоевъ, за нравственную испорченность и неумѣнье воспитать молодежь.

Г. Гершензонъ какъ бы подводитъ всему итогъ и говоритъ, что наша интеллигенція— „кучка искалѣченныхъ душъ", „сонмище больныхъ, изолированное въ родной странѣ", „человѣкоподобныя чудища, люди безъ Бога", „безличная масса со всѣми свойствами стада, тупою косностью своего радикализма и фанатическою нетерпимостью".

Словомъ, идейно учиненъ полный разгромъ нашей интеллигенціи. Интеллигенція вся посажена на скамью подсудимыхъ, ей предъявленъ рядъ тяжкихъ обвиненій, и по всѣмъ имъ вынесенъ интеллигенціи суровый приговоръ. Указано одно смягчающее обстоятельство, да и то, если хотите, ни мало не ослабляетъ вину интеллигенціи. Н. Бердяевъ признаетъ, что въ „психическомъ укладѣ русской интеллигенціи отразились грѣхи нашей болѣзненной исторіи, нашей историческои власти и вѣчной нашей реакціи".

„Но,—добавляетъ онъ,—недостойно свободныхъ существъ во всемъ винить внѣшнія силы и ихъ виной оправдывать себя".

„Виновата и сама интеллигенція".

III.

Неряшливая книга.

„Вѣхи" *внѣшне* достигли своей цѣли. Ихъ замѣтили. Въ короткое время о „Вѣхахъ" написано столько, какъ рѣдко о какой другой книгѣ. Но *внутренно* успѣхъ

сборника до крайней степени плачевенъ. „Вѣхи“ возбудили противъ себя раздраженіе, возмущеніе, самую острую вражду. Надъ сборникомъ смѣются. Авторовъ ея клеймятъ позорными именами: и реакціонерами, и клеветниками, и оборотнями-предателями. Въ глазахъ читающей массы „Вѣхи“ оказываются зачумленными, и очень возможно, что массовый интеллигентный читатель, повторяя съ чужихъ словъ обвинительный приговоръ судьямъ интеллигенціи, самъ не возьметъ и въ руки сборника. Будетъ очень жаль. Сборникъ „Вѣхи“ можно бранить и слѣдуетъ бранить, но все-же необходимо прочесть.

— Бей, но выслушай.

— Возмущайтесь тѣмъ, что въ сборникѣ заслуживаетъ возмущенія, но прочтите „Вѣхи“.

Въ сборникѣ много нужной горькой правды, много умныхъ и цѣнныхъ мыслей, сказанныхъ и во-время, и съ благороднымъ мужествомъ. Но много и вздорнаго, ошибочнаго. Еще болѣе досаднаго и раздражающаго Раздражающаго,—я сказалъ бы,—своею неряшливостью.

Поскольку разнообразны обвиненія, выставленныя авторами „Вѣхъ“ противъ интеллигенціи, постольку разнообразна ихъ собственная неряшливость. Многогранная неряшливость „Вѣхъ‘ -- ихъ отличительная особенность, и она-то и есть корень всѣхъ недоразумѣній со сборникомъ, причина основныхъ нападокъ на него.

„Вѣхи“ неряшливы по языку. Неряшливы по тону. Неряшливы по мысли.

Неряшливость языка, выраженій въ „Вѣхахъ“ начинается съ первыхъ строкъ сборника. Авторъ предисловія начинаетъ:

„...Не съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ прошлому русской интеллигенціи писаны статьи сборника“...

Прочитавъ такое вступленіе, невольно останавливаешься и съ раздраженіемъ говоришь про-себя:

-- Еще бы! Не хватало, чтобы вы начали съ *высокомѣрнаго презрѣнія*!..

Дальше авторъ продолжаетъ предисловіе:

„Но *съ болью* за это прошлое".

И опять раздраженное недоумѣніе читателя:

— Какъ? Неужели о *прошломъ* русской интеллигенціи, *всей* русской интеллигенціи, можно думать и писать только *съ болью*? *Съ болью* и ни съ чѣмъ другимъ?

Очевидная неряшливость выраженій. На второй страницѣ предисловія та же неряшливость языка при опредѣленіи основной мысли всѣхъ участниковъ сборника Авторъ предисловія увѣряетъ, „что ихъ общей платформой является признаніе теоретическаго и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія, въ томъ смыслѣ, что внутренняя жизнь личности есть *единственная* (?) творческая сила человѣческаго бытія и что она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства".

Вотъ вамъ новый образецъ неряшливости. Во-первыхъ, что это за трехсаженная фраза! Во-вторыхъ, что это за птичій языкъ! Герценъ когда еще возмущался, что наши „молодые ученые усвоили особый условный языкъ". Напримѣръ, никого не удивляетъ такая фраза: „Конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, изъ которой онъ потенцируется изъ естественной имманнентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ".

Фраза автора предисловія недалеко ушла отъ приведеннаго Герценомъ образца. И тамъ, и здѣсь общая небрежность, неряшливость языка. Авторъ предисловія хочетъ сказать, что составители сборника, въ отличіе отъ обвиняемой ими интеллигенціи, основнои

задачей прогресса ставятъ не внѣшнее улучшеніе политическихъ формъ государства, а внутреннее совершенствованіе личности. Но смотрите, какъ неряшливо онъ это выражаетъ. Неряшлива даже мысль, не одинъ языкъ.

Авторъ о составителяхъ сборника говоритъ, что они „внутреннюю жизнь личности считаютъ *единственною* творческою силою человѣческаго бытія". Невѣрно это. Невѣрно вообще, невѣрно и въ примѣненіи ко всѣмъ авторамъ „Вѣхъ". Не могутъ они такъ считать. Человѣкъ не живетъ внѣ времени и пространства. Не есть нѣчто ото всего міра обособленное и безусловно независимое. Школьники, и тѣ знаютъ азбучную истину, что человѣкъ въ значительной степени есть продуктъ климата, почвы, семьи, среды, общества, народа, тѣхъ или иныхъ политическихъ условій

Да и не считаютъ авторы сборника внутреннюю жизнь личности *единственною* творческою силою человѣческаго бытія. Иначе зачѣмъ бы они принимали участіе въ борьбѣ за улучшеніе внѣшнихъ формъ политическаго и соціальнаго строя? П. Струве и С Булгаковъ были членами Думы. А Изгоевъ—сотрудникъ политической газеты.

Выходитъ, объединяющая всѣхъ авторовъ сборника мысль и та выражена неряшливо.

Неряшливо опредѣлено и что такое „интеллигенція", которую громятъ авторы „Вѣхъ". У однихъ интеллигенція, это—всѣ образованные, книжные люди. У другихъ интеллигенція выдѣляется изъ общей массы образованныхъ людей. Интеллигенція понимается въ смыслѣ кружковщины. Есть попытка свести интеллигенцію чуть ли не на одно подполье П. Струве говоритъ о „радикальной" интеллигенціи.

Дѣлятъ Новикова, Радищева и Чаадаева съ одной стороны и Бакунина, Бѣлинскаго—съ другой. Одни—

интеллигенты, другіе нѣтъ. Самая интеллигенція, по мнѣнію авторовъ сборника, то религіозна, то безбожна.

Согласитесь сами, развѣ это не неряшливость?

Неряшливъ,—и еще какъ,—самый тонъ „Вѣхъ“.

Можно соглашаться или спорить со статьей С. Булгакова, но нельзя не признать справедливыми и прекрасными заключительныя его слова о русской интеллигенціи, когда С. Булгаковъ говоритъ:

„На-ряду съ чертами отрицательными.. въ страдальческомъ обликѣ русской интеллигенціи просвѣчиваютъ черты духовной кросоты, которыя дѣлаютъ ее похожей на какой-то совсѣмъ особый, дорогой и нѣжный цвѣтокъ, взращенный нашей суровой исторіей, какъ-будто и сама она есть тотъ красный цвѣтокъ“, напитавшійся слезъ и крови, который видѣлся великому сердцемъ Гаршину“.

И рядомъ съ этими словами С. Булгакова объ интеллигенціи вдругъ выкрики М. Гершензона:

„Интеллигенція—кучка искалѣченныхъ душъ, интеллигенція—тупое стадо, интеллигенція — сонмище больныхъ, изолированное въ родной странѣ, а интеллигентскій бытъ въ цѣломъ ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія“.

Когда на десяткахъ страницъ у М. Гершензона читаешь эти отзывы о русской интеллигенціи, невольно хочешь крикнуть автору:

Позвольте, господинъ, остановитесь! Выпейте брому, примите валеріановыхъ капель, успокойтесь! Что за тонъ! Подумайте, о комъ вы говорите! Каковы бы ни были грѣхи и вины нашей интеллигенціи, нельзя къ ней относиться какъ къ пьяному буяну, связанному и заключенному въ холодную.

Не слѣдуетъ идеализировать и переоцѣнивать нашу ителлигенцію, но нельзя и топать на нее ногами, съ присвистомъ ухать. Все въ мѣру, все въ свою вели-

чину, а у авторовъ сборника какъ-разъ все или недолетъ, или перелетъ, или недооцѣнка, или переоцѣнка. Во всемъ какая-то недодуманная, неряшливая критика. Къ неряшливости языка и тона—неряшливость и мысли.

Что, въ частности, во всѣхъ статьяхъ сборника много дѣльныхъ и цѣнныхъ мыслей, я говорилъ уже, но какое тѣсное и ближайшее отношеніе къ судьбѣ русскаго освободительнаго движенія имѣетъ эта неряшливая оцѣнка русской интеллигенціи?

Пусть сказанное „Вѣхами“ даже все будетъ справедливо (допустимъ на-время). Развѣ одними указанными въ „Вѣхахъ“ „грѣхами“ интеллигенціи могутъ быть объяснены неудачи освободительнаго движенія?

Авторы сборника говорятъ, что русская интеллигенція варварски-враждебна къ высшимъ духовнымъ цѣнностямъ, что она безрелигіозна, что она чужда правосознанія, что она морально распущена и т. д. и что поэтому она была разбита наголову въ борьбѣ съ реакціонными силами. Не будемъ даже уменьшать ни одного изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій „Вѣхъ“ противъ нашей интеллигенціи. Спросимъ только одно:

— Ну, а тѣ мрачныя и злобныя силы произвола и насилія, съ которыми повела борьбу наша „многогрѣховная“ интеллигенція,—онѣ, значитъ, исполнены духовной цѣнности, религіозны и безупречно нравственны?

Столкнулись двѣ волны: одна—интеллигентская, прогрессивная, другая—реакціонная. И если первая отступила, оттиснутая, отхлынула назадъ по винѣ своей безрелигіозности, моральной испорченности, неправомѣрности, вообще по своей духовной бѣдности, то, значитъ, враждебная интеллигенціи сторона духовно богата? Тамъ, значитъ, и религіозность, и философское, и научное творчество, и правосознаніе, и твердые семейные устои, и чистая, здоровая молодежь?

Такъ, что ли? Но говорить что-либо подобное не значитъ ли говорить явный вздоръ?

Стало-быть, указанные авторами „Вѣхъ“ тяжкіе „грѣхи“ нашей интеллигенціи, за малымъ исключеніемъ, еще въ сильнѣйшей степени суть грѣхи нашихъ неинтеллигентовъ, грѣхи врага нашей интеллигенціи. Эти грѣхи если и русскіе, то не спеціальные интеллигентскіе, а общіе, общественные грѣхи. Дубровины, Гурки, Марковы, Шванебахи, Тимошкины, Тороповы, Рейнботы и прочіе „побѣдители“, право, не святѣе, не философичнѣе и не государственнѣе нашей интеллигенціи, однако, они пока побѣдители, а интеллигенція распластана. Не можетъ подлежать никакому спору, что если мало духовныхъ цѣнностей въ нашей интеллигенціи, то, очевидно, всякихъ,—и умственныхъ, и философскихъ, и религіозныхъ цѣнностей еще меньше въ средѣ нашихъ реакціонеровъ, въ средѣ душителей интеллигенціи и угнетателей народа.

Авторы „Вѣхъ“ эту сторону вопроса, очевидно, упустили изъ вида. Они взяли однихъ побѣжденныхъ и ихъ посадили на скамью подсудимыхъ, а побѣдителей оставили въ покоѣ. Критически оцѣниваютъ пораженіе интеллигенціи и въ томъ полагаютъ свое мужество. Было бы, несомнѣнно, мужественнѣе и необходимѣе, если бы авторы „Вѣхъ“ свою критическую оцѣнку начали съ оцѣнки торжества побѣдителей, съ разбора, чѣмъ сильнѣе побѣдитель и что дало имъ торжество. И тутъ у побѣдителей, конечно, ни о какихъ высшихъ духовныхъ цѣнностяхъ не могло бы быть и рѣчи. Выступили бы значеніе ихъ точной сплоченности, обусловленной общими шкурными интересами, сила полицейско-бюрократической организаціи, игра на темнотѣ массъ въ противовѣсъ интеллигентской обособленности отъ народныхъ массъ, интеллигентской раздробленности и узкой партійности, часто мелочной междоусобной грызнѣ.

По неряшливости мысли взявъ только одну сторону боровшихся, побѣжденныхъ, авторы „Вѣхъ“ при разборѣ причинъ пораженія вмѣсто относящихся сюда частныхъ грѣховъ интеллигенціи взяли общіе грѣхи ея и тѣмъ спутали весь вопросъ и вызвали по отношенію къ себѣ рядъ недоумѣній и даже раздраженій. Поэтому авторы „Вѣхъ“ не въ правѣ даже сказать о себѣ обычное:

— Мы сдѣлали, что могли. Могущіе сдѣлать лучше пусть дѣлаютъ.

Авторы сдѣлали не все, что могли сдѣлать, а что и сдѣлали, — сдѣлали не такъ, какъ должны были сдѣлать. Великое дѣло суда надъ великими ошибками великаго страдальца, русской интеллигенціи, они сдѣлали во всѣхъ отношеніяхъ неряшливо и потому сами изъ судей надъ интеллигенціей обратились въ обвиняемыхъ ею.

„Вѣхи“ получили такую встрѣчу, которую авторы сборника, навѣрное, долго не забудутъ, и что бы гг. Франки, Струве и Гершензоны ни говорили, суровая встрѣча ими вполнѣ заслужена. Но, съ другой стороны, что бы ни говорили самые суровые обвинители „Вѣхъ“, въ сборникѣ, несмотря на всю его многогранную неряшливость, есть доля горькой правды, о которой и за неряшливостью авторовъ сборника нельзя, преступно забывать и о которой слѣдуетъ говорить больше, чѣмъ доселѣ говорили.

Пусть призывъ „Вѣхъ“ къ самокритикѣ интеллигенціи авторами сборника сдѣланъ и неудачно, въ неряшливой и многимъ подозрительной формѣ, но необходимость серьезной самокритики для русской интеллигенціи оттого не устраняется. Н. Бердяевъ справедливо указываетъ, что „въ реакціонные восьмидесятые годы съ самовосхваленіемъ говорили о нашихъ консервативныхъ, истинно-русскихъ добродѣтеляхъ, и Вл. Соловьевъ совершилъ важное дѣло, обли-

чая эту часть общества, призывая къ самокритикѣ и покаянію, къ раскрытію нашихъ болѣзней. Теперь нужно призывать другую часть нашего общества къ самокритикѣ нашихъ радикальныхъ добродѣтелей и къ обличенію нашихъ радикальныхъ болѣзней".

И кто серьезно и добросовѣстно хочетъ приступить къ изслѣдованію нашихъ „радикальныхъ" болѣзней, тотъ, и при всѣхъ тѣневыхъ сторонахъ, при всѣхъ кривизнахъ „Вѣхъ", не можетъ не считаться съ „Вѣхами". Авторовъ „Вѣхъ" за ихъ всяческую неряшливость слѣдуетъ „бить", но ту долю правды, какая сказана на многихъ страницахъ тѣхъ же гг. и Бердяева, и Булгакова, и Струве, и Франка, и Гершензона, и Изгоева, слѣдуетъ выслушать.

Григорій Петровъ.

Подгнившія „вѣхи".

(Конспектъ публичной лекціи).

Милостивые государыни,
господа!

I.

Ко мнѣ обратились письмами нѣкоторые изъ московскихъ слушательницъ и слушателей съ однимъ главнымъ мотивомъ, который я формулирую такъ:

„Вы, П. Д., когда-то взяли темой публичной лекціи въ Историческомъ музеѣ „русскую интеллигенцію" и защищали ее отъ тогдашнихъ нападокъ. Къ тому же вы по праву можете считать себя какъ бы крестнымъ отцомъ самаго термина „интеллигенція". Вамъ *надо* непремѣнно высказаться по поводу той книжки, которая такъ всколыхнула нашу публику".

Исполняю это желаніе, послѣ того, какъ ознакомился съ самымъ *corpus delicti*, т.-е. съ книжкой, гдѣ собрано столько обличительныхъ доводовъ противъ того, что авторы разныхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, называютъ „интеллигенціей".

И тутъ я долженъ буду сейчасъ же оговориться.

Авторы „Вѣхъ" придаютъ этому термину (дѣйствительно, мною пущенному въ русскую журналистику въ 1866 году) совсѣмъ не то значеніе, какое я придавалъ ему, когда защищалъ „русскую интеллигенцію" отъ тогдашнихъ ея обличителей, — къ началу XX вѣка.

Для меня (да и для всѣхъ, кто смотритъ на дѣло трезво и объективно) подъ „интеллигенціей" надо раз-

умѣть *высшій образованный слой нашего общества*, какъ въ настоящую минуту, такъ и ранѣе, на всемъ протяженіи XIX и даже въ послѣдней трети XVIII вв.

А, по увѣренію нѣкоторыхъ авторовъ сборника, выходитъ, что къ „интеллигенціи“ нельзя причислять ни Тургенева, ни Достоевскаго, ни Толстого (когда онъ не былъ еще вѣроучителемъ), ни одного изъ русскихъ знаменитыхъ писателей!..

И мы находимъ у этихъ авторовъ новое слово—„*интеллигентщина*“, подъ которымъ они понимаютъ извѣстный только складъ идей и настроеній, связанныхъ съ извѣстнымъ соціальнымъ и политическимъ *credo*.

Но развѣ это не совершенно произвольно? Особенно если рядомъ съ такимъ пренебрежительнымъ словцомъ самый терминъ „интеллигенція“ распространяется у нихъ на всѣхъ тѣхъ, кто самозванно считаетъ себя „интеллигентами“.

Я въ своей лекціи и вездѣ, гдѣ только задѣвалъ эту тему, имѣлъ всегда въ виду то, что я называлъ „подлинной“ интеллигенціей, и считаю *только такое* толкованіе правильнымъ.

А рядомъ съ „интеллигентщиной“ (выраженіе, сочиненное кѣмъ-то въ самое послѣднее время) вижу я во всѣхъ статьяхъ сборника и прилагательное „интеллиг*ентскій*“,—мною не созданное, въ которомъ есть такой же оттѣнокъ пренебреженія, какъ и въ жаргонной кличкѣ „интеллиг*ентщина*“.

Остается только спросить: къ какому же сорту развитыхъ людей принадлежатъ и сами авторы: къ *подлинной* интеллигенціи или къ „интеллиг*ентщинѣ*“?

II.

Ясно одно,—что авторы сборника придали опредѣленному понятію „интеллигенція“ смыслъ ограниченный, или же слишкомъ растяжимый, и говорятъ въ

своихъ статьяхъ *совсѣмъ не объ одномъ и томъ же.* У нихъ интеллигенція—и „нигилисты“, и „соціалъ-демократы“, и „соціалисты-революціонеры“, и кружки всякаго рода,—литературные и подпольные; а въ одномъ изъ этюдовъ, послѣднемъ, гдѣ нравамъ интеллигенціи достается всего сильнѣе, она *отождествляется главнымъ образомъ съ русскимъ студенчествомъ XX вѣка...*

Словомъ, сумбуръ чрезвычайный.

Когда бесѣдующій съ вами произносилъ свою публичную лекцію о русской интеллигенціи, онъ защищалъ ее отъ нападокъ—кого?.. Какъ-разъ изъ тѣхъ сферъ, которыя въ сборникѣ называются по-новому: „интеллигентщина“.

Тогда нападки шли главнымъ образомъ изъ міра литературнаго *босячества,* подъ обаяніемъ того писателя, который выступилъ съ протестами босяковъ всякаго рода, въ томъ числѣ и такихъ, которые мнили себя также „интеллигентами“.

Шли нападки и отъ толстовцевъ, съ ихъ проповѣдью опрощенія, на мистической подкладкѣ, съ ихъ ненавистью къ наукѣ, точному знанію, въ особенности къ соціологіи, и ко всѣмъ освободительнымъ стремленіямъ политическаго и соціальнаго характера.

Вотъ такихъ враговъ *подлинной* русской интеллигенціи можно было бы причислить къ „интеллигентщинѣ“. Но о нихъ авторы сборника ничего не говорятъ въ такомъ же обличительномъ тонѣ... Выходитъ даже, что они какъ бы одобряютъ всякій такой походъ противъ „интеллигенціи“, которой они совершенно произвольно придаютъ односторонній смыслъ...

Въ чемъ они правы, такъ это въ томъ, что подъ кличку „интеллигентщина“ собрали они и все то, что въ нашей литературной, общественной и политико-соціальной жизни пріобрѣло чисто-русскій оттѣнокъ крайней тенденціозности, нетерпимости и узости, почему у насъ до XX вѣка въ литературѣ и въ обще-

ствѣ въ загонѣ были и художественное творчество, и эстетика, и чистое, строгое знаніе, и философія, и этика,—словомъ, все, что не было окрашено въ колоритъ узкаго *credo*, что не проникнуто было крайнимъ *утилитаризмомъ* и не вело къ такой же крайней *нетерпимости*.

Это преобладающее *настроеніе* и позволительно, пожалуй, назвать „интеллигентщиной“, но *подлинная* интеллигенція, т.-е. *истинно-развитой классъ русскаго общества*, въ этомъ не виновата и всегда сама страдала отъ такой узости и нетерпимости

III.

Но,—спрошу я,—развѣ авторы сборника *первые* въ русской печати указываютъ на *это?*

Десятки лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ бесѣдующій съ вами сталъ однимъ изъ первыхъ протестовать, во имя свободы духовнаго развитія, противъ такого *доктринерства*, откуда бы оно ни исходило!..

Развѣ со вчерашняго дня извѣстны, напримѣръ, въ печати и слова „кружковщина“ и въ особенности „направленство“? Первое было пущено раньше второго, въ редакціи котораго я долженъ также повиниться. И оно очень быстро привилось, хотя само *направленство* (*т.-е. тенденціозность и нетерпимость*) и продолжало господствовать.

Въ самые послѣдніе годы стало раздаваться словцо „освобожденство“, когда желаютъ указывать на тотъ же недугъ нашихъ „интеллигентскихъ“ кружковъ.

Сколько писателей въ разныхъ родахъ—и беллетристовъ, и поэтовъ, и критиковъ, и публицистовъ—страдали у насъ отъ *кружковщины* и *направленства!* Они находились подъ гнетомъ того общаго давленія (на которое указываютъ и авторы статей сборника), какое десятки лѣтъ производило, да и до сихъ поръ еще

производитъ, сведеніе у насъ *рѣшительно всего* къ публицистикѣ, къ политикѣ, къ соціализму, къ морали, понимаемой въ самомъ узкомъ, кружковомъ смыслѣ.

На все это бесѣдующій съ вами цѣлыми *годами* указывалъ во всемъ томъ, что онъ печаталъ и публично говорилъ.

Наша литературная критика пребывала до XX вѣка въ тенетахъ такого направленства. И еще въ 1900 году, въ моей книгѣ „Европейскій романъ въ XIX столѣтіи“, моя защита свободы творчества и самодовлѣющей красоты, мои протесты противъ духа нашей критики, проникнутой *моралью* (не философской, а кружковой) и *публицистикой*, были главной причиной того, что книгу мою встрѣтилъ цѣлый рядъ неодобрительныхъ рецензій, въ которыхъ прорывалось почти негодованіе за то, что я смѣлъ проповѣдывать *самостоятельность* творчества, законность и необходимость области *прекраснаго*.

Кто тогда поддержалъ мои идеи и протесты?..

Критики новаго литературно-эстетическаго *credo*, такъ-называемые „декаденты“, потому что однимъ изъ каноновъ ихъ *credo* было возвеличеніе *красоты* и вытекающая отсюда проповѣдь *полной свободы художественнаго творчества!*.

Высвобожденіе изъ-подъ гнета „кружковщины“ и „направленства“ и стало у насъ происходить сначала въ сферѣ *эстетики*, а не въ другихъ областяхъ мышленія и знанія, откуда ему слѣдовало бы также явиться.

Но это „раскрѣпощеніе“ теперь—уже совершившійся фактъ, хотя еще и не всеобщій.

IV.

Если можно за что сказать нѣкоторое „спасибо“ авторамъ сборника, то это за то, что они такъ смѣло

обличаютъ всѣ темныя стороны „кружковщины“ и „направленства“.

Теперь говорить объ этомъ можно уже совершенно свободно. Но,—повторяю,—заговорили объ этомъ *не они первые,* и имъ принадлежитъ только болѣе детальная разработка такого „обвинительнаго акта“.

Къ началу XX вѣка въ критикѣ того литературнаго лагеря, который выступилъ съ другими взглядами на поэзію, на творческую литературу, на красоту вообще и на мораль, уже раздавались все чаще и чаще голоса,протестующіе противъ закрѣпощенія всѣхъ областей ума и чувства политикѣ, соціализму, публицистикѣ и кружковой морали.

Предшественниками этихъ протестантовъ были тѣ,—правда, очень немногіе,—писатели старыхъ поколѣній, къ которымъ имѣетъ право причислять себя и бесѣдующій съ вами въ эту минуту.

Обвинительный актъ, составленный авторами сборника, былъ бы гораздо убѣдительнѣе, если бы ихъ *номенклатура* не страдала такой неопредѣленностью и сбивчивостью. Они или валятъ все „въ одну кучу“, или придаютъ термину „интеллигенція“ ограниченный и произвольный смыслъ, на что имъ и до меня было уже указано съ разныхъ сторонъ, и устно, на преніяхъ, и въ нѣсколькихъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ.

„Интеллигенція“, и въ данномъ случаѣ *русская* интеллигенція, состояла и состоитъ изъ людей высшей умственной и *этической* культуры, принадлежащихъ къ *разнымъ* лагерямъ, партіямъ и направленіямъ, но есть нѣсколько основныхъ началъ, которыхъ она всегда держалась.

Эти начала:

1) Признаніе науки руководящей нитью при выработкѣ своего міропониманія.

2) Сочувственное отношеніе ко всѣмъ высшимъ пріобрѣтеніямъ культуры.

3) Требованіе гражданской свободы какъ для отдѣльной личности, такъ и для общества въ его совокупности.

4) Демократизмъ общаго настроенія, вытекающій изъ искренняго интереса, который *подлинная* русская интеллигенція всегда имѣла къ судьбѣ народа, крестьянской массы, а впослѣдствіи и рабочаго пролетаріата.

5) Защита свободы совѣсти въ религіозной жизни и протесты противъ вѣкового гнета, который исходилъ отъ государственно-полицейскаго церковнаго быта.

Подъ этими пунктами, надѣюсь, подпишется всякій *подлинный* „интеллигентъ“.

V.

Любовь къ народу и является въ обличеніяхъ нѣкоторыхъ авторовъ сборника одной изъ самыхъ *тяжкихъ винъ* русской интеллигенціи, опять безъ оговорки,— какой именно: частичной, или общей.

Народолюбіе по увѣренію этихъ авторовъ, лишило ее всякой свободы мышленія и нравственнаго чувства, превратило ее въ какую-то демагогическую секту.

„Народничество, —; дѣйствительно отличительная черта русскаго интеллигента. Это идетъ отъ Радищева, вошло въ *credo* славянофиловъ, было основнымъ мотивомъ политико-соціальныхъ симпатій и упованій Герцена, хотя онъ и считался „западникомъ“, сдѣлалось своего рода религіей для его друга Огарева, въ 70-хъ годахъ создало цѣлую литературную школу „беллетристовъ - народниковъ“ и положено было въ основу освободительнаго движенія, во всѣхъ его фракціяхъ и кружкахъ молодежи — и явныхъ, и подпольныхъ.

Все это такъ. Но народничество, при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ и преувеличеніяхъ, исходило все-таки изъ великодушнаго чувства, изъ благородной идеи служенія народу, изъ сознанія своей *задолженности* передъ нимъ, своей прямой обязанности вернуть ему и *землю, и волю.*

Культъ „мужичка", „обсахариваніе" деревни и общины, проповѣдь „власти земли", вся та покаянная идиллія, которую продѣлывали тогда беллетристы и публицисты извѣстнаго лагеря, нельзя было принимать безъ оговорокъ. Эти оговорки и были дѣлаемы, и не разъ, въ разныхъ смыслахъ и съ разныхъ сторонъ.

И я посвятилъ народничеству особый этюдъ, появившійся за границей по-французски: „Le culte de peuple dans la littérature russe contemporaine".

И *тогда* выступать въ такомъ духѣ и тонѣ, въ какихъ была написана эта вещь, было небезопасно, и гг. народники *долго* давали мнѣ это чувствовать.

Но сама жизнь многихъ изъ нихъ отрезвила. Утопіи и идиллическія мечтанія отошли, а осталось все-таки живое и *дѣйственное* сочувствіе долѣ трудового народа, многомилліонной крестьянской массѣ.

И это сдѣлалось *первенствующимъ мотивомъ* въ жизни нашего представительства. На аграрномъ вопросѣ споткнулись объ Думы. Онъ и теперь еще ждетъ своего рѣшенія въ духѣ симпатій и мнѣній... кого? *Да все той же русской интеллигенціи!*

Неужели *за это* народъ нашъ ее „ненавидитъ",— какъ утверждаетъ въ безусловномъ тонѣ одинъ изъ ея обличителей?

Всякій „сознательный" мужикъ знаетъ, кто защищалъ его кровную нужду въ обѣихъ Думахъ, даже и въ третьей.

VI.

Къ чему же призываютъ *провинившуюся* русскую интеллигенцію авторы „Вѣхъ“?

— Покайтесь! — взываютъ они хоромъ.

И то, что они предлагаютъ, какъ панацею, какъ цѣлебное снадобье, и должно символически изображать собою выбранное ими слово „вѣхи“?

Какія же это *вѣхи?* Вѣхи бываютъ разныя: однѣ твердыя, только-что сдѣланныя изъ молодого дерева, а другія—болѣе или менѣе *подгнившія.*

Призывъ къ самосознанію, къ самоуглубленію, къ возврату внутрь себя, къ „примату“ *личности,* къ духовному самосовершенствованію, — ото всѣхъ этихъ красивыхъ фіоритуръ отдаетъ,—только общее и замаскированнѣе,—тѣмъ же, чѣмъ и отъ проповѣди яснополянскаго мудреца. Но у него призывъ къ любви и непротивленію злу основывается на *открытомъ* исповѣданіи того догмата, что, поступая такъ-то и такъ-то, человѣкъ исполняетъ прямой божескій законъ.

А тутъ вы слышите или чуете желаніе у большинства авторовъ замѣнить положительныя стремленія русской интеллигенціи къ свободѣ и гарантіямъ правъ гражданина расплывчатой мистической закваской и старой погудкой о томъ, что безъ личнаго „возрожденія“ нельзя добиться ничего и въ политико-соціальной жизни.

Подъ защитой якобы науки, философіи, морали, искусства, религіи вы распознаете (у тѣхъ авторовъ, кто высказывается пооткровеннѣе) подведеніе идеалистическихъ *минъ* противъ *точнаго* знанія, *научной* философіи и морали, *свободной отъ всякаго догматизма.*

Въ заключеніе скажу еще вотъ что:

Вамъ, гг., извѣстна такъ-называемая „уваровская“ формула, состоящая изъ трехъ членовъ?

Извольте подставить подъ первое слово—„конкретный идеализмъ“ одного изъ авторовъ, подъ второе — „государственность“ и подъ третье — „національное лицо“ его коллегъ по сборнику,—и вотъ вамъ цѣликомъ уваровская формула...

Такая „вѣха“ вамъ, вѣроятно, не требуется? И въ этомъ убѣжденіи я заканчиваю мою бесѣду съ вами.

Л. Боборыкинъ.

Реакціонная проповѣдь.

„Вѣхи“. Сборникъ статей о русской интеллигенціи.

Бѣдная русская интеллигенція! Каждый разъ, когда обостряются наши отечественныя неблагополучія и мы не знаемъ, какъ выйти изъ затрудній, въ которыя поставила насъ исторія,—мы неизмѣнно находимъ одного и того же виновника всѣхъ бѣдъ, своего рода „стрѣлочника“ на тяжкомъ пути нашего прогресса,—бѣдную русскую интеллигенцію. Въ лучшемъ случаѣ, когда ее не сажаютъ на скамью подсудимыхъ и ей не грозитъ полное осужденіе, предъявляется искъ къ ея „духовнымъ цѣнностямъ“ и тяжба кончается той или иной, болѣе или менѣе существенной урѣзкой этихъ послѣднихъ. И удивительнѣе всего то, что иски и процессы эти учиняются не тѣми, которые являются провиденціальными гонителями интеллигенціи, а тѣми, которые сами стоятъ въ ея рядахъ и могутъ считаться истинными и самыми типичными интеллигентами.

Характерные споры о томъ, что такое интеллигенція и чѣмъ она должна быть, начались главнымъ образомъ съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка. Сознавшая свой „грѣхъ“ и покаявшаяся передъ народомъ интеллигенція ринулась къ выполненію своего долга, но вскорѣ же надломила свои силы и убѣдилась что при данныхъ условіяхъ съ народомъ можно „не слиться,

а спиться". Тогда послѣ „пересмотра" своего „багажа" она обратилась къ непосредственной борьбѣ съ упомянутыми условіями. Но политическая партія, во главѣ которой стояла русская интеллигенція, была еще такъ слаба, что начатая ею борьба оказалась ей не подъ силу. И она сошла со сцены, разбитая, униженная. И тогда впервые русскую интеллигенцію сдѣлали козломъ отпущенія за грѣхи ея пораженій и за неудачи того дѣла, за которое она взялась. Ея посрамленіе завершило торжество смиренномудрія Достоевскаго и непротивленія злу Толстого. Но когда въ слѣдующемъ десятилѣтіи опять подняла голову русская интеллигенція, она начала съ „переоцѣнки прежнихъ цѣнностей" и прежде всего накинулась съ уничтожающей критикой на все то, что дѣлали и говорили ея предшественники. Начались споры и раздоры, и „наши разногласія" продолжались съ ожесточеніемъ даже въ тотъ моментъ, когда дѣйствіе требовало единенія и солидарности. Но въ общемъ участію интеллигенціи въ жизни не мѣшали эти раздѣленія. Когда же волна движенія, поднявшая ея активность, упала и отошла прочь, что руководило ею и составляло содержаніе всей ея дѣятельности?

Этотъ ретроспективный процессъ пересмотра продолжается уже болѣе двухъ лѣтъ и усиливается все болѣе въ наши дни. Сборникъ „Вѣхи" составляетъ хотя не единственный, но зато наиболѣе типичный образецъ этого, съ позволенія сказать, самопоѣданія интеллигенціей интеллигенціи же. Слова „интеллигенція", „интеллигентщина", „интеллигентная маска", „интеллигентскій мундиръ" такъ и пестрятъ на страницахъ этой книжки и мелькаютъ въ нихъ далеко не въ безобразномъ и не въ добродушномъ смыслѣ. Правда, одинъ изъ авторовъ этого сборника, г. Гершензонъ, въ „предисловіи" отъ имени составителей сборника торжественно заявляетъ, что они не призваны „съ вы-

сомы познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцію“ и что ихъ статьи писаны „не съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ ея (интеллигенціи) прошлому“. Но это предупрежденіе плохо гармонируетъ со всѣмъ послѣдующимъ, не только представляющимъ безпощадный судъ части интеллигенціи надъ всей интеллигенціей, но и не оставляющимъ, что называется, камня на камнѣ изъ всего того огромнаго построенія нашей образованности и культуры, которое россійская интеллигенція воздвигала съ такимъ трудомъ и жертвами въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Весь ея подвигъ и старанія—напрасный, потерянный трудъ. И весь ея тернистый, кровавый путь, пройденный до сихъ поръ,—одна сплошная и непоправимая ошибка. Надо сейчасъ остановиться и вернуться вспять. Надо вернуться къ Чаадаеву, къ Достоевскому и Толстому, къ Толстому 80-хъ годовъ. Вотъ къ кому надо обратиться. Остальное и остальныхъ надо забыть и похерить.

Почти въ каждой изъ этихъ статей вы найдете исторію нашей интеллигенціи, изложенную съ точки зрѣнія ея заблужденій въ дѣлѣ служенія народу и вообще грѣховности ея направленія въ выполненіи своей исторической миссіи. Нѣкоторыя изслѣдованія доходятъ до глубочайшей русской старины. Но въ то же время каждый изъ этихъ авторовъ начинаетъ свою обвинительную рѣчь противъ интеллигенціи съ момента ея окончательнаго паденія. Это время пріурочивается къ пораженію общественнаго и политическаго движенія въ 1905—6 гг. Никто изъ нихъ не пытается разслѣдовать степень вины въ этой неудачѣ со стороны интеллигенціи. И никто не останавливается на томъ, насколько пораженіе это относится не къ одной интеллигенціи, характеризуя въ то же время духовную сущность и другихъ общественныхъ элементовъ, участвовавшихъ въ движеніи. И всѣ они принимаютъ

какъ нѣчто неоспоримое, что революція была для интеллигенціи тѣмъ испытаніемъ, котораго она не выдержала, несмотря на свой полувѣковой опытъ. И также всѣ согласились заранѣе въ томъ, что испытаніе это является роковымъ для тѣхъ духовныхъ интеллигентскихъ цѣнностей, которыми образованная часть нашего общества до сихъ поръ гордилась. По-видимому, ни у кого даже нѣтъ сомнѣній въ томъ, что пришла пора выбросить эти цѣнности за бортъ. И, во всякомъ случаѣ, господствуетъ общее убѣжденіе, что настало время „пересмотра“ и „переоцѣнки“ этихъ цѣнностей.

Между прочимъ въ томъ же предисловіи выражается это общее убѣжденіе и проводится общая же мысль, будто въ интеллигенціи назрѣла потребность „сознательно провѣрить самыя основы ея, интеллигенціи, традиціоннаго міровоззрѣнія, которыя до сихъ поръ принимались слѣпо на-вѣру“. А между тѣмъ мы не видимъ этого въ жизни, по крайней мѣрѣ не видимъ его съ неоспоримой очевидностью. Въ настоящемъ же сборникѣ появляются имена, давно извѣстныя въ выступленіи нашего „ревизіонизма“. Вѣдь, они, напримѣръ, Бердяевъ и Булгаковъ, еще съ Михайловскимъ въ споръ вступали, а свой религіозно-психологическій и мистико-моральный пересмотръ предъявили еще задолго до революціи. Теперь къ нимъ присоединились такіе публицисты, какъ Струве и Изгоевъ. Но ихъ эволюція вправо также началась до рѣшительныхъ событій послѣдняго времени.

Въ своей статьѣ „Философская истина и интеллигентская правда“ г. Бердяевъ очень длинно, но весьма непродуктивно доказываетъ, что самый крупный недостатокъ нашего интеллигентскаго сознанія и источникъ всѣхъ интеллигентскихъ бѣдъ — это отсутствіе философскаго образованія и нелюбовь нашей интеллигенціи къ тому, что онъ называетъ „отвлеченнымъ

академизмомъ". Кому это неизвѣстно? И однако же всѣ лучшіе умы мирились съ этимъ малымъ развитіемъ у насъ философіи и видѣли въ немъ лишь одно произвольное явленіе, обусловленное причинами болѣе серьезными, чѣмъ мнимая нелюбовь интеллигенціи къ философіи. „Интеллигентское сознаніе, — настаиваетъ онъ на своемъ, — требуетъ радикальной реформы, и очистительный огонь философіи призванъ сыграть въ этомъ важномъ дѣлѣ немалую роль". А все то, что мѣшаетъ предаться мирнымъ занятіямъ философіей, почтенный изслѣдователь совершенно игнорируетъ.

Г. Булгаковъ задался цѣлью развѣнчать „героизмъ и подвижничество" нашей интеллигенціи (статья имѣетъ еще подзаголовокъ: „Изъ размышленій о религіозной природѣ русской интеллигенціи"). „Героическій интеллигентъ" — это презрительный, почти бранный терминъ въ сочиненіи ученаго профессора. По его мнѣнію, образованный человѣкъ не долженъ предаваться пламеннымъ мечтамъ и высокимъ идеаламъ и тѣмъ менѣе можетъ мнить себя спасителемъ человѣчества или народа. Какъ и всѣ люди, онъ долженъ мириться съ минимумомъ осуществимаго и съ возможнымъ въ данный моментъ. Максимализмъ русской интеллигенціи—ея величайшій порокъ и несчастье ея судьбы. Но въ то же время истинная природа ея — природа религіозная. Нужно только, чтобы она заполнилась настоящимъ религіознымъ содержаніемъ. И тогда интеллигенція совершитъ предназначенное ей участіе въ освобожденіи народа.

Въ статьѣ „Интеллигенція и революція" г. Струве все несчастье нашей интеллигенціи видитъ въ „безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства. Только этимъ отщепенствомъ объясняются главные дефекты нашей интеллигенціи: „ея моральное легкомысліе и ея недѣловитость въ политикѣ". Какъ же помочь горю? „Интеллигенціи необходимо пересмотрѣть все свое міро-

созерцаніе и въ томъ числѣ подвергнуть коренному пересмотру его главный устой—соціалистическое отрицаніе личной отвѣтственности. Съ вынутіемъ этого камня рушится все зданіе этого міросозерцанія". Тутъ-то и зарыта собака, въ этомъ все дѣло: пусть интеллигенція перестанетъ быть соціалистической и все пойдетъ по-хорошему, т.-е. будетъ такъ, какъ того желаютъ наши „ревизіонисты".

Г. Изгоевъ („Объ интеллигентной молодежи") выражаетъ мысли, разсѣянныя въ томъ или иномъ видѣ на страницахъ другихъ авторовъ. Это цѣлый ушатъ, не скажемъ—грязной, но очень холодной воды, вылитый на голову горячей и увлекающейся молодежи. Основная его мысль въ томъ, что интеллигенція должна отдаться культурной работѣ, какъ бы мала она ни была. Горькимъ опроверженіемъ его же доводовъ и злой шуткой надъ ними можетъ показаться теперь, когда въ Турціи совершилась кровавая контръ-революція, слѣдующее заключеніе статьи: „И, быть можетъ, самый тяжелый ударъ русской интеллигенціи нанесло не пораженіе освободительнаго движенія, а побѣда младотурокъ, которые смогли организовать національную революцію и побѣдить почти безъ пролитія крови".

Въ чемъ же заключается то положительное, что выдвигаютъ наши публицисты на смѣну отрицаемыхъ ими свойствъ духовнаго облика нынѣшняго интеллигента? Кромѣ религіозности и любви къ философіи, что рекомендуютъ они нашей интеллигенціи для ея оздоровленія? Отвѣтъ мы находимъ въ томъ же предисловіи отъ имени авторовъ. „Ихъ общей платформой,—говорится тутъ,—является признаніе теоретическаго и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія... Съ этой точки зрѣнія идеологія русской интеллигенціи, всецѣло покоящаяся на противоположномъ принципѣ—на признаніи безусловнаго примата общественныхъ формъ,—

представляется участникамъ книги внутренно-ошибочной, т.-е. противорѣчащей естеству человѣческаго духа, и практически-безплодной, т.-е. неспособной привести къ той цѣли, которую ставила себѣ сама интеллигенція, — къ освобожденію народа". Иными, болѣе короткими словами, интеллигенція должна отказаться отъ борьбы съ „общественными формами" и отъ борьбы за измѣненіе ихъ и прежде всего усовершенствовать „внутреннюю жизнь личности".

Какъ видите, это даже не буржуазный индивидуализъ, котораго можно было ожидать отъ публицистовъ, мечтающихъ о нарожденіи у насъ свободолюбиваго и культурнаго общества, а mixtum compositum изъ старыхъ мистическихъ рецептовъ и новѣйшихъ демагогическихъ платформъ. Въ общемъ же это старое, давно набившее оскомину воззваніе — обратиться къ себѣ, отвернувшись отъ всего окружающаго. Въ сущности, это старая реакціонная проповѣдь личнаго совершенствованія, и обозначаетъ она повтореніе одного изъ тяжкихъ моментовъ нашего общественнаго и духовнаго успѣха. „Вѣхи" указываютъ лишь ту новую точку этого уклона, на которой мы теперь стоимъ...

Ж. Гекторъ.

Нѣчто о „трусливомъ интеллигентѣ“.

1.

Въ интеллигентскомъ муравейникѣ сейчасъ большая суета

Газеты и журналы шелестятъ своими листами, шелестятъ, жуютъ и пережевываютъ небольшой сборникъ статей, которымъ неожиданно выстрѣлили семь авторовъ, вообразившихъ, что семь ихъ статей весьма знаменательныя „Вѣхи“.

Никогда еще, кажется, вопросъ объ отношеніи народа и интеллигенціи не ставился такъ остро, такъ несправедливо, какъ сейчасъ.

И никогда еще наша интеллигенція не выступала въ такой несвойственной ей роли, какъ теперь, въ сборникѣ „Вѣхи“,—сборникѣ, отъ котораго истинные интеллигенты открещиваются и будутъ открещиваться еще долго.

Чѣмъ-то дряблымъ, жалкимъ, безпомощно-трусливымъ вѣетъ изъ каждой строки этой печальной книги.

Чѣмъ больше вчитываюсь я въ нее, тѣмъ ярче рисуется мнѣ такая картина.

Весеннія полыя воды выступили изъ береговъ, залили луга, дошли до огородовъ. Мельникъ открылъ всѣ шлюзы въ плотинѣ. Весенняя вода бурными пѣнистыми каскадами съ негодующимъ ревомъ проры-

вается сквозь небольшія отверстія, шумитъ, клубится, пѣнится. Но вода все прибываетъ, прибываетъ. Напоръ ея все крѣпнетъ и крѣпнетъ. Она уже не умѣщается въ старыхъ берегахъ, какъ они ни расширяются, достигла предѣла. Наконецъ, плотина вмѣстѣ со шлюзами выталкивается. Вода устремляется, уходитъ.—уходитъ не только съ захваченныхъ ею временно береговъ, но даже изъ русла обычнаго, стараго...

Только въ углубленіяхъ, овражкахъ остались лужицы, немного воды. Въ этихъ лужицахъ трепыхаются запоздалыя мелкія рыбешки. Крупныя ушли съ весенней водой.

Оставшіяся рыбешки въ ужасѣ... Воды еле-еле хватаетъ, чтобы покрыть ихъ плавники. Съ ужасомъ видятъ онѣ, что имъ нечѣмъ дышать, что онѣ выброшены изъ привычной стихіи и что повсюду, гдѣ была недавно еще такая страшная вода, ходятъ мальчишки, дѣти, голыми руками берутъ рыбешекъ и уносятъ куда-то въ корзинахъ...

Страхъ охватываетъ рыбешекъ. Онѣ начинаютъ биться въ послѣднихъ судорогахъ, проклинаютъ весну, проклинаютъ весеннюю силу, проклинаютъ воду за то, что она вырвала плотину, за то, что онѣ, убоявшись бурнаго теченія, засѣли подъ коряги, не предполагая, что подъ этими корягами, казавшимися столь спасительными, онѣ очутятся въ такомъ страшномъ положеніи.

2.

Когда семь „смиренныхъ“ выкинули свои „вѣхи“, мнѣ нарисовалась именно такая картина. Картина полнаго отчаянія, страха, полной растерянности.

Развѣ изумительная статья г. Изгоева, въ которой онъ громитъ молодежь за ея молодыя силы, не пр

диктована чувствомъ негодованія за эти весенніе сны? Развѣ вы не слышите въ нихъ негодованія мелкой рыбешки за испорченную плотину, за то, что прорвали плотину, удерживавшую воду?

А статьи Струве и Кистяковскаго? Авторы „Вѣхъ“ возмущены тѣмъ, что русская интеллигенція до сихъ поръ выработала страшно неудобныя прописи, выработала мораль, заставляющую каждаго отдѣльнаго человѣка думать не о своей скорлупѣ, не о себѣ, а о благѣ общемъ.

Тираннія политики кончилась, торжествуетъ Гершензонъ. До сихъ поръ общепризнанъ былъ одинъ путь хорошей жизни—жить для народа, для общества. Дѣйствительно, шли по этой дорогѣ единицы, а всѣ остальные не шли по ней, но не шли и по другимъ путямъ, потому что всѣ другіе пути считались недостойными.

Свергнутъ старый неудобный Богъ! Умерли жрецы этого бога, вродѣ Михайловскаго, не позволявшіе кощунственно относиться къ святынѣ и мужественно отбивавшіе всякую попытку бросить грязью въ это божество. Михайловскій, Писаревъ и другіе бодро поддерживали священный огонь, подливали елей въ лампады, на которыя сейчасъ дуютъ съ такимъ остервенѣніемъ Изгоевы, Гершензоны, Струве и другіе „смиренные“, у которыхъ „головка виснетъ“...

И во имя чего гасятъ вѣчные давніе огни? Во имя какихъ новыхъ боговъ выступаютъ эти гасители, эти новые иконоборцы? Гдѣ то новое, передъ которымъ должно потускнѣть старое?

Оказывается, у нихъ нѣтъ пока ничего, абсолютно ничего.

Струве, напримѣръ, очень долго останавливается на ошибкахъ старой русской интеллигенціи. Имѣетъ „мужество“ казнить ее за ошибки и не меньшее мужество совершенно умолчать объ ея заслугахъ. А когда

вы спросите его о томъ, къ чему онъ лично зоветъ, то окажется, что зоветъ онъ къ „самоуглубленію“ и самосовершенствованію.

Въ основу тактики и политики ляжетъ идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго усовершенствованія человѣка!

Для того, чтобы высказать такую программу, нужно не мужество, а, какъ бы это выразиться помягче.. Ну, не дальновидность, что ли? Нужно быть слишкомъ... „кабинетнымъ“ человѣкомъ для того, чтобы предложить людямъ, стоящимъ на болотной трясинѣ, закрыть глаза и заняться внутреннимъ усовершенствованіемъ.

— Да вѣдь пока я буду совершенствоваться, меня трясина засосетъ, проглотитъ,—будетъ возражать слушатель Струве.

— Это не важно,—будетъ его успокаивать нашъ философъ.—Какъ-нибудь тамъ потомъ выберетесь.

— А если не выберусь?

— Ну, да какъ-нибудь... Это тамъ потомъ. Что нибудь придумаемъ. А пока совершенствуйтесь, совершенствуйтесь.

По-моему, если ужъ кто имѣлъ дѣйствительное мужество, такъ это Гершензонъ.

Ближайшія задачи интеллигенціи онъ представляетъ себѣ совершенно такъ же, какъ и Струве, но онъ не закрываетъ глаза и на дѣйствительность. Онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ думаетъ, что „народъ“, который онъ слѣпо отдѣляетъ отъ интеллигенціи, будетъ смотрѣть на своихъ интеллигентныхъ вождей и ждать отъ нихъ отвѣта.

Получится такая картина. На влажной еще почвѣ, съ которой только-что сошли вешнія воды, будутъ стоять, какъ цапли, на одной ногѣ покаявшіеся интеллигенты. Съ глазами, устремленными внутрь себя, они будутъ сначала внутренно совершенствоваться, а потомъ вырабатывать новые идеалы, новыя слова!

Будетъ ли „народъ“ терпѣливъ?.. Будетъ ли онъ спокоенъ въ своемъ ожиданіи? Гершензонъ знаетъ, убѣжденъ, что нѣтъ. Командующіе классы ничего, кромѣ искренней радости отъ подобнаго успокоенія и дремы, не почувствуютъ,—это Гершензону извѣстно. Онъ знаетъ, что есть элементы, которые спятъ и видятъ, чтобы погрузить Россію въ сонное царство. Ихъ апплодисменты уже раздались по поводу „Вѣхъ“ въ такихъ мѣстахъ, какъ „Московскія Вѣдомости“ и „Колоколъ“... Но тотъ же Гершензонъ знаетъ, что есть элементы и другіе, есть такіе, что спокойно въ мѣшокъ не пойдутъ ни за что и спокойно созерцать углубленныхъ въ себя пингвиновъ не станутъ.

Струве этого не хочетъ видѣть. А Гершензонъ видитъ и имѣетъ мужество сказать:

— Не запугаете. За насъ штыки...

Онъ сразу бросаетъ старую маску, которую, очевидно, носилъ только по недоразумѣнію и трусости, и сразу же бросаетъ вызовъ.

— Каковы мы есть,—говоритъ онъ,—намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ,—бояться мы его должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной...

Мужество, прямо геройство!.. Какъ ему не апплодировать?

— Городовой!—кричитъ Гершензонъ испуганнымъ голосомъ.—Господинъ городовой!.. Тамъ народъ!..

Какая смѣлость! Какая рѣшимость! А впрочемъ, если хотите, по сравненію съ остальными авторами „Вѣхъ“ это храбрость.

Тѣ вѣдь не рѣшились даже позвать городового.

„Зачѣмъ намъ звать?—думаютъ они сами про-себя.—Всегда найдется Гершензонъ, который закричитъ „караулъ“. Да городовые и сами къ намъ придутъ“.

Если бы кто-нибудь сказалъ, что для слѣдующаго

выпуска „Вѣхъ" прислалъ свою статью Меньшиковъ или Дубровинъ, это нисколько не было бы ни странно, ни удивительно.

III.

Испугъ, испугъ и только испугъ глядитъ съ каждой страницы этого сборника, притомъ испугъ совершенно напрасный.

Дѣленіе Россіи на народъ и интеллигенцію, унаслѣдованное нами отъ глубокой древности, совершенно неосновательно.

Теперь этой пропасти нѣтъ. Народъ сталъ интеллигенціей, интеллигенція влилась въ народъ. Конечно, настоящая, подлинная интеллигенція.

Внѣ сліянія осталась небольшая кучка мнимыхъ, мнящихъ себя истинными интеллигентами людей. Это трусливая, пугливая кучка, которая привыкла бѣгать только за колесницей тріумфатора, кто бы этотъ тріумфаторъ ни былъ. Бѣгутъ изъ страха, въ надеждѣ, что тутъ они найдутъ тѣ футлярчики, въ которыхъ имъ будетъ хорошо и спокойно и въ которыхъ никто ихъ не огорчитъ и не побезпокоитъ.

Помните, во времена освободительнаго движенія интеллигенціи кричали:

— Руки прочь!..

Это имъ, этой кучкѣ, кричали здоровыя и сильныя пролетарскія группы, вобравшія въ себя все живое и сильное, все, въ чемъ только была жизнь. И когда эти интеллигенты, въ глубинѣ души, очевидно, проклинавшіе городового за то, что онъ не помѣшалъ разрывать плотины, пробовали примазываться и зашелестѣли:

— И мы, и мы...

Имъ естественно крикнули:

— Руки прочь!...

Сейчасъ эти „интеллигенты" почувствовали себя еще болѣе одиноко.

Ихъ испугъ достигъ крайняго предѣла. Это даже не испугъ, а прямо паника какая-то. Я сейчасъ прочелъ въ послѣднемъ только-что вышедшемъ альманахѣ „Шиповника" новую символическую пьесу Александра Блока: „Пѣснь судьбы". Здѣсь я отмѣчу ту сторону этой пьесы, которая роднитъ автора со „смиренными" изъ „Вѣхъ".

Какъ извѣстно, А. Блокъ одинъ изъ первыхъ испугался народа... Въ теченіе цѣлаго года онъ, какъ могъ, вездѣ и всюду кричалъ: „Передъ нами чудище обло"—народъ. Народъ этотъ насъ не пощадитъ: „спасайся, кто можетъ"..

И успѣлъ напугать. Большинство „смиренныхъ" сразу спрятались подъ сѣнь тюремъ и штыковъ.

— Дѣлайте, что хотите, посадите всю Россію въ тюрьму, только спасите насъ!—закричали они.

Блокъ хотя и испугался, но до потери разсудка не дошелъ. Онъ сразу уразумѣлъ, что посадить весь народъ въ тюрьму трудно, если вообще возможно. У него не хватило... мужества на такую мѣру. Онъ тоже „смирился" и рѣшилъ пойти прямо въ пасть народу.

Авось помилуетъ и выведетъ на настоящую дорогу.

Его драма, въ которой, несмотря на всю ея неяркую символику, все-же слышится болѣ и страхъ,—чрезвычайно интересная „вѣха"...

Герой, испуганный искатель, чувствуетъ себя погибшимъ среди огромной снѣжной пустыни русской.

— Горитъ сожженная душа, жалуется онъ. И нѣтъ дороги. Что же дѣлать мнѣ, нищему? Куда идти?

Вокругъ него „полный мракъ". Только снѣгъ и вѣтеръ звенитъ. И вдругъ, рядомъ съ нимъ вырастаетъ какъ призракъ, какъ нежданный пособникъ некрасовскій коробейникъ съ коробомъ за плечами.

И представьте себѣ, этотъ коробейникъ точно читалъ „Вѣхи“, точно бесѣдовалъ со Струве!

— Ну, — говоритъ онъ герою драмы, — сдвигайся братъ, сдвигайся: это святому такъ простоять ничемъ, а нашему брату нельзя: потому замерзнешь! Мало, что-ль, народу она укачала да убаюкала

— Ты про кого говоришь?—спрашиваетъ интеллигентъ.

— Извѣстно про кого: про Рассею-матушку. Не одну живую душу она въ снѣгахъ своихъ, да въ степяхъ своихъ успокоила.

Интеллигентъ сразу пріободрился.

— А ты дорогу знаешь?—спросилъ онъ.

— Знаю дорогу, знаю. Какъ не знать? Да ты не здѣшній, что ли?

— Нездѣшній.

— Ну, такъ откуда же тебѣ дорогу знать? Вотъ тамъ огонекъ ты видишь?

— Нѣтъ, не вижу.

— Ну, приглядишься, увидишь. А куда тебѣ надо-то?

— А я самъ не знаю.

— Не знаешь? Чудной ты, я вижу, человѣкъ. Бродячій, значитъ! Ну, иди, иди только на мѣстѣ не стой. До ближняго мѣста я тебя доведу, а потомъ самъ пойдешь, куда знаешь.

— Выведи, прохожій. А потомъ, куда знаю — самъ пойду.

Такъ легко пришелъ въ себя интеллигентъ Блока, испугавшійся бубенчиковъ гоголевской тройки, задрожавшій при одной мысли, что надвигается народъ, который захочетъ мстить и смететъ интеллигенцію съ лица земли.

Страхи оказались напрасными! Коробейникъ взялъ испугавшагося, почти замерзшаго маленькаго человѣка подъ свое покровительство и обѣщалъ показать ему дорогу.

Видите, господа „смиренные“, каковъ этотъ народъ, многострадальный, но любвеобильный и полный настоящей силы. Онъ не кричитъ, какъ, вы „городовой“, не взываетъ ни къ тюрьмамъ, ни къ штыкамъ...

Какъ вамъ должно быть стыдно за себя сейчасъ и какъ стыдно будетъ потомъ!..

Вл. Боцяновскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Собесѣдованія

Въ исторической коммиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т З.

(Москва).

На засѣданіи 14-го апрѣля состоялась оживленная бесѣда, посвященная сборнику „Вѣхи", въ которой приняли участіе С. П. Мельгуновъ, В. П. Потемкинъ, гр. П. М. Толстой, К Н. Левинъ, А. А. Титовъ, В П. Пичета, П. Г. Дауге, В. М. Турбинъ и др.

За исключеніемъ послѣдняго, пытавшагося до нѣкоторой степени оправдать авторовъ книги, собраніе съ единодушіемъ рѣзко высказалось противъ проводимыхъ въ ней тенденцій и идей.

Засѣданіе началось вступительнымъ словомъ **С. П. Мельгунова**, который отмѣтилъ огромную сенсацію, произведенную сборникомъ.

Онъ сталъ теперь „настольной книгой въ кавычкахъ". Авторы ея—не только отрицатели заслугъ русской интеллигенціи, но и ея „порицатели". Взгляды ихъ недаромъ встрѣтили сочувствіе и „Голоса Москвы", ибо они, дѣйствительно, сказали то, что проповѣдуетъ октябризмъ. Ораторъ не останавливается на частностяхъ, предоставляя это сдѣлать другимъ, и заключаетъ свою рѣчь упрекомъ, что участники сборника проявили духовный маразмъ Вмѣсто того, чтобы поддержать русскую интеллигенцію въ ея общественныхъ стремленіяхъ, они только осыпаютъ ее упреками, хотя, быть можетъ, и заслуженными Однако появленіе сборника

имѣетъ и хорошую сторону,—онъ заставитъ многихъ призадуматься и дастъ толчокъ для самокритики.

По мнѣнію **В. П. Потемкина**, обнародованіе сборника, есть „невѣроятная дерзость, есть игра въ руку враговъ".

Они судятъ интеллигенцію, но не даютъ точнаго опредѣленія этому понятію.

Кто судимая ими интеллигенція? Кто далъ имъ право осуждать ее? Пусть тѣ обвиненія, которыя они такъ щедро сыпятъ на голову интеллигенціи, падутъ на ихъ собственныя головы.

Отъ сборника **отдаетъ** „нестерпимымъ зловоніемъ реакціи". Главный недостатокъ,—это нерѣшительность авторовъ. Они не сказали всего того, что хотѣли, — убоялись Стоятъ на реакціонно-романтической точкѣ зрѣнія, но хотятъ это скрыть Все у нихъ не оригинально, все заимствовано, все не доказано.

Напрасно они обвиняютъ интеллигенцію, которая еще не сказала своего послѣдняго слова. Своимъ сборникомъ они вынесли приговоръ не ей, а самимъ себѣ.

Въ своей рѣчи **гр. П. М. Толстой** вскрылъ нѣкоторые частичные промахи въ сборникѣ, особенно подробно остановившись на изложеніи Кистяковскаго.

Выдернувъ отдѣльную фразу, Кистяковскій доказывалъ, что Михайловскій отрицательно относился къ правовому строю и вообще къ государственности, хотя весь смыслъ статьи и ея заключительныя строки свидѣтельствовали какъ-разъ объ обратномъ.

Послѣдующіе ораторы съ возмущеніемъ говорили о клеветѣ на молодежь, разсыпанной въ разныхъ статьяхъ сборника. Особенное осужденіе въ этомъ отношеніи вызвали статьи гг. Струве, Изгоева и Гершензона.

Было отмѣчено ихъ пристрастное отношеніе къ интеллигенціи, ихъ стремленіе выставить въ ней одни отрицальныя качества; указывали на то, что и отрицальныя стороны въ жизни и дѣятельности интеллигенціи подмѣчены во многомъ, невѣрно, либо сильно преувеличены.

Одинъ изъ говорившихъ на основаніи собственныхъ пятилѣтнихъ наблюденій надъ нѣмецкимъ студенчествомъ увѣрялъ, что оно ведетъ себя болѣе распущено, чѣмъ русская молодежь, и въ гораздо меньшей степени воодушевлено идеальными стремленіями.

Другіе указывали на то, что въ критикѣ интеллигенціи совершенно нѣтъ исторической перспективы, что авторы совсѣмъ не считались съ тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ приходится жить русской интеллигенціи и въ частности учащейся молодежи, почему параллель съ заграничной молодежью, живущей въ нормальныхъ политическихъ условіяхъ, совсѣмъ неубѣдительна Проводимые въ „Вѣхахъ“ новые идеалы и задачи для русскаго общества—стремленіе къ національнализму, личному самоусовершенствованію, религіознымъ началамъ — не новы, ихъ можно найти въ старомъ славянофильствѣ, а то и на столбцахъ „Новаго Времени“, „Русскаго Знамени“ и т. п органовъ, которые, кстати, къ проповѣди „Вѣхъ“ отнеслись очень сочувственно.

Третьи указали на глубокія противорѣчія въ пониманіи ближайшихъ задачъ, въ оцѣнкѣ интеллигенціи, даже въ самомъ понятіи интеллигенціи какъ между разными статьями сборника, такъ зачастую въ предѣлахъ одной и той же статьи. Подъ интеллигенціей понимается то все образованное общество, то учащаяся молодежь, то разночинцы и т. д.; одни упрекаютъ интеллигенцію въ безвѣріи, другіе говорятъ, что даже и въ своемъ атеизмѣ она религіозна; одни приписываютъ ей нравственную распущенность, другіе ставятъ ее образцомъ нравственной чистоты, и т. д.

Общее убѣжденіе склонилось къ тому, что русской интеллигенціи не нужно мѣнять своихъ исконныхъ идеаловъ и отступаться отъ своихъ требованій,—положеніе, на которомъ сошлись представители изъ разныхъ лагерей.

По окончаніи бесѣды собраніе вынесло слѣдующую резолюцію:

„Признавая сборникъ „Вѣхи“ продуктомъ романтически-реакціоннаго настроенія извѣстной части русской интеллигенціи, вызваннаго временнымъ упадкомъ общественныхъ интересовъ, *историческая коммиссія констатируетъ наличность въ упомянутой книгѣ грубыхъ внутреннихъ противорѣчій, шаткость основныхъ точекъ зрѣнія авторовъ и крайне несправедливое отношеніе къ прошлымъ и настоящимъ заслугамъ лучшихъ элементовъ русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся къ высокимъ социально-политическимъ идеаламъ*“.

Несмотря на то, что авторамъ „Вѣхъ“ было послано спеціальное приглашеніе, никто изъ нихъ на собесѣдованіе не явился.

II

Въ религіозно-философскомъ Обществѣ (Петербургъ).

Въ очень многолюдномъ засѣданіи 21-го апрѣля, темой котораго былъ сборникъ „Вѣхи“, докладчиками выступили Д. В. Философовъ и Д. С. Мережковскій.

Первымъ прочиталъ свой докладъ, „Націонализмъ и религія“ **г. Философовъ.**

Объ умершихъ говорятъ или одно хорошее или ничего не говорятъ. Теперь заговорили о русской интеллигенціи заговорили страстно Обвиняютъ ее во всѣхъ грѣхахъ, какіе только значатся въ церковныхъ требникахъ. Но главный грѣхъ, въ которомъ обвиняетъ русскую интеллигенцію сборникъ, это—государственное отщепенство. Допустимъ,—говоритъ докладчикъ, — авторы „Вѣхъ“ правы. Допустимъ, что интеллигенція прочла сборникъ и на общемъ всеинтеллигентскомъ, всероссійскомъ митингѣ постановила резолюцію: покаяться и просить П. Б. Струве и товарищей указать дѣйствительныя вѣхи, дальнѣйшаго пути,—не отвлеченныя построенія досужей философствующей мысли, а самый жизненно практическій лозунгъ: „Что дѣлать “именно въ текущемъ 1909 г.

Такого лозунга авторы „Вѣхъ“ ни въ самомъ сборникѣ, ни въ другихъ своихъ статьяхъ совершенно не указываютъ.

Худо ли, хорошо ли, но Россія до сихъ поръ жила своимъ лозунгомъ, держалась на своихъ „китахъ“: православіи, самодержавіи и народности. Нынѣ эти столпы россійской государственности поколеблены. Это понимаетъ всякій, даже поклонники этихъ столповъ. Что же теперь дѣлать и какъ быть?

Докладчикъ послѣдовательно разбираетъ въ примѣненіи къ русской дѣйствительности всѣ три проблемы: націонализмъ, самодержавіе и религію.

Насчетъ націонализма, „трезвый“ Меньшиковъ, изъ „Новаго Времени“ рѣшаетъ дѣло прямо: на примѣрѣ Турціи.

Турція была сильна, когда представляла однородный составъ по націи. Нынѣ она пала вслѣдствіе разноплемен-

ности, пала подъ тяжестью „чужого“. Участь перегруженнаго корабля должна постичь и Австрію, и Англію Та же опасность и для Россіи.

„И мы были сильны, — говоритъ Меньшиковъ, -пока не набрали „чужого“, пока не было завоеваній. Государство, потерявшее этнографическое единство, неминуемо должно погибнуть“

Для спасенія Россіи Меньшиковъ и предлагаетъ „сосредоточеніе“: отдать, напр., Польшу Германіи за 8 милліардовъ и т. д.

„Романтикъ“ Струве не согласенъ съ Меньшиковымъ. Онъ хочетъ примирить націонализмъ съ разноплеменной государственностью подъ доминирующей шапкой русской національности Но,—говоритъ докладчикъ, —если государство хочетъ быть національнымъ, оно должно быть тираническимъ. Другого способа исторія не знаетъ.

Самодержавіе. Въ исторіи былъ фактъ обожествленія власти государственной Это—древній Римъ. Онъ держался и при разноплеменности—именно идеей государственнаго единства Но римляне были народъ исключительный У нихъ были чрезвычайно сильны инстинкты права и государственности. Однако, съ завоеваніемъ Востока, явился національный дуализмъ. И его Римъ не выдержалъ. Россія же ни въ какое сравненіе не можетъ идти съ Римомъ. Русская государственная машина держится лишь матеріальной силой и ничѣмъ болѣе. Даже поляки, и финляндцы, и прибалтійскіе нѣмцы, при доминирующемъ положеніи ихъ въ россійскомъ государствѣ, съ большимъ успѣхомъ реализовали бы въ жизни начала правового государства.

Православіе. Да, оно прежде было силой; оно было и средствомъ руссификаціи. „Русскій“ и „православный“ были синонимы. Но съ Петра I уже начинается трагедія распада. Православіе, перестаетъ быть основой русской государственности Петръ I выдвинулъ иное начало И православіе сохнетъ и вянетъ, какъ отмирающій корень. Западная церковь тоже столкнулась съ этимъ „инымъ“ началомъ. И она упорно боролась за свое вліяніе (Тридентскій соборъ, орденъ іезуитовъ) Но наша господствующая церковь не идетъ въ сравненіе съ мощной организаціей католической церкви. Какъ „союзъ русскаго народа“, взявшій на себя роль ордена іезуитовъ, не идетъ съ послѣднимъ ни въ какое сравненіе. Наши „неоправославные“ (Булгаковъ, Бердяевъ) поневолѣ должны закрывать глаза на то, что творится нашей церковью кругомъ. „Вѣхи“ указы-

ваютъ поворотъ къ означеннымъ „китамъ“, но обновленнымъ и прикрашеннымъ Но въ тысячу разъ нравъ Меньшиковъ. Или реакція и черносотенство Дубровина съ его „союзомъ“,— или интеллигенція. . Иного пути нѣтъ

Послѣ перерыва прочиталъ свой докладъ. „Опять объ интеллигенціи“ г. **Мережковскій.**

При чтеніи „Вѣхъ“ вспоминается сонъ Раскольникова телѣга—Россія; лошаденка—русская интеллигенція.

— О не жалѣй, братцы, бери всякъ кнуты, заготовляй!

Начинается сѣченіе

Вдругъ лошаденка лягается: русская интеллигенція утверждаетъ, что есть у нея всеочищающій огонь—освобожденіе

Тогда начинаютъ бить уже не кнутами, а оглоблею

Но лошаденка все еще не подохла: изъ послѣднихъ силъ дергаетъ, чтобы вывезти. Наконецъ. добиваютъ ее желѣзнымъ ломомъ.

„Намъ, русскимъ интеллигентамъ, не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ,—бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной“,—Гершензонъ.

Кляча протягиваетъ морду, тяжело вздыхаетъ и умираетъ

— Доканалъ.

— А зачѣмъ вскачь не пошла?. .

Подъ отлученіемъ Л. Толстого подписалось, не помню навѣрное, сколько „смиренныхъ“, но, кажется, семь, столько же, какъ подъ „Вѣхами“ этимъ отлученіемъ русской интеллигенціи:

Смиренный Бердяевъ.
Смиренный Булгаковъ
Смиренный Гершензовъ.
Смиренный Кистяковскій.
Смиренный Струве.
Смиренный Франкъ.
Смиренный Изгоевъ...

Для Бердяева спасеніе русской интеллигенціи въ религіозной философіи“, для Франка — въ „религіозномъ гуманизмѣ“, для Булгакова—въ „христіанскомъ подвижничествѣ“, для Струве—въ „государственной мистикѣ“; для Изгоева—въ „любви къ жизни“; для Кистяковскаго—въ „истинномъ правосознаніи“; для Гершензона—въ стараніи сдѣлаться „человѣкомъ“ изъ „человѣкоподобнаго чудовища“.

Семь нянекъ семью пѣсенками баюкаютъ дитя; семь врачей семью лѣкарствами лѣчатъ больного. Но недаромъ гова-

ривалъ Амвросій Оптинскій, что давать совѣты—бросать съ колокольни маленькіе камешки, а исполнять—большіе камни на колокольню втаскивать

Пусть правда все, что говорятъ „Вѣхи" о русской интеллигенціи; идущему по узенькой дощечкѣ надъ пропастью сказать „убьешься" —тоже правда, но правда не любви.

Кто можетъ помочь, помоги, но не любовь—не помощь.

Кто можетъ быть мостомъ, будь; но радуга—не мостъ

„Понятіе революціи есть отрицательное; оно не имѣетъ самостоятельнаго содержанія, а характеризуется лишь отрицаніемъ ею разрушаемаго; поэтому пафосъ революціи есть ненависть и разрушеніе".

Въ этихъ словахъ Булгакова—основная мысль книги, та скрытая ось, вокругъ которой все вращается; тотъ бѣлый цвѣтъ, въ которомъ слиты семь цвѣтовъ радуги

Революція—одно отрицаніе безъ всякаго утвержденія, ненависть безъ всякой любви, разрушеніе безъ всякаго творчества, зло безъ всякаго добра.

Освобожденіе кончено для нихъ, найденъ Градъ: „17-го октября 1905 года мы подошли къ поворотному пункту, — утверждаетъ Изгоевъ —Мы—на порогѣ новой русской исторіи, знаменующейся открытымъ выступленіемъ на-ряду съ правительствомъ общественныхъ силъ".—Это вѣдь и значитъ: найденъ Градъ.

Вотъ съ чѣмъ никогда не согласится русская интеллигенція: она можетъ быть раздавлена, похоронена заживо, но не смѣшаетъ настоящаго Града съ грядущимъ, Вавилона съ Іерусалимомъ И въ этомъ, безъ имени Божьяго, она ближе къ Богу, чѣмъ тѣ, у кого Онъ съ языка не сходитъ, и для кого чаяніе града, по откровенному заявленію Струве, есть „апокалипсическій анекдотъ".

„Наша интеллигенція ведетъ справедливо свою родословную отъ Петровской реформы",—замѣчаетъ Гершензонъ.

Если это справедливо, то покончить съ интеллигенціей значитъ покончить съ Петромъ Гершензонъ это и дѣлаетъ: двумя—тремя строками уничтожаетъ Петра

„Какъ и народъ, интеллигенція не можетъ помянуть ее (Петровскую реформу) добромъ .. Она расколола личность, оторвала сознаніе отъ воли, научила сознаніе праздному обжорству истиной".

Петръ—первый русскій интеллигентъ и первый русскій „отщепенецъ", все наше интеллигентское „отщепенство" идетъ, конечно, отъ Петра Но именно эта способность вдругъ „от-

щепиться", отколоться, оторваться отъ всего настоящаго и прошлаго, чтобы ринуться неистово къ будущему, —самое русское изъ русскихъ свойствъ. Вотъ почему не крестомъ, ни пестомъ Петра изъ Россіи не выбьешь.

Если Петръ—„бѣсъ", то вся интеллигенція —„бѣсноватая", но если онъ святъ для Россіи, то свята и дщерь Петрова. И плевать ей въ лицо значитъ плевать въ лицо Россіи.

Струве бѣжитъ въ до-Петровскую Россію, къ тѣмъ людямъ Московскаго государства которые, по зову патріарха Гермогена, подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго, довели до конца дѣло о возстановленіи государства въ борьбѣ съ противогосударственнымъ „воровствомъ".

Кто нынѣшніе Гермогены, Минины и Пожарскіе, остается неизвѣстнымъ; но ясно, кто „воры": интеллигенты

Почему бы въ самомъ дѣлѣ не послѣдовать Струве умному совѣту Гершензона — не „благословить власть съ ея штыками и тюрьмами"?

Въ идеѣ абсолютной монархіи заключены такіе мистическіе соблазны, какіе не снились конституціонному имперіализму.

Между православіемъ и народностью Булгакова еще не нарисовано, но уже пунктиромъ намѣчено лицо самодержавія такъ ясно, что нельзя не узнать.

За чѣмъ же дѣло стало? Смѣть—такъ смѣть. А то и хочется, и колется, и бабушка не велитъ,—не та же ли интеллигентская „бабушка", съ которою воюютъ „Вѣхи" и которая въ нихъ самихъ жива?

Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе А если они сами не хотятъ, другіе за нихъ сдѣлаютъ

Похоже на зябкихъ купальщиковъ: стоятъ голые и морщатся, и ежатся: „самовластіе... реакція... смертныя казни"... Полноте! Не хуже васъ тамъ люди были Стерпится—слюбится.

„Послѣ ихнихъ похвалъ захочется плюнуть на Россію",— говорилъ Гоголь о славянофилахъ. Наши современные „славянофилы" все ищутъ въ темнотѣ ощупью и никакъ не могутъ найти „національное лицо" Россіи: тамъ, гдѣ должно быть лицо, чортъ знаетъ что

Татары, бывало, въ Золотой Ордѣ мучили русскихъ плѣнниковъ: клали на нихъ доски, садились и пировали. Вотъ гдѣ наше „національное лицо"!.

Такую же медвѣжью услугу оказываютъ „Вѣхи" и религіозному сознанію русской интеллигенціи

Это—младенецъ, едва сосать научившійся; а они намазываютъ грудь кормилицы горчицею.

Освобожденіе если еще не есть, то будетъ религіей; и религія если еще не есть, то будетъ освобожденіемъ

Что этого нѣтъ, всѣ видятъ; что это будетъ, немногіе вѣрятъ. Не видѣть и вѣрить—уже религія. „Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе". А кто хочетъ видѣть и не можетъ вѣрить, — уходитъ въ станъ враговъ. Пусть уходитъ. На страшномъ гумнѣ молотятъ насъ всѣхъ какъ пшеницу: солома отлетаетъ, зерно остается,—мало, зато чистое.

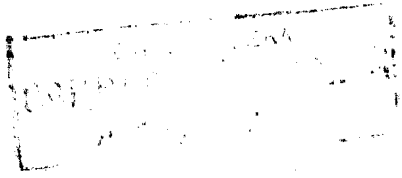
И пусть „головки виснутъ",—только бы висли, какъ спѣлые колосья сжатыхъ сноповъ: чѣмъ полнѣе, тѣмъ ниже.

Кажется, ниже нельзя: по слову Псалмопѣвца, „сидимъ во тьмѣ и тѣни смертной, окованные скорбью и желѣзомъ". Желѣзо—до костей; скорбь—до смерти.

Кажется, наступилъ тотъ полуночный часъ, когда вотъ-вотъ раздастся крикъ пѣтуховъ, возвѣщающій солнце.

Прислушаемся же, не прозвучитъ въ нашихъ сердцахъ этотъ крикъ: живъ Господь нашъ, и живы души наши,—да здравствуетъ русская интеллигенція, да здравствуетъ русское освобожденіе!

Противъ „Вѣхъ" выступили еще гг. Невѣдомскій, Столпнеръ и др. Возражалъ съ глубокой вѣрой въ свою правоту П. Б. Струве.



Оглавленіе.

Стр.

1. **Ф. Мускатблитъ.** „Мертвая зыбь“ (Вмѣсто предисловія). . 1
2. **К. Арсеньевъ.** Призывъ къ покаянію (**Вѣстникъ Европы, V**) . 15
3. **Ник. Іорданскій.** Творцы новаго шума (**Современный Міръ, V**). 31
4. **М. Бикерманъ.** „Отщепенцы“ въ квадратѣ (**Бодрое Слово, VIII**). 48
5. **Д. Левинъ.** Мольеровскіе врачи (**Рѣчь, № 82**). 66
6. **И. Игнатовъ.** Интеллигенція на скамьѣ подсудимыхъ (**Русскія Вѣдомости, №№ 69, 85**) 78
7. **Н. Валентиновъ.** Наши клирики (**Кіевская Мысль, №№ 107, 110, 132**) 101
8. **Григорій Петровъ.** Обвиненные судьи (**Русское Слово, № 111**). 116
9. **П. Боборыкинъ.** Подгнившія „вѣхи“ (**Ibidem**) 129
10. **Н. Геккеръ.** Реакціонная исповѣдь (**Одесск. Нов., № 7,788**). 139
11. **Вл. Боцяновскій.** Нѣчто о „трусливомъ интеллигентѣ“ (**Новая Русь, № 124**). 146
12. **Приложеніе.** Отчеты о засѣданіяхъ Исторической коммиссіи О. Р. Т. З. (Москва) и рел.-фил. О-ва (Петербургъ) 155